

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 3 (180)
МАРТ, 2019

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 3 (180). Март, 2019

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Н. В. Патроева, доктор филологических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Московский гуманитарный университет
(Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

доктор философии, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

доктор филологических наук, профессор, Президент
международного общества Достоевского (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

доктор филологических наук, профессор,
Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

кандидат филологических наук, профессор кафедры
русского языка, Университет Дзёти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

доктор философии по филологии,
Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, профессор,
Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Институт лингвистических
исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

доктор филологических наук, профессор, академик РАН,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Т. РУСЕН

доктор философии, Гётеборгский университет
(Гётеборг, Швеция)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, профессор,
Институт российской истории РАН
(Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

доктор философии, Славянский институт
Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

доктор филологических наук,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

М. А. БОБУНОВА

доктор филологических наук, профессор,
Курский государственный университет
(Курск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

доктор филологических наук, профессор,
Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

доктор философии, профессор,
Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

доктор филологических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

доктор филологических наук, профессор,
Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент,
Всероссийский государственный институт
кинематографии имени С. А. Герасимова
(Москва, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

доктор филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт
кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА

доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

О. В. НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор, Московский
государственный областной университет (Москва, Россия)

А. В. ПИГИН

доктор филологических наук, профессор,
Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

В. И. СУПРУН

доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный социально-педагогиче-
ский университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

доктор филологических наук, Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 3 (180). March, 2019

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Natalia V. Patroeva, Doctor of Philological Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BARISHNIKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philological Sciences, Professor, President
of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Armenian National Academy of Sciences (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

Professor, University of Dzeti (Tokyo, Japan)

T. LÖNNGREN

Doctor of Philosophy and Philology,
Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic
Studies of RAS (Saint Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Academician, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg
(Göteborg, Sweden)

E. SENYAVSKAYA

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy
of Sciences of Czech Republic
(Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philological Sciences,
Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Herzen State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

M. BOBUNOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kursk State University (Kursk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ural State Pedagogical University
(Ekaterinburg, Russia)

R. GRYŮNTHAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor, Northern Arctic
Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
University of Eastern Finland
(Joensuu, Finland)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philological Sciences, All-Russian State
Institute of Cinematography
(Moscow, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philological Sciences, Saint Petersburg State
University for Cinema and Television
(Saint Petersburg, Russia)

T. MAL'CHUKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

O. NIKITIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

A. PIGIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philological Studies, Professor, Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Измestьева И. А.	
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		Языковые средства передачи пространственно-временных отношений в летописной повести «Сѹ оубьсны Борисовѣ»	70
Дранникова Н. В.		Борисова Т. С.	
«Нас везли целый месяц в телячьих вагонах»: воспоминания потомков спецпереселенцев в повествовательной традиции архангелогородцев	8	Диахронный аспект в изучении поэтики церковно-славянских переводных гимнографических текстов	75
Полухатова И. К., Деменюк В. М.		Волошина О. А.	
Рецепция сказки о Румпельштильцхене в романе Л. Баррона «Инициация»	17	Роль санскрита в становлении лингвистической теории Ф. Ф. Фортунатова	81
Канева Т. С.		Гусева Е. Р., Марахтанов А. Г.	
Игровая песня «Хрен» в коми и севернорусских традициях: варианты и трансформации	22	Информационная система «Диалектная лексика и ономастика Карелии» как динамический медиаресурс по краеведению	89
Маркелова О. А.		Якоба И. А.	
Рецепция саг об исландцах в современном исландском историческом романе.	28	Внешние и внутренние параметры медийного дискурса.	94
Мельникова Л. А.		Афанасьева А. А.	
Аллюзии как форма рецепции художественного опыта Ф. М. Достоевского в повести Г. Бёлля «Поезд пришел вовремя»	35	Топонимные модели Сямозерья для называния низинного рельефа	101
Абросимова Д. Д.		Маджуга Н. Н.	
Народный календарь Обонежья в материалах газеты «Олонецкие губернские ведомости» и экспедиционных записях.	41	Инвективная функция русских зоонимов в аспекте лингвоэкспертологии	108
Ван Цзяо		Рецензии	
Автобиография как литературное жанровое образование: природа, разновидности и современные модификации	49	Никитин О. В.	
Отливанчик А. В.		Рец. на кн.: Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. Т. 2: Ломоносов.	113
Материалы редакционного архива «Гражданина» В. Ф. Пуцковича в Staatsbibliothek zu Berlin	54	Бабалык М. Г.	
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		Рец. на кн.: Шилова Н. Л. Остров Киж и русская литература	114
Лённгрен Л.		Научная информация	115
Размышления о валентности	61	Contents	118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS (EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES) (Берген, Норвегия) с 2019 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 29.03.2019. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 65 экз.). Изд. № 47

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА**

Профессор,
доктор филологических наук
Н. В. Патроева

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Прежде всего хочется поздравить всех с вхождением журнала в международную гуманитарную базу ERIN PLUS. Это признание журнала на международной арене (подробнее см. рубрику «Научная информация» (с. 115)). Желаю всем дальнейших успехов в постоянном научном поиске, преумножения исследовательских планов и идей!

Представляя данный номер, напомним о важном событии прошлого года. 10–12 сентября в ПетрГУ состоялась международная научная конференция «Фортуновские чтения в Карелии», организованная совместными усилиями ведущих университетов и научных учреждений: МГУ им. М. В. Ломоносова, Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), СПбГУ, Московского государственного областного университета и Вологодского государственного университета, при финансовой поддержке РФФИ. Международный форум был посвящен 170-летию со дня рождения ученого с мировым именем, академика, посвятившего всю свою творческую жизнь изучению грамматического строя языка и его истории, Филиппа Федоровича Фортунатова (1848–1914). Его жизнь и деятельность много лет были тесно связаны не только с Москвой и Петербургом, но и с карельским краем. Когда ему было пять лет, отца перевели на должность директора Олонецкой губернской мужской гимназии (ныне Музей изобразительных искусств РК), и вся семья переехала в Петрозаводск. Здесь Филипп Фортунатов начал свое обучение. С 1893 года он, очарованный красотой карельской природы, каждое лето приезжал в деревню Косалма, которая стала по-настоящему родной, и по завещанию ученого он был похоронен на небольшом сельском кладбище. Участники и гости конференции посетили его могилу в Косалме, почтили память Ф. Ф. Фортунатова возложением цветов.

Участники конференции представляли более 60 городов России, 17 стран ближнего и дальнего зарубежья (России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Италии, Киргизии, Молдавии, Нидерландов, Сербии, Словакии, Узбекистана, Украины, Финляндии, Франции, Эстонии, Японии). В сборник материалов (см. обложку журнала) включено более 150 статей, посвященных проблемам сравнительного языковедения, исторической грамматики, теории русского языка и методике его преподавания, лексикографии, лингвопоэтики. В данный номер журнала вошла неопубликованная статья О. А. Волошиной (МГУ).

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ДРАННИКОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)

n.drannikova@narfu.ru

«НАС ВЕЗЛИ ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ В ТЕЛЯЧЬИХ ВАГОНАХ»: ВОСПОМИНАНИЯ ПОТОМКОВ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ АРХАНГЕЛОГОРОДЦЕВ*

Статья выполнена на материале устных воспоминаний потомков спецпереселенцев – раскулаченных крестьян, высланных в начале 1930-х годов в Архангельскую область, входившую ранее в состав Северного края. Делается историографический обзор по теме исследования, рассматриваются концепции раскулачивания в СССР и судеб раскулаченных крестьян в региональном контексте. Анализируемые рассказы потомков спецпереселенцев представляют собой полуструктурированное интервью, являющееся типом индивидуального глубинного интервью, в процессе которого мы стремились обсудить с респондентами конкретный список тем и аспектов, касающихся раскулачивания их семьи, высылки и жизни в ссылке. Эти рассказы образуют гипертекст. Гипертекст включает в себя систему разножанровых вербальных текстов. Нами выделяются устойчивые мотивы устных рассказов, записанных от потомков спецпереселенцев. Рассматриваются особенности семейной идентичности и роль в ней знания о судьбе своих родственников. Дети и внуки спецпереселенцев по-разному относятся к раскулачиванию семьи своих предков. Это объясняется разнообразием вариантов поведения, вариантов выбора и конкретных обстоятельств жизни. Интерпретация основывается на идее вариативности процесса спецпереселений и его зависимости от регионального контекста, на методе семейной истории.

Ключевые слова: спецпереселенцы, потомки, повествовательная традиция, Архангельская область, историография, обзор, устные рассказы, анализ, мотивы

Цель статьи – рассмотреть особенности архангельской повествовательной традиции о спецпереселенцах¹, местом высылки которых явился Северный край (с 1937 года – Архангельская область). Северный край был образован постановлением ВЦИК РСФСР от 14 января 1929 года. В его состав входили Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии и Коми автономная область. Центром края стал Архангельск [10].

Существование устойчивых мотивов, вариативность, клишированность этих текстов позволяют рассматривать их в русле методологии современного фольклора [14]. В результате принятого исследования делается вывод о том, какое место занимают эти рассказы в фольклорно-речевой практике жителей современной Архангельской области и их идентичности.

Для сбора материала использовались традиционные методы собирательской работы: беседа, семейно-биографическое интервью, опрос, а также метод включенного наблюдения. С этой целью проводились глубинные интервью с представителями второго и третьего поколений, то есть детьми и внуками спецпереселенцев. Они были главными источниками собираемых сведений.

За время исследования было опрошено 50 местных жителей в возрасте от 40 до 90 лет, проживающих в городах Архангельск, Северодвинск, Плесецком, Приморском и Холмогорском районах Архангельской области. Они являются детьми и внуками крестьян, высланных в Северный край из Саратовской области (в Пинежский и Холмогорский районы), Белоруссии (пос. Луков Ручей, Широкий Дол, Лака, Кокорная Пинежского района (с 1945 года – Мезенский), Верхнетоемский район), Астраханской области (Холмогорский район), Луганской области Украины (Холмогорский район), Донецкой области Украины (рабочий микрорайон Маймакса г. Архангельска), Сумской области Украины (Няндомский район), с Кубани и Кавказа (Ленский район), Приднестровья (Коношский район), Крыма (Летний берег Белого моря, Приморский район), Западной Украины (Верхнетоемский район), Владимирской области (Плесецкий район), Харьковской области Украины (Коношский район), Кировоградской области Украины (Приморский район) и мн. др.

Собранные материалы находятся в архиве Центра изучения традиционной культуры Северного (Арктического) федерального университета (далее – ФА САФУ), фонд 37.

Одним из первых сторонников новой концепции проблемы раскулачивания в СССР и судеб раскулаченных семей является доктор исторических наук, профессор Мурманского государственного педагогического университета В. Я. Шашков. В его работах впервые в историографии процесс раскулачивания в СССР рассматривается комплексно, во всей совокупности политического, социально-экономического, правового и философско-культурологического аспектов: от разорения крестьянских хозяйств до депортации раскулаченных семей в отдаленные регионы страны, создания ГУЛАГовской системы спецпоселений, использования труда спецпереселенцев, их социального, медицинского, культурного обслуживания, участия «бывших кулаков» в Великой Отечественной войне, восстановления их в гражданских правах до ликвидации в 1954 году системы спецпоселений в СССР [33], [34], [35], [36], [37].

Большой вклад в изучение истории спецпоселений в Северном крае внес Н. В. Упадышев [21], [22], [23], [24], [25], [26], [27], [28]. Он впервые осуществил теоретико-методологическое исследование региональной составляющей ГУЛАГа в контексте истории страны и региона. На основе анализа комплекса причин и факторов, обусловивших зарождение советской системы исправительно-трудовых лагерей, он определил место и роль Европейского Севера России в этом процессе. В диссертации Н. В. Упадышева дается трактовка используемого в научной литературе понятийного аппарата (ГУЛАГ, исправительно-трудовой лагерь, спецпоселение, спецколонизация, спецконтингент, «кулацкая ссылка» и др.). Используя в качестве базового понятие «ГУЛАГ», автор определяет его в двух основных значениях. В узком смысле Главное управление лагерей трактуется как одно из ведомств советской карательно-репрессивной системы, осуществлявшее руководство деятельностью входивших в его состав структурных подразделений (исправительно-трудовые лагеря и колонии, спецпоселения и др.). В широком значении ГУЛАГ представляется как социальный институт («государство в государстве»). Н. В. Упадышев раскрывает причины образования и функционирования системы спецпоселений [23].

Анализ демографической ситуации в Северном крае первой трети XX века предпринял в своей монографии В. И. Коротаев. Это первое специальное исследование, посвященное демографическим последствиям применения труда спецпереселенцев и заключенных в регионе [8].

Е. В. Хатанзейская на основе неопубликованных архивных документов проанализировала процесс спецколонизации Северного края, осуществляемый за счет применения труда нескольких категорий спецконтингента (заключенных, административно-высланных и спецпереселен-

цев). Исторический анализ процесса спецколонизации произведен ею сквозь призму истории краевого центра – г. Архангельска. Промышленность города и его портовая инфраструктура были ориентированы в основном на формирование золотовалютного резерва страны для проведения индустриализации. Исследовательница приходит к выводу, что из-за хронического дефицита кадров, материальных и трудовых ресурсов быстрое увеличение темпов промышленного производства, колонизация удаленных районов страны и индустриализация представлялись невозможными без экстренных мер контрактации рабочей силы, в частности использования труда значительных партий спецконтингента. В 1929 году начинается процесс коллективизации, сопровождающийся высылкой на Север первых партий спецпереселенцев, ставших основной рабочей силой в лесопильной промышленности края и, наряду с другими категориями спецконтингента (в особенности ссыльными специалистами), создавших условия для увеличения промышленного производства и индустриализации СССР [31].

Н. М. Игнатова в своих работах рассматривает причины масштабного использования принудительного труда и численность занятых на лесозаготовительных предприятиях Северного края в 1930-е годы (Республика Коми, Архангельская и Вологодская области), а также условия труда спецпереселенцев – «бывших кулаков». В Северном крае спецпереселенцы использовались для ускоренного развития лесозаготовительной отрасли. Она делает вывод, что труд спецпереселенцев был результативен, так как привел к резкому росту лесозаготовок, но не был эффективен с точки зрения индивидуальной производительности труда и вложенных затрат по причине тяжелых условий труда и быта и высокой смертности. Также Н. М. Игнатова освещает организацию культурно-просветительской и идеологической работы в спецпоселках Республики Коми в 1930-е годы, куда были высланы в административном порядке на спецпоселение «бывшие кулаки» из районов сплошной коллективизации. Она приходит к выводу о том, что главной целью перевоспитания спецпереселенцев в «активных строителей социалистического общества» были повышение производительности труда и закрепление спецпереселенцев на лесозаготовительных работах в спецпоселках [6], [7].

Локальными исследованиями процессов спецпереселения на Кольском полуострове занимаются И. А. Разумова и О. В. Змеева [5], [18]. В работах И. А. Разумовой, в отличие от большинства исторических исследований, семья спецпереселенцев рассматривается не в качестве жертвы российской модернизации, а в роли социального актора и субъекта принятия решений [5].

В зарубежной науке есть исследования, посвященные воспоминаниям раскулаченных крестьян (Виола Линн, Ольга Литвиненко, Джеймс Риордан, Шейла Фицпатрик и др. [38], [39], [40], [41], [42], [43], [44]). Зарубежные исследователи пишут о раскулаченных как жертвах советского режима, о том, что они после перестройки «сохранили маски» и заговорили о своих судьбах, сохранили свою идентичность и проявили себя как школа выживших.

Виола Линн называет репрессирование крестьян, происходившее в начале 1930-х годов, «одним из самых отвратительных действий Сталина», которое заложило основы ГУЛАГа. Ее книга «Неизвестный ГУЛАГ» – первое издание на английском языке, в котором исследуется история раскулачивания и депортации крестьян для принудительной работы на различных объектах социализма. Исследователь пишет о повседневной жизни спецпереселенцев и рассказывает истории крестьянских семей [40].

Политическим решением, определившим переход к политике форсированной коллективизации и раскулачивания, стало принятое 5 января 1930 года постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» [19]. Конкретизацию политика раскулачивания получила в постановлении ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [16: 70–76]. Начиная с зимы 1929/30 года имущество крестьянских хозяйств, признанных «кулацкими», последовательно экспроприировалось, а несколько миллионов кулаков подверглись административной высылке. Крестьяне-кулаки были разделены на три категории в соответствии со степенью опасности, которую они предположительно представляли для советской власти. Членов первой группы, «контрреволюционный кулацкий актив», сочли неисправимыми, закоренелыми врагами советской системы; тысячи из них были казнены. Кулаки второй и третьей категорий считались менее политически активными и, стало быть, менее опасными; их выслали в более или менее отдаленные места в зависимости от степени выраженности у них антисоветских настроений [16: 70–76]. Составной частью этой масштабной в геополитическом пространстве бывшего СССР проблемы стал Северный край и те процессы, которые происходили в нем в период «кулацкой» ссылки. В 1930 году Северный край был самым крупным регионом спецпоселений раскулаченных семей. Строительство спецпоселков для высланных «кулаков» намечалось в безлюдных лесных массивах края, так как основная масса спецпереселенцев должна была быть постоянной рабочей силой в лесной промышленности. В Северный край спецпереселенцы стали прибывать с 25 февраля 1930 года

эшелонами по 1500–1800 человек по двум основным магистралям края: Вологда – Архангельск, Вятка – Котлас [11].

В результате операции по раскулачиванию в Северный край было сослано более 300 000 человек [36: 122]. В самом Архангельске в начале 1930-х годов резко увеличилось количество спецпереселенцев. К началу 1932 года спецпереселенцы, административно-высланные и другие «чуждые элементы» трудились на заводах, стройках Архангельска и его окрестностей [8: 38]. Это привело к более сильному противопоставлению центра города и его окраин в сознании горожан и маргинализации пригородов. Только за 1930–1931 годы население Архангельска удвоилось [9: 143].

Все более ужесточившаяся аграрная политика государства вынуждала крестьян отрываться от земли и искать работу на стороне. Они все больше превращались в скитальцев и временщиков. Это качество временщика резко обострилось в годы предвоенных пятилеток. Процессы, происходящие в стране, в большой степени оказали влияние на культурный облик Архангельска. Наряду со спецпереселенцами в Архангельск хлынули массы «индустриальных новобранцев» и невольников ГУЛАГа.

В докладной записке «О размещении и устройстве кулацких хозяйств в Северном крае» (1930) говорится о плане правительства, в соответствии с которым предполагалось к 15 апреля 1930 года ввести в Северный край 45 000 семей, а к осени довести их число до 75 000 [8: 36]. В процессе реализации плана было решено значительную часть раскулаченных направить в восточную малонаселенную часть Северного края. По официальным данным, в 1930–1931 годах в Северный край было выслано 285 609 спецпереселенцев. В. Я. Шашков в результате проверки уточнил их количество и определил действительную, как ему представлялось, численность – 300 922 человека [36: 122].

11 апреля 1931 года крайком партии решил добавить своих «кулаков» (около 3000 семей – 12000–15000 человек) к ввозимым извне и отправить их на Пинегу и Мезень, Печору и в Коми АО. В тот же день принято специальное постановление «О заселении Печоры» [8: 36].

Внуки старожилов г. Архангельска вспоминают:

Я с детства помню рассказы моей бабушки о том, что в конце 20-х, начале 30-х годов на улицах Архангельска лежали трупы, которые долго никто не убирал. Это были умершие от голода «раскулаченные», которые семьями были высланы в Архангельск, не имели никаких средств для жизни, целыми семьями просили подаяние, а им отказывали оттого, что самим было нечего есть, а чаще – от жестокости (М., 44).

Высылка такого количества людей привела к демографической катастрофе на территории современной Архангельской области. Степень

готовности местных властей к приему спецпоселенцев была равна нулю [3: 396–397].

Воспоминания потомков записаны в виде семейно-биографического интервью, которое в нашем случае было фокусированным или нарративным. В статье мы опираемся на классификацию речевых жанров, предложенную М. М. Бахтиным [1]. Устный рассказ он относит к первичным речевым жанрам. По мнению ученого, он возникает во время диалога. К. В. Чистов подчеркивал трудности выделения устного рассказа из обыденной речи [32]. Наряду с термином «устный рассказ», нами в статье используется термин «семейно-биографический хроникат» – это устный рассказ, или бессюжетная краткая информация, отличающаяся «фрагментарностью и ослабленной внутритекстовой когезией» [17]. Термин относится к рассказам, в которых повествуется об истории семьи за длительный период времени. Семейные тексты существуют в следующих видах: представительские, репрезентирующие, внутренние.

Как показало наше исследование, внуки плохо знают историю своих дедов. В их памяти сохранились обрывочные сведения о биографии своих предков. История семьи лучше известна детям спецпереселенцев, которые сами жили в спецпоселках. Выделим основные мотивы этих рассказов. Первый из них – это **раскулачивание семьи**. Он сохранился плохо. Как мы полагаем, это связано с социальной стигматизацией, которая возникала, когда семью причисляли к группе «кулаков», и желанием оградить детей и внуков от этого знания. Приведем примеры:

Деда я понимаю почему (раскулачили. – Н. Д.) – у них наделы, даже мельница была. Наемный труд. А маму почему, не знаю, как Рая мне рассказывает, кто-то донес на них. У меня единственная сестра есть, так она их, говорит, в одночасье. А вот брата его не тронули или он их продал. Маме моей лет пять было, с матеихой уже выслали вдвоем. А отец, дед-то мой, его в Вологде высадили где-то, он пропал, сгинул² (М., 1942 г. р.).

Нет, они высланные – подкулачники, не кулаки, а подкулачники. Пожалели соседа, ну, стали заступаться за соседа, который, ну, это мама рассказывала, у которого, значит, и хозяйство было хорошее, четыре сына, ну, естественно, четыре мужика – это четыре мужика. Вот крепкий хозяин. Ну, в то время – раскулачить. Ну, вот мамин отец стал заступаться. «А-а, заступаешься? В те же сани, пошли на север!» (М., 1944 г. р.)

Приведенные тексты являются неполными и фрагментарными и относятся к внутренним текстам семьи, которые были воспроизведены в ответ на наш вопрос.

Лучше сохраняется **мотив переезда / высылки семей спецпереселенцев в Северный край – в вагонах для скота, в товарных вагонах**

Высылали – всех не спрашивали, сами-то, считай, голые были, да все отобрали, голых отправили, прям, нас (Ж., 1925 г. р.).

Их везли целый месяц в телячьих вагонах (Ж., 1962 г. р.).

Раскулачили ничем неповинную семью в 1937–1938 году. В ночь ни с того, ни с сего приехали люди, приказали запрягать лошадей и покидать дом. Транспортировали в скотовозах в поселок Верхний Чов в Сыктывкаре. После того, как довели до железной дороги, посадили в скотовозы, через реку на плоту доплыли до поселка. Молодых посадили на плоты, а старики тянули его (Ж., 1941 г. р.);

– в трюмах барж

– До Архангельска раскулаченных везли эшелонами. Затем погрузили на баржу и доставили в Усть-Пинегу, ехали в сыром трюме вместе с крысами [15: 127];

– **переезд из пересыльного или фильтрационного пункта (Архангельска, Вологды, Котласа, Емцы) до места назначения**

Первоначально приехавших разместили в фильтрационном пункте – поселке Емца Плесецкого района, в наскоро построенных бараках-шалашах (Ж., 1939 г. р.);

– **высадка на место будущего места проживания: в снег / в чистое поле / дикий лес и др.**

Вот, и, значит, там они высадили их на болоте, их возили по области, тут они были и на острове Жижгин, и на Сийских озерах останавливались, большую толпу, не только там их возили тысячами, на барже там до Котласа везли, очень много значит. А в итоге вот остановились на болоте, чистое, ну, лес, в лесу. И вот высадили их там – живите, как хотите, да. Они там сначала землянки вырыли, чтоб как-то укрываться от непогоды с настилом. А потом начали заготавливать лес, лес там кругом лес, и строили бараки, не дома даже, а бараки. (М., 1939 г. р.)

...Их же раскулаченных вот выселят на берег, пустой берег, вот живите здесь... (Ж., 1936 г. р.);

– голод

Но очень удивительно, здесь даже есть то, что в наших местах поселения люди хоть и бедно жили, впроголодь и без жилья вначале все, но все нормально. А здесь даже места есть, где люди людей ели – это в Яренске или еще где-то (М., 1939 г. р.).

Сестра мамина тоже умерла по дороге. Жрать-то нечего было. Ну, я уж так попросту говорю: «Не есть, а жрать». Так оно и было, че там говорить (М., 1944 г. р.);

– **полное отсутствие условий для жизни**

Условия-то были нечеловеческие – в землянках жить в морозы это. Под дождем, сушить негде было это все, так что отношение, конечно, было, понятно какое. И так было вот до каких пор? До войны, до войны было, очень там худо жили (М., 1949 г. р.).

Привезли туда в такой длинный-длинный барак. В этих бараках там столько нас много, и одна железная плита была. Двухъярусные были эти, как ее, кровати. И вот там грелись мы все, считай, чуть полуголые (Ж., 1925 г. р.).

Все пережили – не дай Бог никому столько пережить! Мне вот было пять лет – я и то все помню. Как мы ехали, как нас послали туда, как мы жили. Мама на нас ляжет – дует-дует на нас, чтоб мы не озябли-то. Попробуй-ка: одна печка железная, а целый барак нас народу (Ж., 1925 г. р.).

Некоторое время после смерти матери жили в приемнике при тюрьме. Большое одноэтажное здание, потолок был подкреплен стойками. Соседи, люди, участвующие

в войне, так же жили в бараках. Люди воевали, возвращались, и их снова посылали в тюрьму (Ж., 1943 г. р.);

– обустройство места для жизни

Ой, бабушка говорит, сначала старики все были хваткие. Ну, все же работы, ну, в смысле трудились много они. Сначала в шалашах жили, а потом, говорит, срубили какой-то барак не барак. Но, по крайней мере, по-черному даже, дак, говорит, топили. А потом уже глины полно там было, кирпичные, а потом бараки начали строить (М., 1941 г. р.);

– эпидемии, болезни, высокая смертность

А смертность была страшная. У нас до сих кладбище сохранилось. Детей умерло маленьких там, год рождения указан, так в каком году родился, в том и умер или через год. И взрослые тоже умирали много (М., 1949 г. р.).

Марусенька там умерла у нас одна. Так похоронили ее туда в тину. Завернули ее вот так в тину, даже гробов не давали делать (Ж., 1925 г. р.).

Пока по оврагам хоронили людей, от голода и бесилия умирал другой. Где умер, там и закопали. Могины безымянные, лежит на земле камень, значит, здесь человек похоронен (М., 1941 г. р.);

– тяжелый труд

Вся жизнь – это тяжелейший труд, хлопоты, заботы, адский ручной труд на гипсовом карьере, в лесу (М., 1939 г. р.).

Там выживать надо было, выживать, в первую очередь выживать (М., 1949 г. р.).

Ой, сколько испытали, батюшки! Вот так и жили. И приехали сюда тоже в бараках жили. Папа работал, тут вон все кругом лес был. Это все вот наши реабилитированные (репрессированные. – Н. Д.) пилили. Раньше-то ведь пилили этой ведь, пилой, вот так по снегу ходили. Надо план выполнить было. Наши-то родители испытали тоже много кое-что. Грузили тогда веревками, шпалы-то носили на себе (Ж., 1925 г. р.);

Мама с четырнадцати лет работала в лесу, на вывозке леса. Бабушка тоже была на вырубке леса, то есть оставила там все свое здоровье (Ж., 1962 г. р.);

– нормативно-правовые ограничения (на выезд из поселка и др.)

О, даже в район надо, например, съездить, вот обязательно у коменданта надо брать эту, бумажку или справку. Без разрешения это считалось, это вообще... Даже в сельсовет вот Быстрокурье через реку нельзя, ну, до Усть-Пинеги (6 километров. – Н. Д.) тут свободное было перемещение. Бабушка говорит, не было этих ограничений (М., 1941 г. р.);

– бегство с места высылки или работы

Отец, когда сбежали они, как бабушка рассказывала, где-то за Березником³ работали, то на бревнах приплыли по Двине домой, уже морозы начинались... <...> ...у них было уже по три бревна связано заранее там где-то. ...А на вторую ночь напарник у него где-то отплыл, говорит, в какой деревне, бабушка и деревню не помнит, но ему раньше надо было – тоже посланный был. А наш-то отцепился от плота, раньше приплыл. А там еще надо Пинегу, надо было пройти как-то через Пинегу. Холода уже начались. Дак он, говорит, так это <неразборчиво> бабушка говорит, пришел когда домой, то как кол на нем вся одежда было. Дак вот от Усть-Пинеги до нас еще дорога 6 километров⁴ (М., 1941 г. р.).

Рассказы потомков спецпереселенцев представляют собой полуструктурированное интервью, являющееся типом индивидуального глубинного интервью, в процессе которого мы стремились обсудить с респондентами конкретный список тем и аспектов, касающихся раскулачивания их семьи, высылки и жизни в ссылке. Эти рассказы образуют гипертекст. Гипертекст включает в себя систему разножанровых вербальных текстов. Это «некое информационное пространство, позволяющее разрушить формальную обособленность отдельного конкретного текста, в него помещенного, за счет создания системы связей, служащих объединению этих отдельных текстов в сверткостекстовые единства» [4: 106–107]. Все эти тексты были внутренними текстами семьи до начала реабилитации, которая началась в 1989 году, в некоторых семьях они продолжают оставаться внутренними до сих пор, в части других – стали репрезентирующими. Это объясняется местом проживания, образования и тем, как осмыслена память о репрессиях местным сообществом.

Архангельские спецпереселенцы работали преимущественно на предприятиях лесной промышленности, в том числе на лесозаводах г. Архангельска, рубщиками леса в Пинежском и Приморском районах [13], Холмогорском, Верхнетоемском, Ленском районах, сплаве леса, занимались производством кирпича, бондарным, шорным, столярным производством, кузнечным делом, промыслом рыбы, делали скипидар, сельским хозяйством, заготовкой водорослей в пос. Кислуха и Сосновка (на Летнем берегу Белого моря). В спецпоселках в качестве альтернативы колхозам создавались неуставные сельскохозяйственные артели. Спецпереселенцы умели трудиться. О том, каких результатов они добились за несколько лет тяжелого труда, можно говорить на примере пос. Ледня Ленского района. Здесь уже к середине 1930-х годов они сеяли зерновые, садили капусту, первыми в районе начали выращивать огурцы и помидоры, семена для этих культур переселенцам присылали по почте их родственники. Для этого были построены парники. После снятия урожая все выращенные овощи полностью увозили в районный центр, не оставя ничего самим спецпереселенцам [20].

В спецпоселках была поселковая комендатура: комендант и милиционер. Чтобы отлучиться, надо было просить разрешение у коменданта. Детей спецпереселенцев не принимали в октябрята и пионеры, но в 1933 году начинается восстановление детей в избирательных правах с момента достижения ими совершеннолетия⁵. Это делалось для того, чтобы оторвать детей от родителей. До 1935 года спецпереселенцы были лишены избирательных прав. Они не имели права вступать в профсоюз. Ограниченно их призывали в Красную армию. Запрещались

отлучки спецпереселенцев из спецпоселков и мест работы, их переписка с родственниками [2]. Все письма читались комендантом. Много спецпоселков находилось на Летнем берегу Белого моря. По словам потомков, поселки были большими. Жили высланные в бараках, в которых размещалось много семей. В каждом из поселков было по 7–10 бараков. Например, в поселке на острове Жижгин (Приморский район Архангельской области) в 1940–1960-х годах проживало около 1500 человек, которые размещались в 10 жилых бараках [29]. Имущество поселков, постройки, скот и инвентарь находились в собственности государства. Для выплаты возвратных ссуд из зарплаты удерживалось 25 процентов в доход [3: 399]. Постепенно спецпереселенцев стали восстанавливать в гражданских правах. Система спецпоселений существовала до 1954 года, окончательно режим был снят в 1956 году.

Во время интервью дети спецпереселенцев отмечают различное отношение к себе со стороны местных жителей. В некоторых поселках отношение к ним было плохим, уничижительным, местные жители боялись общаться с ними (Верхнетоемский район, Пинежский район), сверстники дразнили «кулаками» и «куркулями» (Холмогорский район), между ними происходили драки.

Ну, че еще рассказать, учились мы здесь. Нас презирали, все время презирали. Там че-то дают вот этим так ученикам, а нам нет, потому что мы были реабилитированные (репрессированные. – Н. Д.). А за что реабилитированные, не знаю (Ж., 1925 г. р.).

И приехали сюда: «Куркули! Куркули!» – нас все время дразнили. А за что мы куркули? Мы-то че понимали? Мы работали с малых юных лет (Ж., 1925 г. р.).

Но вот, я помню, в школе мы учились, учителя к нам относились заметно не так, как к местным. Хотя не обзывали, не оскорбляли, но отношение было такое предвзятое. Я помню, мне и характеристику написали, когда школу закончил, характеристики писали тогда, я щас не знаю, пишут, нет. Дак меня с той характеристикой, что написали, не приняли бы никуда, в учебное заведение, там так написано было, отец, помню, ходил в школу к директору, просил переписать, на колени падал, дак что, говорит, куда он с такой характеристикой (М., 1949 г. р.).

О доброжелательном отношении местных жителей к спецпереселенцам записаны воспоминания их потомков в пос. Кислухе и Сосновке, расположенных на Онежском полуострове Белого моря (Приморский район):

Мы прожили в хорошем месте и среди таких прекрасных людей Севера. Таких людей, как на Севере, нигде нет. Люди Севера, низкий вам поклон от нас, живых и ушедших [30].

Исключением является увековечение памяти о крестьянах, насильно депортированных в Северный край, самими местными жителями. В 2008 и 2010 годах на территории бывших спецпоселков Лопатка и Кега Приморского

района были установлены памятные обелиски. В 2012 году в бывшем пос. Конюхово по инициативе жителя д. Пушлахта Руслана Сакеева силами местных жителей был установлен поклонный крест на месте кладбища спецпереселенцев и часовня на месте поселка [30].

Опрошенные нами старожилы, проживающие в различных районах Архангельской области, отмечают высокий культурный и профессиональный уровень высланных: «Они, раскулаченные люди, народ был умный, грамотный, такой собранный» (Ж., 1936 г. р.). Во время опроса нам приходилось слышать о том, что спецпереселенцы привезли с собой музыкальные инструменты, неизвестные местным жителям, например мандолины, играли на них, были хорошо образованны (М., 1928 г. р.).

Информация о некоторых спецпоселках скрывалась. Приведем конкретный пример. В 2013 году была опубликована статья В. А. Мелехова о топографической экспедиции 1947 года, маршрут которой прошел по труднодоступной территории, прилегающей к реке Кулой, которая протекает в Мезенском и Пинежском районах Архангельской области [12]. В. А. Мелехов сам был ее участником. Экспедиция продолжалась в течение нескольких месяцев. Неожиданно для себя ее участники обнаружили пустой поселок по реке Нырзанге – притоку Кулая, о существовании которого не знали местные жители и который не был нанесен ни на одну из карт⁶.

Многим из наших респондентов – внуков спецпереселенцев была неизвестна история их семьи, что объясняется умалчиванием и табуированием этой темы в советский период, а также социальной стигматизацией, вызванной раскулачиванием. В СССР в семьях не было принято говорить о советской истории, потому что это было опасно, у значительной части людей родственники были репрессированы или сидели, и считалось, что с детьми об этом было лучше не говорить, поэтому потомки спецпереселенцев плохо знают историю своих семей. Одной из причин молчания был страх. Потомки репрессированных опасались осуждения со стороны начальства или преданных властям лиц, задержек в продвижении по месту работы, исключения, увольнения, ареста и др. Людям было трудно говорить об унижении, издевательствах, пытках, насилии, которые пережили члены их семей. Одна из участниц, проецируя на меня свой страх, спросила меня, не боюсь ли я проводить такое исследование. Дети и внуки спецпереселенцев по-разному относятся к раскулачиванию семей своих предков. Это объясняется разнообразием вариантов поведения, вариантов выбора и конкретных обстоятельств жизни. Большинство из них считают, что это было несправедливо, что их предки были трудолюбивыми и умными людьми, сумевшими организовать свою жизнь и добиться

благодаря этому благосостояния своей семьи. Реже приходилось слышать, что раскулачивание было справедливым, так как в семье родителей использовался наемный труд.

Часть из опрошенных нами внуков отстраненно относилась к истории раскулачивания их дедов до моего интервью с ними. Осознание важности этого события в истории семьи иногда происходило в процессе нашего общения. Для них данная информация ранее была неактуальна, что объясняется умалчиванием и табуированием этой темы в советский период, а также социальной стигматизацией, вызванной раскулачиванием. Меньшая часть внуков воспринимает историю раскулачивания и высылки своей семьи как продолжающуюся, они продолжают жить в ней: ищут родовые дома, конфискованные во время раскулачивания, и информацию в архивах,

заказывают картины с изображением родовых домов и деревень. Отношение во многом зависит от уровня образования и воспитания в семье. Практически никто сейчас не является носителем памяти о времени репрессий, будь то личная или коллективная память. В большинстве случаев транслируется то, что сейчас принято называть «пост-память» – то есть не лично пережитое событие и не рассказы очевидцев, а некие тексты, дошедшие до нас уже с определенными умолчаниями и оценками. Некоторые внуки пытаются разобраться в произошедшем и понять его причины. Они приходят 30 октября в День памяти жертв политических репрессий СССР на «Молитву памяти», или «Возвращение имен», которая проводится в этот день во многих городах России, чтобы отдать дань уважения и почтения своим предкам.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ До 1934 года так называли раскулаченных крестьян, высланных в отдаленные регионы СССР, в 1934–1944 годах – трудпоселенцы, с 1944 года – спецпоселенцы.
- ² В Вологде находился пересыльный пункт, где часть мужчин-спецпереселенцев высаживали из поезда, отделяли от семьи и этапом отправляли на лесозаготовительные работы [15: 126].
- ³ Пос. Березник – районный центр Виноградовского района.
- ⁴ Речь идет о бегстве отца рассказчика с места работы, куда он был направлен в возрасте 14 лет заготавливать лес.
- ⁵ Постановление Президиума ЦИК СССР «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» от 17 марта 1933 года.
- ⁶ Как вскоре выяснилось, в 1938 году группа из 12 спецпереселенцев стала готовиться к побегу. У старшего из них была топографическая карта, разработан маршрут движения. В назначенный день зажгли костры, но был сильный ветер, и лес загорелся. О побеге доложили в г. Архангельск и в пос. Пинегу, после чего в поселок приехали несколько групп сотрудников НКВД и три следователя. А в 1939 году поселок был расформирован, так как о нем стало известно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–290.
2. Бердинских В. Н. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.
3. Васев В. Н. Двинская земля: шаги времени. Вологда, 2011. 496 с.
4. Дианова Т. Б. Гипертекстовые единства в живой фольклорной традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики / Под. ред. А. А. Ивановой. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 68–74.
5. Змеева О. В., Разумова И. А. Спецпереселенцы Хибингорска: динамика идентичностей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 7–14.
6. Игнатов Н. М. Использование труда спецпереселенцев – «бывших кулаков» в лесозаготовительной промышленности Северного края в 1930-е гг. // Известия Коми научного центра УРО РАН. 2015. Вып. 4 (24). С. 93–99.
7. Игнатов Н. М. «Перевоспитать в наикратчайший срок»: школы, клубы и библиотеки в спецпоселках Коми автономной области в 1930-е годы // Известия Коми научного центра УРО РАН. 2017. Вып. 4 (32). С. 109–115.
8. Коротаев В. И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. 136 с.
9. Коротаев В. И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1998. 189 с.
10. Куратов А. А. Северный край // Поморская энциклопедия: В 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера / Гл. ред. В. Н. Булатов; Сост. А. А. Куратов. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001. С. 361.
11. Лобченко Л. Н. Из истории спецпоселков в Северном крае // Вестник архивиста. 2006. № 4–5. С. 137–156.
12. Мелехов В. А. Трудный маршрут // Север. Мезень. 2013. 25 сент. С. 6; 2013. 1 нояб. С. 8.
13. Митин В. А. Кулойский ИТЛ НКВД (1937–1960) // Поморский летописец. Архангельск, 2002. Вып. 1. С. 165–185.
14. Неклюдов С. Ю. Стереотипы действительности и повествовательные клише // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. конф. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1995. С. 77–80.
15. «Обо всем, что совершалось тут»: Воспоминания, материалы о репрессированных жителях Судостроя-Молотовска и о репрессированных родственниках жителей Архангельска и Северодвинска / Сост. Г. В. Шаверина. Архангельск, 2017. 240 с.
16. Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг.: В 2 кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2005. 912 с.
17. Разумова И. А. Время в семейном историческом нарративе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/razumova6.htm> (дата обращения 10.07.2018).
18. Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. № 7. С. 14–28.
19. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: В 5 т. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 85–86.

20. Угрюмова Ю. О. Спецпереселенцы Ленского района в 1930–1940 годах в воспоминаниях очевидцев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yarensk.narod.ru/diplom/pSrc.html> (дата обращения 10.09.2018).
21. Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 гг. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. 211 с.
22. Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2007. 324 с.
23. Упадышев Н. В. Гулаг на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад: 1929–1960 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2009.
24. Упадышев Н. В. Заключенные исправительно-трудовых лагерей в Архангельской области в 1937–1953 гг.: численность и динамика. Архангельск: Солти, 2001. 38 с.
25. Упадышев Н. В. Об использовании принудительного труда лагерных заключенных в развитии транспортной инфраструктуры на востоке Европейского Севера России в 1930–1940-е годы // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Вып. 4. Материалы межрегион. научно-практ. конф. (г. Котлас, 26–27 марта 2010) / Отв. ред. С. А. Гладких. Котлас, 2010. С. 117–125.
26. Упадышев Н. В. О современных подходах к изучению истории ГУЛАГА // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 170–172.
27. Упадышев Н. В. Польские спецпереселенцы на Европейском Севере России // Отечественная история. 2007. № 5. С. 154–161.
28. Упадышев Н. В. Спецпоселенцы в Северном крае: концептуальное видение проблемы // Вестник Поморского университета. 2005. № 2(8). С. 24–25.
29. Харитонов Я. Э. Личные воспоминания о жизни на острове Жижгин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/lichnye-vospominaniya-o-zhizni-na-ostrove-zhizhgin/> (дата обращения 10.09.2018).
30. Харитонов Я. Э. Парк продолжает заполнять страницы истории «Онежского Поморья» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/park-prodolzhaet-zapolnyat-stranitsy-istorii-onezhskogo-romotoga/> (дата обращения 10.09.2018).
31. Хатанзейская Е. В. Архангельск в системе спецколонизации Северного края в 1929–1936 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 93–104.
32. Чистов К. В. Устная речь и проблемы фольклора // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1988. С. 326–340.
33. Шашков В. Я. К вопросу о выселении спецпереселенцев в Северный край // Отечественная история. 1996. № 1. С. 150–155.
34. Шашков В. Я. «Ликвидированный класс» на защите Родины // Военно-исторический журнал. 2001. № 4. С. 42–47.
35. Шашков В. Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев 1930–1954 гг. Мурманск: Изд-во МГПИ, 1996. 279 с.
36. Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск: Изд-во МГПИ, 2000. 343 с.
37. Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). Мурманск: Изд-во МГПИ, 1993. 142 с.
38. Against their Will: the History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Budapest; New York, 2004. 425 p.
39. Lynne V. Counternarratives of Soviet Life: Kulak Special Settlers in the First Person // Writing the Stalin Era. Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography. New York, 2011. P. 87–99.
40. Lynne V. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford University Press, 2007. 278 p.
41. Memories of the Dispossessed: Descendants of Kulak Families Tell Their Stories. (O. Litvinenko, J. Riordan, Eds.). Nottingham, UK: Bramcote Press, 1998. 110 p.
42. Siegelbaum L. H., Moch L. P. Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Cornell University Press, 2015. 440 p.
43. Sheila Fitzpatrick. Tear Off the Masks! Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. 352 p.
44. Snyder T., Brandon R. Stalin and Europe: Imitation and Domination, 1928–1953. Oxford University Press, 2014. 352 p.

Drannikova N. V., Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russian Federation)

“WE WERE CARRIED IN THE CATTLE-BOXES FOR A MONTH”: MEMORIES OF THE SPECIAL SETTLERS’ DESCENDANTS IN THE NARRATIVE TRADITION OF ARKHANGELSK CITIZENS*

The article is based on the oral memories of the descendants of special settlers – dispossessed peasants, who were expelled to the Arkhangelsk region, formerly part of the Northern Region, at the beginning of the 1930s. A historiographic review is made on the research topic, the concepts of dispossession in the USSR and the fate of the dispossessed peasants are considered in the regional context. The stories of the descendants of the special settlers analyzed in the article are semi-structured interviews, a type of individual in-depth interviews, during which we sought to discuss with the respondents a specific list of topics and aspects relating to dekulakization of their families, the expulsion and life in exile. These stories form hypertext, which includes a system of multi-genre verbal texts. We distinguish the stable motifs of oral stories recorded from the descendants of the special settlers. The article discusses the features of the family identity and the role of knowing about the fate of the relatives in this identity. The children and grandchildren of the special settlers have different attitudes towards the dispossession of their ancestors’ family. This is due to the diversity of behaviors, choices and specific life circumstances. The interpretation is based on the idea of the variability of the process of special migrations, and its dependence on the local contexts and the method of family history.

Key words: special settlers, descendants, narrative tradition, Arkhangelsk region, historiography, review, oral stories, analysis, motifs

* The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research grant “The population of the Kola Peninsula between two world wars: migration, mobility, identity” (project No 18-09-00392).

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, 1979. P. 237–290. (In Russ.)
2. Berdinskich V. N. The special settlers: The political exile of the peoples of Soviet Russia. Moscow, 2005. 768 p. (In Russ.)
3. Vasev V. N. Dvina land: the steps of time. Vologda, 2011. 496 p. (In Russ.)

4. Dianova T. B. Hypertext entities in the lively folklore tradition. *Aktual'nye problemy polevoy fol'kloristiki*. Moscow, 2002. P. 68–74. (In Russ.)
5. Zmeyeva O. V., Razumova I. A. Special settlers of Hibirnogorsk: dynamics of identities. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 7 (168). P. 7–14. (In Russ.)
6. Ignatova N. M. The use of labor of the special settlers – “former kulaks” in the logging industry of the Northern Region in the 1930s. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra URO RAN*. 2015. No 4 (24). P. 93–99. (In Russ.)
7. Ignatova N. M. “Re-educate in the shortest possible time”: schools, clubs and libraries in the special settlements of the Komi Autonomous Region in the 1930s. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra URO RAN*. 2017. No 4 (32). P. 109–115. (In Russ.)
8. Korotayev V. I. On the threshold of a demographic catastrophe: forced colonization and the demographic crisis in the Northern Region in the 1930s. Arkhangelsk, 2004. 136 p. (In Russ.)
9. Korotayev V. I. Russian North in the late XIX and the first third of the XX centuries. Problems of modernization and social ecology. Arkhangelsk, 1998. 189 p. (In Russ.)
10. Kuratov A. A. Northern Region. *Pomorskaya entsiklopediya*. Vol. 1: The history of the Arkhangelsk North. Arkhangelsk, 2001. P. 361. (In Russ.)
11. Lobchenko L. N. From the history of special settlements in the Northern Region. *Vestnik arkhivista*. 2006. Issue 4–5. P. 137–156. (In Russ.)
12. Melekhov V. A. Difficult route. *Sever. Mezen'*. 2013. 25 Sept. P. 6; 2013. 1 Nov. P. 8. (In Russ.)
13. Mitin V. A. NKVD Kuloy Labour Camp (1937–1960). *Pomorskiy letopisets*. Arkhangelsk, 2002. Issue 1. P. 165–185. (In Russ.)
14. Neklyudov S. Yu. Stereotypes of reality and narrative cliches. *Speech and Mental Stereotypes in Synchrony and Diachrony: Proc. Conf.* Moscow, 1995. P. 77–80. (In Russ.)
15. “About everything that happened here”. Memories, materials about the repressed residents of Sudostroy – Molotovsk and about the repressed relatives of the residents of Arkhangelsk and Severodvinsk. Arkhangelsk, 2017. 240 p. (In Russ.)
16. Politburo and the peasantry: Expulsion, special settlements. 1930–1940. Book 1. Moscow, 2005. 912 p. (In Russ.)
17. Razumova I. A. Time in the family historical narrative. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/razumova6.htm> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)
18. Razumova I. A. Family factor in the integration of the historical community of special settlers. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*. 2018. No 7. P. 14–28. (In Russ.)
19. The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and Materials. Vol. 2: November 1929 – December 1930. Moscow, 2000. P. 85–86. (In Russ.)
20. Ugryumova Yu. O. Special settlers of the Lensky district in the 1930s and the 1940s in the memories of the eyewitnesses. Available at: <http://www.yarensk.narod.ru/diplom/pSrc.html> (accessed 10.09.2018). (In Russ.)
21. Upadyshev N. V. GULAG in the Arkhangelsk North: 1919–1953. Arkhangelsk, 2004. 211 p. (In Russ.)
22. Upadyshev N. V. GULAG in the European North of Russia: genesis, evolution, and decay. Arkhangelsk, 2007. 324 p. (In Russ.)
23. Upadyshev N. V. GULAG in the European North of Russia: genesis, evolution, and decay: 1929–1960: Diss. Doct. Sci. (Philology). Arkhangelsk, 2009. (In Russ.)
24. Upadyshev N. V. Prisoners of the labor camps in the Arkhangelsk region in 1937–1953: numbers and dynamics. Arkhangelsk, 2001. 38 p. (In Russ.)
25. Upadyshev N. V. Using forced labor camp prisoners in the development of transport infrastructure in the East of the European North of Russia in the 1930s and the 1940s. *Problems of the development of transport infrastructure of the European North of Russia: Proc. Int. Scientific-Practical Conf.* Kotlas, 2010. P. 117–125. (In Russ.)
26. Upadyshev N. V. Modern approaches to the study of the history of GULAG. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2012. No 2. P. 170–172. (In Russ.)
27. Upadyshev N. V. Polish special settlers in the European North of Russia. *Otechestvennaya istoriya*. 2007. No 5. P. 154–161. (In Russ.)
28. Upadyshev N. V. Special settlers in the Northern Region: a conceptual vision of the problem. *Vestnik Pomorskogo universiteta*. 2005. Issue 2 (8). P. 24–25. (In Russ.)
29. Kharitonova Ya. E. Personal memories of life on the Island of Zhizhgin. Available at: <http://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/lichnye-vospominaniya-o-zhizni-na-ostrove-zhizhgin/> (accessed 10.09.2018). (In Russ.)
30. Kharitonova Ya. E. The Park continues to fill the pages of the history of the history of Onega Pomorye. Available at: <http://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/park-prodolzhaet-zapolnyat-stranitsy-istorii-onezhskogo-pomor'ya/> (accessed 10.09.2018). (In Russ.)
31. Khatanzeyskaya E. V. Arkhangelsk in the system of special colonization of the Northern Region in 1929–1936. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2016. No 3. P. 93–104. (In Russ.)
32. Chistov K. V. Oral speech and problems of folklore. *Istoriya, kul'tura, etnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov*. Moscow, 1988. P. 326–340. (In Russ.)
33. Shashkov V. Ya. The issue of the deportation of the special settlers to the Northern Region. *Otechestvennaya istoriya*. 1996. Issue 1. P. 150–155. (In Russ.)
34. Shashkov V. Ya. “Liquidated class” in defense of its motherland. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 2001. No 4. P. 42–47. (In Russ.)
35. Shashkov V. Ya. Dekulakization in the USSR and the fate of the special settlers of 1930–1954. Murmansk, 1996. 279 p. (In Russ.)
36. Shashkov V. Ya. Repressions against the peasants in the USSR and the fate of the special settlers of the Karelo-Murmansk region. Murmansk, 2000. 343 p. (In Russ.)
37. Shashkov V. Ya. Special settlers on Murman. The role of the special settlers in the development of productive forces on the Kola Peninsula (1930–1936). Murmansk, 1993. 142 p. (In Russ.)
38. Against their Will: the History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Budapest, New York, 2004. 425 p.
39. Lynne V. Counternarratives of Soviet Life: Kulak Special Settlers in the First Person. *Writing the Stalin Era. Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography*. New York, 2011. P. 87–99.
40. Lynne V. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford University Press, 2007. 278 p.
41. Memories of the Dispossessed: Descendants of Kulak Families Tell Their Stories. (O. Litvinenko, J. Riordan, Eds.). Nottingham, UK, Bramcote Press, 1998. 110 p.
42. Siegelbaum L. H., Moch L. P. Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Cornell University Press, 2015. 440 p.
43. Sheila Fitzpatrick. Tear Off the Masks! Princeton, NJ, Princeton University Press, 2005. 352 p.
44. Snyder T., Brandon R. Stalin and Europe: Imitation and Domination, 1928–1953. Oxford University Press, 2014. 352 p.

Поступила в редакцию 26.11.2018

ИННА КОНСТАНТИНОВНА ПОЛУЯХТОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация)
kafzl@yandex.ru

ВЕРОНИКА МАКСИМОВНА ДЕМЕНЮК

магистрант кафедры зарубежной литературы Института филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация)
demenyuk.veronika@mail.ru

РЕЦЕПЦИЯ СКАЗКИ О РУМПЕЛЬШТИЛЬЦХЕНЕ В РОМАНЕ Л. БАРРОНА «ИНИЦИАЦИЯ»

Рассматриваются особенности интерпретации сказки о Румпельштильцхене в романе Лэрда Баррона «Инициация» с точки зрения деконструкции жанра волшебной сказки. Роман анализируется с точки зрения жанрового своеобразие: разрушается важное для сказки превосходство пространства над временем, поскольку описываются события трех четко обозначенных временных промежутков (стародавние времена, 1958 год, 1980 год), а время как бесконечный цикл становится центрирующим идейно-философским компонентом текста романа. Автором сознательно разрушается пространственная оппозиция «свой – чужой», свойственная сказке, и вводится категория ужасного как центральный элемент повествования. Также рассматривается связь американского прозаика Л. Баррона с предшествующей национальной традицией, проводится сравнительный анализ текста с творчеством Г. Лавкрафта и А. Бирса. Подобно своим предшественникам, Л. Баррон во многом работает с мифологическими образами, воздействующими на подсознание читателя, чем предлагает своеобразное решение парадокса болезненного искусства. Делается вывод о том, что, опираясь на творчество указанных авторов, Л. Баррон разрабатывает собственную авторскую концепцию бытия, в котором человек оказывается ограничен своим субъективным восприятием и не способен пробиться к смыслу бытия.

Ключевые слова: рецепция, волшебная сказка, Лэрд Баррон, Румпельштильцхен, «Инициация», парадокс болезненного искусства

Литература фэнтези за последние десятилетия стала одним из центральных явлений современной массовой культуры, активно развиваясь и порождая множество разнообразных поджанровых образований. В этой связи особую популярность получают писатели, работающие с категорией фантастического, мистического и, в том числе, ужасного как художественно-эстетической единицей. Это связано с мироощущением эпохи: мир, в котором мы живем, осмысливается как нечеловеческий мир, странный и непонятный, чуждый человеку и безразличный к нему, мир извне. Ужас является «не-философской попыткой философски помыслить мир-без-нас», то, что остается «после» человеческого [7: 16]. Среди авторов, использующих в своих произведениях категорию ужасного как центральный элемент поэтики, стоит и исследуемый нами американский прозаик Лэрд Баррон (Laird Barron), первым крупным романом которого является «Инициация» (The Croning, 2012). Сюжетной основой повествования становится известная фольклорная сказка («Рум-

пельштильцхен», известный в рамках сборника сказок братьев Гримм) – многие современные авторы чувствуют генетическое родство фэнтези с мифом и фольклорной сказкой и пытаются обыграть это в своих произведениях [4]. Произведение Баррона особенно интересно тем, что «Румпельштильцхен» у него лишается своей сказочной составляющей и становится в авторском сознании способом философского осмысления бытия.

Структурно роман делится на несколько частей, первой из которых является авторская интерпретация «Румпельштильцхена». С первых страниц Баррон разрушает саму атмосферу сказочности, заявляя принципиальную реалистичность и детальность повествования:

У популярной версии старинной сказки о дочери Мельника и Карлике, который помог ей спрятать из соломы золото, счастливый конец. Чего не скажешь о реальных событиях, которые легли в основу легенды (Баррон: 5).

Кроме того, автор наделяет реальными деталями достаточно схематичный мир народной

сказки. Главным героем первой части становится не дочь Мельника, заключившая договор с карликом Румпельштильцхеном, но ее брат и одновременно ее любовник. Несмотря на весьма условное указание на время действия (стародавние времена), читатель явно визуализирует происходящее в контексте Средневековья. В последующих частях, выстроенных не по хронологическому принципу, и вовсе будет точное указание на время действия – 1958 год, 1980 год и «наше время», соотносимое примерно с 2010 годом (это можно вычислить исходя из возраста героев). Указание на время также является важным элементом, разрушающим сказочную природу текста. Как мы знаем, время сказки принципиально неопределимо и воплощено только в линейной последовательности действий героя.

Нужно отметить, что Баррон воспроизводит содержание сказки частично, следуя ее оригинальному сюжету только до определенного момента: дочь Мельника заключает договор с карликом, по которому она должна угадать его имя, и просит брата помочь ей его выполнить. Странствуя по следам загадочного маленького человечка, сын Мельника обнаруживает странное поселение на торфяниках, жители которого поклоняются загадочному древнему культу Старого Червя. Герой встречает здесь местного Торговца, который приходит в ужас от их знакомства: за много лет до этого момента тот самый карлик предсказывает ему встречу с сыном Мельника и просит передать ему:

Знание имени не спасет ни его, ни его сестру, потому что время – это извивающееся, голодное кольцо, ползущее червем сквозь реальность. Оно съедает все (Баррон: 40, 43).

После этого читателю сообщается, что сын Мельника загадочным образом пропал, а события переносятся в 1958 год.

Получается, что с самого начала время становится не просто важным элементом структурно-композиционного строя произведения, что полностью не соответствует сказочному оригиналу, но и идейно-философским стержнем, объединяющим все другие уровни. Во-первых, идея времени выражается формально – в разделении частей романа в соответствии с тем или иным временным промежутком из жизни героев. Во-вторых, эта же идея заключается в принципе преемственности поколений: если изначально главным героем текста был сын Мельника, то в дальнейшем его вытесняет его потомок Дон Миллер (буквальный перевод фамилии – мельник (с англ. miller)). В-третьих, образным ядром романа станет уроборос – символ времени как непрекращающегося цикла жизни и смерти: именно он будет изображен на священных книгах описываемого в романе древнего культа Старого Червя, существующего, по представлениям его почитателей, вне времени и пространства.

Как можно заметить, Баррон здесь обнажает архаическое представление о времени как о непрекращающемся цикле рождения и умирания, широко представленное в мифе. Миф – «фундаментальный опыт человека, который способен актуализироваться в любую эпоху» [9: 6]. Миф является неотъемлемой частью современной культуры, в частности массовой [12], а использование мифологической образности, авторское мифологизирование – одно из ведущих направлений современного литературного процесса, на что обращают внимание многие исследователи-литературоведы [2], [5], [10], [11]. Баррон в данном романе не просто использует мифологическую структуру времени, но дополняет ее в соответствии со своими задачами: он придает цикличности времени пессимистическую окраску, нехарактерную для мифологического мышления: здесь если время представляет собой круг, то только для человеческого вида, поскольку время существует только в его представлениях. Исходя из этого, человек замкнут в этом круговороте времени и обречен вечно возвращаться в один и тот же момент своего существования, в одну и ту же стадию. Подобное мироощущение в целом было свойственно эпохе рубежа XIX–XX веков, что находило соответствующее выражение в литературе, в том числе американской новеллистике, на традицию которой безусловно опирался сам Баррон. В данном ключе необходимо рассмотреть влияние творчества Амброза Бирса (Ambrose Bierce) на автора. Несмотря на то что Бирс не оставил после себя теоретических трудов, представляющих его художественную концепцию, она прочитывается в его произведениях достаточно четко, и проблеме времени и существования человека во времени он уделяет колоссальное внимание. Первое его художественное открытие заключалось не просто в постулировании нелинейности времени, а в его абсурдной алогичности, которая оказывается недоступна человеку. Большинство его текстов построены по принципу ретроспективного повествования, прием, который у Бирса также акцентирует внимание на неправильности хода времени, его безразличии к человеку. Более того, иногда в его рассказах появляется условно «сквозь»временное бытие («Тайна долины Макарджера»), когда человек оказывается в какой-то момент способен чувствовать его движение, способен видеть прошлое или, наоборот, будущее («Диагноз смерти», «Житель Каркозы»). Однако, опять же, пессимизм заключается в том, что изменить что-то он не властен, а проникновение в саму материю времени случайно и хаотично. Также последовательно Бирс разрабатывал и тему преемственности поколений («Глаза пантеры», «Чикамога»), но важно отметить, что он связывал ее не с теорией наследственности, к которой обращались предшествующие ему натуралисты, а перемещал

акцент на идею циклического, обреченного возвращения человека в эту реальность в виде своих потомков. Образ круга, вращения – чрезвычайно важный в его творчестве, поскольку он становится видимым воплощением замыкающейся на самой себе смерти («Без вести пропавший», «Один из близнецов»). Творчество Бирса в последние годы все активнее популяризируется в массовой культуре, поэтому неудивительно, что многие современные авторы, в том числе и исследуемый нами, работают на базе его творческой концепции. Но нужно отметить, что Баррон работает с новеллистикой Бирса и на конкретно-образном уровне. Так, например, совершенно очевидно в «Инициацию» переходит, трансформируясь, ужасающий образ человека-червя из рассказа Бирса «Чикамога», где от лица маленького глухого ребенка описывается отступление раненных и искалеченных в бою военных:

Это были люди. Они ползли. Они ползли на руках, волоча за собою ноги. Они ползли на коленях, а руки их плетями висели вдоль тела... Чудилось, будто сама земля шевелится, медленно сползая к ручью... Они все ползли и ползли вперед, эти изувеченные, истекающие кровью люди (Бирс: 47)².

Поскольку очень большой пласт прозы Бирса связан с проблематикой войны, нужно понимать, что в данном контексте этот образ предстает глубоко трагическим и ужасным в своей реалистичности. Баррон же превращает этот образ в хтонического представителя потустороннего мира:

Несметное множество детей вошло в дверь комнаты, выползло из-за портьер и выкарабкалось через решетки в полу. Вблизи оказалось, что это не дети: от них исходил нездоровый влажный блеск, как от существ, живущих под землей, а в их неуклюжих движениях таилось что-то зловещее. Они напоминали личинки червей с недоразвитыми конечностями и личиками (Баррон: 419).

Баррон тщательно прорабатывает структуру не-человеческого в своем романе: почитатели культа, которые по сути представляют из себя больных и калек, наделяются здесь хтоническими чертами, присущими их объекту почитания. Обобщая, можно сказать, что образ, присутствующий у Бирса как частная метафора мясорубки войны, превращается у Баррона в полновесный элемент мифологической картины мира. Мифологизм в случае «Инициации» является определяющим для понимания текста. Но здесь также нужно понимать, что это не мифологизм, свойственный первобытному человеку. Одной из ключевых функций архаического мифа является гносеологическая, что означает необходимость осмысления и описания мироустройства вокруг человека, определения его места во всей этой системе (например, об этом пишет Б. Л. Борисов [1]). Уже в искусстве рубежа XIX–XX веков все настойчивее звучат идеи, свидетельствующие о кризисе антропоцентризма как такового [3]. Человек принципиально не способен понять мир

вокруг, потому что он мыслит его только в **своих** категориях, в то время как мир этим не исчерпывается. Соответственно, миф переходит в иную стадию своего существования, и здесь, конечно, важнейшей фигурой становится Г. Ф. Лавкрафт (Howard Phillips Lovecraft), влияние которого на творчество Баррона безусловно и подтверждается самим автором.

Многими последователями и подражателями Лавкрафт воспринимается как безумный гений, чье воспаленное сознание породило таких демонических существ, как Азатот, Ктулху, Дагон и др. Однако эти существа не являются демоническими по своей сути. Лавкрафт привносит в культуру и искусство такое понятие, как «космологический ужас», и на него постоянно в своих интервью ссылается сам Баррон.

Космологический ужас – это осознание неспособности человеческого разума связать воедино все, что этот мир в себя включает (Лавкрафт: 101)³.

От этого человек ощущает себя в универсуме лишь временным обитателем. Первостепенным для современных авторов в Лавкрафте становится не то, что он попытался представить новую мифологическую картину мира, но что через миф и ужасное он реализует в своем творчестве сложную философскую концепцию мира-в-себе – иного, не-человеческого мира, непознаваемого, не состоящего с ним ни в каких отношениях. В нем не существует категорий времени и пространства (они субъективны, оттого присущи только человеческому сознанию). Мир-в-себе принципиально отличен от человеческого и неравноположен ему, в осознании этого и есть величайшая трагедия человеческого бытия. Так, в конце романа Баррон предоставляет заинтригованному читателю финал сказки о Румпельштильцхене:

Сквозь время и пространство, вопреки неустойчивости реальности, Дон наконец-то безошибочно опознал его, как опознавал всегда (Баррон: 420).

Герой романа Дон Мельник сливается со своим сказочным предком, так же как узнает в зловещем карлике из древней сказки близкого друга своей семьи в настоящем – бесконечный круг бытия не замыкается, а лишь реализует себя в каждой конкретной точке на пути своего безостановочного движения, и за счет этого герои существуют одновременно в двух локусах, в двух временах и вместе с этим – вне времени вообще. То есть, если архаическое представление о времени как о круге подразумевает именно цикл, непрекращающийся переход из одной стадии в другую, то в данном случае мы говорим о круге как о замкнутой цепи равноположенных звеньев, то есть переход из одной стадии в другую формален, когда по сути мы остаемся в пределах одной точки. Таким образом, разрушается, конечно, и понятие сказочного пространства, представленного преимущественно движением

героя из своего, домашнего, мира в мир иной, враждебный ему. Следуя логике Лавкрафта, Баррон отмечает инаковость мира как такового – он чужероден человеку изначально, он весь холоден и безразличен к нему, поэтому понятие о «своем – чужом» в романе полностью разрушается. Но тогда логично задаться вопросом, зачем было использовать в качестве исходной точки более чем известную сказку? Если приглядеться к тексту «Румпельштильцхена» (сохранившемуся в варианте братьев Гримм), можно обнаружить, что он существенно отличается от типологически родственных ему других волшебных сказок: многими исследователями было отмечено, что части достаточно жесткой структуры здесь смещаются, функции персонажей ассимилируются. Более того, в ее семантической основе кроме понятия инициации, по мнению В. Я. Проппа, свойственного любой волшебной сказке [6], оказывается и архаическое представление о сакральности имени, заключающееся в том, что происходит неразличение предмета и слова, его обозначающего, соответственно эти явления находятся в неразрывной взаимосвязи, а значит, через имя магическое воздействие на человека оказать столь же легко, как через любую другую часть его тела (этому посвящена целая глава известной работы Дж. Фрэзера «Золотая ветвь. Исследование магии и религии» [8]). Обладание именем карлика, владеющего магическим знанием, делает дочь Мельника по сказке его властителем и его разрушителем. Именно поэтому в оригинальной концовке Румпельштильцхен не просто исчезает (по некоторым версиям, проваливается сквозь пол или землю), а разрывает себя на две половины, самоуничтожается. Здесь же стоит сказать, что само его магическое умение – пряжа золота – также является очень древним семантическим слоем сказки, поскольку оно говорит о его обладателе как о пришельце из потустороннего мира, мира мертвых. Золото в архаическом представлении соотносится с инобытием, со смертью, поскольку добывается из земли, которая одновременно является и прародительницей, и могилой всему живому (об этом пишет в своей работе «Исторические корни волшебной сказки» В. Я. Пропп

[6]). Нужно сразу же оговориться, что в мифологическом сознании смерть является синонимом инобытию, другой форме существования и не наделяется положительной или отрицательной коннотацией, она существует равноположенно с жизнью и является ее естественным продолжением, а значит, и герой Румпельштильцхен не соотносится с какой-то одной категорией добра или зла. То есть данный контекст не позволяет говорить о «Румпельштильцхене» как о сказке более поздней, подвергшейся «шлифовке» христианской этики: сам карлик не является злым духом, он скорее **внеморален**, как и все герои архаических мифов, а его мотивация остается непонятной современному человеку, мыслящему в категориях морального и аморального. Получается, что изначально текст сказки настолько открытый и мифологически глубокий, что он сам подталкивает своего читателя к интерпретации. Поэтому Баррон ломает в своем романе горизонт ожиданий: читатель ждет однозначного торжества хороших сил над плохими или наоборот, в то время как это принципиально невозможно. Румпельштильцхен Баррона оказывается близок своему сказочно архаичному предку – это персонификация чего-то не-человеческого, иного порядка и свойства, что человек в силу особенности и определенной ограниченности своего восприятия просто не способен понять и даже помыслить.

Таким образом, продолжая традиции американской новеллистики XX века и развивая идею мифологизма в новом, философском ключе, Баррон приближает нас к разгадке парадокса болезненного искусства (вопрос о том, почему человека, несмотря на первичную реакцию отторжения, привлекает произведение искусства, воздействующее на него через негативные эмоции – страх, печаль). В «Инициации» Баррон создает сложнейшую метатекстуальную систему – оперируя, казалось бы, известными художественными единицами, он подталкивает читателя по-новому ее осмыслить вне текста. Получается, что, выстраивая авторскую мифологическую картину мира, он заставляет каждого при прочтении удостовериться в единстве и постоянстве процесса мифомышления в современном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Баррон Л. Инициация. М.: АСТ, 2017. 446 с. В тексте в круглых скобках указана фамилия и через двоеточие страницы.
- ² Бирс А. Заколоченное окно. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1989. 272 с. В тексте в круглых скобках указана фамилия и через двоеточие страницы.
- ³ Лавкрафт Г. Ф. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2014. 880 с. В тексте в круглых скобках указана фамилия и через двоеточие страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов Б. Л. Технология рекламы и PR: Учебное пособие для вузов. М.: Фаир-Пресс, 2001. 624 с.
2. Ефимова Н. И. Миф и сказка в «тексте» компьютерной игры // Национальные коды в европейской литературе XIX–XX веков: Коллективная монография. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2016. С. 645–651.
3. Кадыров А. М. Культурология. Мировая и отечественная культура: Учеб. пособие. Уфа: УГАТУ, 2011. 532 с.
4. Королькова Я. В. О соотношении литературной сказки и фэнтези // Вестник ТПГУ. 2010. № 8 (98). С. 142–144.

5. Наумчик О. С. Принципы мифологизации в романе Нила Геймана «Американские боги» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7-1 (160). С. 105–108.
6. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.ru/CULTURE/PROPP/skazki.txt_with-big-pictures.html#I (дата обращения 22.11. 2018).
7. Такер Ю. В пыли этой планеты. Ужас философии. Т. 1. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 240 с.
8. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Академический проект, 2017. 799 с.
9. Шарыпина Т. А. Античность в литературной и философской мысли Германии первой половины XX века. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. 134 с.
10. Шарыпина Т. А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX–XX вв.: Материалы спецкурса. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. 114 с.
11. Шарыпина Т. А. Рецепция античного мифа в романе Ю. Брезана «Крабат, или преображение мира» // Литературные связи и традиции в творчестве писателей Западной Европы и Америки XIX–XX вв.: Межвуз. сб. Горький, 1990. С. 67–77.
12. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП, 1996. 240 с.

Poluyakhtova I. K., Lobachevsky State University (Nizhni Novgorod, Russian Federation)
Demenyuk V. M., Lobachevsky State University (Nizhni Novgorod, Russian Federation)

THE RECEPTION OF THE *RUMPELSTILTSKIN* FOLK TALE IN THE NOVEL *THE CRONING* BY LAIRD BARRON

The article discusses Laird Barron's novel *The Croning* as an example of deconstruction of the folk tale about Rumpelstiltskin. It analyzes the genre of the novel: Barron breaks the domination of space above time, which is inherent for the original folk tale; moreover, he makes the representation of time as an endless circle the central image of the novel. The author also ruins the archetypal "familiar – stranger" opposition and makes the category of horror the semantic center of the narration. The article also discusses the connection between the novel and the legacy of H. P. Lovecraft and Ambrose Bierce. Just like his forerunners, Laird Barron uses mythological images to directly affect the subconsciousness of the readers and therefore offers a specific solution for the paradox of painful art. Leaning on the works of H. P. Lovecraft and Ambrose Bierce, Barron creates his own conception of human being, where a subjective perspective limits a person, and that is why he or she is unable to understand the real meaning of things and life.

Key words: reception, folk tale, Laird Barron, *The Croning*, *Rumpelstiltskin*, paradox of painful art

REFERENCES

1. Borisov B. L. Technology of advertising and PR: Textbook for universities. Moscow, 2001. 624 p. (In Russ.)
2. Efimova N. I. Myth and tale in the "text" of a computer game. *Natsional'nye kody v evropeyskoy literature XIX–XX vekov*. N. Novgorod, 2016. P. 645–651. (In Russ.)
3. Kadyrov A. M. Culturology. World and native culture: Textbook. Ufa, 2011. 532 p. (In Russ.)
4. Korol'kova Ya. V. Relationship between literary tales and fantasy. *Vestnik TPGU*. 2010. No 8 (98). P. 142–144. (In Russ.)
5. Naumchik O. S. Principles of mythologization in Neil Gaiman's novel *American Gods*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. No 7-1 (160). P. 105–108. (In Russ.)
6. Propp V. Ya. The historical roots of the fairy tale. Available at: http://lib.ru/CULTURE/PROPP/skazki.txt_with-big-pictures.html#I (accessed at 22.11.2018). (In Russ.)
7. Thacker E. In the dust of this planet. Horror of philosophy. Vol. I. Perm, 2017. 240 p. (In Russ.)
8. Frazer J. The golden bough: a study in magic and religion. Moscow, 2017. 799 p. (In Russ.)
9. Sharypina T. A. Antiquity in the literary and philosophical thought of Germany in the first half of the twentieth century. N. Novgorod, 1998. 134 p. (In Russ.)
10. Sharypina T. A. Problems of mythologization in foreign literature of the XIX and the XX centuries: Study materials for the special course. N. Novgorod, 1995. 114 p. (In Russ.)
11. Sharypina T. A. The reception of the ancient myth in Jurij Bržan's novel *Krabit or the Transfiguration of the World*. *Literaturnye svyazi i traditsii v tvorchestve pisateley Zapadnoy Evropy i Ameriki XIX–XX vv.: Mezhvuzovskiy sbornik*. Gorkij, 1990. P. 67–77. (In Russ.)
12. Eliade M. Aspects of a myth. Moscow, 1996. 240 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.11.2018

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВНА КАНЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, старший научный сотрудник НИЛ «Филологические исследования духовной культуры Севера» Института гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
t-kaneva@yandex.ru

ИГРОВАЯ ПЕСНЯ «ХРЕН» В КОМИ И СЕВЕРНОРУССКИХ ТРАДИЦИЯХ: ВАРИАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ*

Представлены наблюдения о вариативности одного из фольклорных песенных сюжетов, бытовавших на европейском севере в русских и коми традициях, – игровой песни «Хрен». Материалом для исследования послужили записи названной песни, выявленные в Фольклорном архиве СГУ имени Питирима Сорокина в собраниях коми и русского фольклора; это единичные варианты из русских традиций: нижняя Вычегда (Ленский и Вилегодский районы Архангельской области) и нижняя Печора (Ненецкий автономный округ Архангельской области), довольно многочисленные записи из коми традиций юга республики (бассейны Сысолы и Летки). Этническими коми (со свойственным им фольклорным двуязычием) он, как и многие другие сюжеты, был заимствован и творчески усвоен. В результате сравнительного текстологического анализа обнаружено, что варианты, бытовавшие у коми, интересны присоединениями к основным сюжетным элементам мотивов плясового характера, что обеспечило их большую востребованность и соответственно их «долгожительство» в игровой сфере у коми (в сравнении с редкими фактами воспоминаний о бытовании песни в рассматриваемых русских традициях). Своеобразный вариант-«трансформер» песни обнаруживается в репертуаре хороводов усть-цилемской «горки» (традиция русских Печоры), где сюжет покупки «редечки» у «бабушки», родственной группе произведений «Хрен», узнается в тексте песни, сопровождавшей орнаментальный хоровод. И коми, и русский (усть-цилемский) варианты, отличные от «классического» варианта этой песни, демонстрируют результаты адаптации поэтического текста как в родной, так и в инонациональной среде, его включение в новый функционально-бытовой контекст.

Ключевые слова: песенно-игровой фольклор, сюжет «Хрен», вариативность, фольклорное двуязычие, локальные традиции, текстология

Наблюдения над вариативностью фольклорного произведения, как известно, требуют от исследователей стремления к охвату максимально полной источниковой базы, в связи с чем обращение к архивным, не введенным в широкий научный оборот текстам имеет важное значение.

Данная статья посвящена записям традиционной игровой песни сюжета «Хрен» из Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (далее – ФА СГУ), в котором хранятся материалы, полученные собирателями этого вуза в последние несколько десятилетий (с начала 1970-х годов) на европейском северо-востоке России (Республика Коми и соседние с ней районы Кировской и Архангельской областей); она продолжает небольшой ряд работ автора, нацеленных на сюжетно-тематические характеристики отдельных русских народных песен [5], [6], [7].

Игра «Хрен» / «В хрен» / «Хреном» / «Хрен дергать» / «Хрен тянуть» (как и родственные ей «Репка» и «Редька») принадлежит к числу довольно известных в русском репертуаре. Игра состояла – в самых общих чертах – в вытягива-

нии / выдергивании («вырывании»), нередко также и в подбрасывании, потряхивании «хрена» / «хренички» – одного из игроков, крепко сцепившихся между собой, сидящих на полу / на земле или стоящих друг за другом в кругу или колонной. Она бытовала как в детской и подростковой среде, так и входила в репертуар молодежных посиделок, святочных игрищ и свадебных девичников. Глубинное значение «Хрена», связанное с эротической и продуцирующей символикой этого огородного растения (см.: [3: 240], [4: 92], [2: 461–462]), наиболее отчетливо проявилось в молодежных вариантах игры, при которых юноша должен был «вырвать» из цепи игроков девушку и поцеловать ее или просто выбрать себе пару-девушку из общего хоровода. И в «детском» сборнике русских народных игр Е. А. Покровского, и в исследовании севернорусского (вологодского) празднично-игрового комплекса И. А. Морозова и И. С. Слепцовой в этой игре выделено ее символическое начало: Е. А. Покровским она отнесена к играм символическим [9: 176–177], И. А. Морозовым и И. С. Слепцовой – к хороводным играм с символикой свадьбы [8: 455–458].

Сопровождавшая это действо песня в записях СГУ и стала объектом внимания в настоящей работе.

Сюжет песни «Хрен» в русских и коми районах европейского северо-востока России, обследованных собирателями Сыктывкарского университета, представлен разными вариантами и оказался интересен нам именно своей вариативностью.

Что касается русских традиций, игровая песня «Хрен» обнаружена в материалах из трех районов Архангельской области: из соседних Ленского и Вилегодского районов (юг области, нижняя Вычегода) и из Ненецкого автономного округа (север региона, нижняя Печора). Это единичные записи второй половины 1980-х годов в сольном исполнении без комментариев о разыгрывании; нижнепечорский вариант – фрагментарный (без окончания), без напева. Такие характеристики в определенной степени свидетельствуют о том, что на момент фиксации песни она давно вышла из активного бытования и в этих богатых песенных традициях сохранялась в пассивной памяти лишь отдельных исполнителей.

Все архангельские записи «Хрена», выявленные в ФА СГУ (ленский, вилегодский, нижнепечорский), относятся к одной группе вариантов рассматриваемого сюжета, в котором соединяются два блока мотивов: о выращивании «происхождении» «хрена» («Кто тебя сажил-поливал? – Сажил Иван, поливал Селиван, Селиванова жена / хозяйка огораживала / присматривала, дочь (Катерина) присматривала...») и появлении бояр, которые просят девушку «дать / продать хренку»¹. Нижневычегодские записи оканчиваются игровым мотивом – комментарием о выдергивании и подбрасывании «хренинки»:

Выдерну хренину, отряхну,
Поставлю, брошу о землю
На место, на местечко².

Общим в поэтических характеристиках главного «персонажа» – хрена – в архангельских вариантах является и определение *садовой* (*садовой, полевой* в ленском; *садовой, полевой, огораживаной* в вилегодском; *садовой, яровой* в нижнепечорском).

Другую группу текстов песни «Хрен», выявленных в ФА СГУ, составляют варианты из

районов проживания этнических коми. Для их традиций, как известно, характерно явление фольклорного двуязычия, которое, в частности, проявилось в творческом усвоении русских песен, которое неизбежно сопровождалось текстуальными искажениями и переосмыслением отдельных мотивов. Исследуемая песня была записана собирателями СГУ в двух коми районах на юге республики – в Сысольском (в бассейне реки Сысолы) и Прилузском, точнее, в одном из его микрорайонов – в бассейне реки Летки (коми-вятское пограничье).

Сысольские варианты (это 5 записей, сделанных в одном селе – Куратово – в разное время: в 1975 году и на рубеже 1990-х и 2000-х годов) непосредственно от сюжета «Хрен» содержат фрагмент только первой части:

Ой, ты крен, мой крен,
Молодой мой крен.
Девки по саду кодил,
Девки по зеленой.
Да сажил меня Иван,
Селиванова жена...³

Как видим, песня открывается традиционным обращением к хрену, в котором звучит определение *молодой*⁴. Следующие далее строки («Девки по саду кодил, / Девки по зеленой»), которые можно определить как мотив «девки в саду», с одной стороны, выглядят здесь неуместными, но, с другой стороны, обнаруживают параллель в сольвычегодском варианте этой песни (ср.: «Девка по саду ходила, / Красна по зелену, / В одних она чулках / И без поясу»), хотя там этот фрагмент находится в финальной части (см.: [8: 455]). Полагаем, что в сысольских вариантах этот «сбой» на месте обычного для начала песни вопроса о произрастании хрена («Да и кто тебя сажил?...») мог появиться и вследствие фонетических трансформаций этой фразы в процессе адаптации иноязычного текста. Примечательно, что в расшифровке одной из сысольских звукозаписей, выполненной студентом – носителем коми языка, встречаем оформление фразы именно с глаголом «сажил»: «Девки пö⁵ сажил-кодил»⁶.

Остальная – большая – часть сысольских текстов (до 20 строк) представляет собой невнятную в смысловом отношении коми-русскую смесь, подчиненную законам текста плясового характера, см., например:

...Ты уплажневской,
Подбережневской.
.
.
.
По дёски, дёски, дёски,
Пöлтöдайки пö дёски.
Катшыс дёски⁷,
Лöзув мёски⁸.
Из-за Волги-Визинги,
Из-за Питирги.

...Си серебряные,
Си золотаные.
Ко и золотой сапог,
Киукланеской,
Подберезничкой.
По доски, доски, доски,
Покидаёт по доски.
Да покимески, розумески.
.
Из-за Волги-Визинги,
Из-за Питерги.

Не страшай кóлачу
Петö юр⁹ лавачорт.
Вала, вала иза ключ
Скавывал, скавывал.
Ко мне батюшко гости,
Горемыскаюти.
Жена плакаюти...¹⁰

Не скачай колачом,
Не даю валочом.
Вало, вало из-за туч,
Кобылась, кобылась.
Ко мне батюшки гости,
Горе мыскаючи,
Се но плакаючи,
Дай оки, оки горе.
Катша с масляная,
Жена ласковая,
Жена привередливая¹¹.

В этих и других примерах можно опознавать лишь отдельные слова и формулы: «золотой сапог», «из-за Волги-Визинги» (Визинга – река, на которой находится село, где были сделаны записи), «по доски, доски, доски», «ко мне батюшка (в) гости», «каша масляная, жена ласковая» и др.

Сысольская песня обозначена в архивных материалах как «рождественская»; так называли и игровые, и плясовые песни.

В Прилузье песня «Хрен» записана собирателями СГУ в довольно большом временном диапазоне – с 1978 по 2007 год. Она бытовала на молодежных игрищах как поцелуйная игра, предусматривавшая вытягивание игрока-хрена из цепи держащихся за дверную скобу юношей и девушек. По свидетельству отдельных исполнителей, она принадлежала к числу любимых игр, о чем говорит и количество записей – порядка двух десятков¹².

Прилузский текст состоит из двух частей. Первая – собственно сюжетообразующий блок мотивов, включающий обращение к хре-

Ты расти, расти, коса,
Да однолучая пляса,
Ко сырой земле,
Да шолковöй пояса.
Тройники да двöйники
Да се серебряннички,
Да ты, попова ты собака...¹⁵

ну, вопрос и ответ о его произрастании, например:

Крен ты мой крен,
Городочкой крен,
Еще кто тебя сажил?
Да я сажил меня Иван,
Селиван, Селиван,
Селиванова жена
Крен укаживала,
Крен показивала
Дай огороживала¹³.

Здесь обращает на себя внимание нетипичная характеристика хрена (в других вариантах также *городоцкой, городицкöй, городоцкая, гöрöдöчкöй*), условно ее можно обозначить («перевести») как *городецкый*. Возможно, это переосмысленный или искаженный вариант определения *горе-горький* (что встречается, например, в прикамских записях)¹⁴.

Вторая часть во всех записанных в этом микрорайоне вариантах соединяет оригинальный мотив обращения к косе с пожеланием роста и обрывочные, нередко искаженные строки, возможно, сопровождавшие плясовое завершение игры перед финальным поцелуем:

Ты расти, расти, коса,
Однолучшая пляса,
Ещё с лёшничком,
С поперешничком.
Тройнички да двойнички,
Се серебряннички...¹⁶

В наших материалах, кроме того, есть группа записей песни, близкой к «семейству» сюжетов о хрене. Это песня с инципитом «Я по реченьке потеку...» одной из русских традиций Республики Коми – Усть-Цилемского района (бассейн Печоры). Песня входила в репертуар весеннего хороводного гуляния «горка», где сопровождала орнаментальный хоровод (в виде изломанной цепи), имеющий местное наименование *вожжá* (от водить) или *дöлга* (очевидно, как обозначение длинной / долгой цепи, которую образовывали «горочники», бравшиеся за руки). Он являлся кульминацией «горочного» гуляния в целом и (по некоторым указаниям) отдельных его частей.

В усть-цилемском тексте на первый взгляд ничто не обнаруживает родства не только с песнями игры «в хрен», но и с игровыми песнями

вообще. Он выглядит как изложение загадочного перемещения («течения») некоего героя по реке («Я по реченьке потеку...») к «сладкоречивой», доброй бабушке, хозяйке странного поля – часто огороженного, с вспаханной и небороной землей, некупленными семенами и замороженной водой. В совокупности с другими «языками» этого произведения – с медленным темпом пения и соответствующим ему чинным движением хороводной цепи, придающими строгий характер всему действию, текст вполне располагает к мифо-семиотическим толкованиям в контексте темы плодородия (змеевидный рисунок хоровода, образы вспаханной земли, семян, воды).

Однако сравнение этой песни с текстами игры «в редьку», близкими играм «в хрен», заставляет совсем по-иному взглянуть на усть-цилемский хоровод.

Сюжет «редьки» строится на мотивах испрашивания «лакомства» у «бабушки» (бабкой / бабушкой в игре выступал передний в веренище «редек» наиболее сильный игрок). В Вятской губернии, к примеру, выявлен следующий текст, сопровождавший игровое «вырывание редьки»:

Хожу, хожу к бабке; прошу, прошу редьки; родилась ли редька? Бабушка добренька, редечка сладенька. Потеку, потеку, у бабушки редьки попрошу! Продай, баба, редьку, продай, баба, сладку!» (затем следует диалог «бабушки» и водящего о готовности / зрелости плода,

Уж ты, хрен мой, хрен, садовой, полевой!
Ах, не я тебя сажил, да не я поливал;
Сажил тебя Иван, поливал Селифан.
Селифанова жена присматривала;
Его дочь Катерина приговаривала.
Вывру я хренинку, отряхну,
Выведу девицу, усмотрю;
Я ко бабушке потеку,

У ней редечки попрошу.
Скажу: бабушка добра, добра, добра!
У тя редька сладка, сладка, сладка,

Редька рано посеянная, часто поливанная.
Был у бабы у дуры новой возгород¹⁸,

Семена были чужия, покупаемая,

Вода ношенная, замороженная,

Так и брошенная.
Ехали бояре из Нова города,
Ай, увидели девицу на крутом бережку,
На крутом бережку, на желтом песку.
Продай, девица, хренку,
Продай, красавица, хренку!

(онежский вариант)¹⁹

Во фрагменте о редьке (во «вставке») онежской песни можно уловить шутливую интонацию, свойственную игровым текстам (во всяком случае, в описании огорода «бабы-дуры»), тогда как усть-цилемский «горочный» хоровод приобрел иной характер. Уже сам зачин сопровождавшей его песни, который, очевидно, стал результатом языковой трансформации «редечки» в «реченьку», задает плавное, строгое движение («течение») хоровода.

Примечательно, что и в онежской традиции песня сопровождала не традиционную игру «в хрен» или «в редьку», а наборный хоровод на вечеринке, причем сходной с усть-цилемским вариантом является и хореография песен: как описывает онежский хоровод П. С. Ефименко, парни и девушки поочередно собираются в «вереницу», возглавляющий ее водит хоровод по комнате кругами, «стараясь сделать шествие по возможности запутанными путями». Усть-цилемский хоровод

оканчивающийся отрыванием и «метанием» (потряхиванием) одной из «редек») [9: 175].

В русском хороводно-игровом репертуаре известны тексты, в которых объединялись мотивы песен, сопровождавших игры в хрен и в редьку. Один такой «гибрид» (онежский вариант)¹⁷ составляет, на наш взгляд, вполне соотносимую пару усть-цилемскому хороводу, и их сравнение проясняет сюжетную основу последнего, ср. (курсив в текстах наш):

Я по реченьке потеку,
Да ле я ко бабушке забегу.

Да ле скажёт бабушка добра, добра, добра,
Да ле у ей реченька сладка, сладка, сладка.

Да ёгорода-та честа, честа, честа,
Да ле ёгорода сажена, ой, сажена.
Да ле чтой-то земля-та да была ораная,
Да земля-та ораная, да не бороненая,
Да семена-ти да были купленья,
Да некупленья,
Да чтой-то вода-та да была воженная,
Да ле вода-та воженная,
Да замороженная.

(усть-цилемский вариант) [1: № 14].

«долга» / «вожжа», исполнявшийся под песню «Я по реченьке потеку...», также предусматривал собирание (набор) «горочников» с чередованием юношей и девушек, женщин и мужчин, и после некоторого хождения цепью перетекал в следующую фигуру – «плетень». Как и на Онеге, в Усть-Цильме песня не обнаруживает (теряет) связи с игрой в вытягивание «хрена» («редьки») и при этом органично включается в хороводные комплексы.

Таким образом, даже эти несистемные записи песни «Хрен» (участники экспедиций не ставили перед собой специальную задачу поиска и фиксации этого сюжета) позволяют обратить внимание на разную степень «востребованности» игрового сюжета в разных местных традициях европейского северо-востока России: если в конце 1980-х годов у русских на нижней Вычегде и нижней Печоре он уже практически полностью забылся, то у коми на

Сыsole и особенно на Летке эта песня получила свое переосмысление и – несмотря на малопонятный текст – дольше оставалась в активном игровом обиходе, поскольку и в 2000-е годы о ней вполне охотно вспоминали информанты старшего

поколения. Разнообразные присоединения к основному сюжетному мотиву и их трансформации показывают высокую степень «валентности» песни, ее высокий вариативный потенциал и возможность включения в плясовую и хороводный репертуар.

* Работа выполнена при поддержке Республики Коми и Российского фонда фундаментальных исследований: грант РФФИ и Правительства Республики Коми, № 17-14-11001а(р) «Русский песенный фольклор в коми традициях: системное описание и изучение (на материалах Фольклорного архива СГУ)».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Этот вариант сюжета мы схематично обозначаем как «происхождение / выращивание хрена + бояра». Другие – из известных нам – варианты строятся путем присоединения к этому (сюжетообразующему) блоку мотивов таких структурно-семантических элементов, как «бабушка» (просьба к ней продать хренку), «приговор Селивановой жены» или «приглашение на свадьбу» и др.
- ² ФА СГУ, Вилегодское собрание: АФ 0432-37. Текст опубликован: [11: 78].
- ³ ФА СГУ, Сысольское собрание: АФ 1602-2 и др. Для фонетической системы коми языка не характерен звук [х], как и категория рода, что отразилось в несогласованных с точки зрения русского языка фразах.
- ⁴ Подобное прилагательное встречается и в некоторых вологодских вариантах этого сюжета, см. [8: 456]; Полякова А. В. Песенно-хореографический фольклор Важской традиции. СПб.: Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова, 2017. (Хрестоматия по музыкальному фольклору из экспедиционных коллекций Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. Вып. 6). № 42.
- ⁵ Пö – частица в коми языке.
- ⁶ ФА СГУ, Сысольское собрание: АФ 1643-39. Предельно схематично этот процесс трансформации может быть отражен в такой последовательности: «Да и кто тебя садил? / Да и кто поливал?» – «Девки по садил-кодил, / Девки по зеленой» – «Девки по саду кодил, / Девки по зеленой».
- ⁷ Букв.: черные доски (здесь и далее переводы С. С. Мусановой).
- ⁸ Возможно: синие мостки.
- ⁹ Букв.: выходит голова.
- ¹⁰ ФА СГУ, Сысольское собрание: АФ 1638-19.
- ¹¹ ФА СГУ, Сысольское собрание: АФ 1602-2.
- ¹² Перечень записей см. в указателях, опубликованных в издании [12: 56, № 18], [12: 65, № 14].
- ¹³ ФА СГУ, Прилузское собрание: АФ 1342-21.
- ¹⁴ См.: [10: № 125]; Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб.: Государственная тип., 1902. Т. VII. № 614.
- ¹⁵ ФА СГУ, Прилузское собрание: АФ 1342-21.
- ¹⁶ ФА СГУ, Прилузское собрание: АФ 1398-2а.
- ¹⁷ Другой подобный текст, соединяющий образы хрена и редьки, см., например: [13: № 359].
- ¹⁸ В псковском варианте «Редьки» (incipit «А я редочку спотяну, / А я бабушке покажу») – «у бабы-курвы не свой огород...» (Мы ходили-искали святую Коляду: Музыкально-этнографические материалы по Рождеству и Святкам в Петербургской губернии. Изд. 2-е, испр. / Сост., предисл., коммент. А. Е. Ермолиной, Т. С. Молчановой; Науч. ред. Е. Е. Васильева. СПб.: Композитор СПб, 2017. С. 54, № 23).
- ¹⁹ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2: Народная словесность. М., 1878. 284 с. (Тр. Этногр. отд. Императорского О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Моск. ун-те. Кн. 5. Вып. 2. С. 124.)
- ²⁰ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А в Усть-Цильме поют: традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы / Подгот. текстов и коммент.: А. Н. Влазов, З. Н. Бильчук, Т. С. Канева. СПб.: Инка, 1992. 224 с.
2. Березович Е. Л. Хрен // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 459–462.
3. Бернштам Т. А. Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 233–256.
4. Бунчук Т. Н. Лингвоментальный образ растения в севернорусской народной культуре: редька // Севернорусские говоры: Межвуз. сб. Вып. 11 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 89–98.
5. Канева Т. С. «Золотой след» в коми фольклоре: песня типа «Золото хоронить» в песенных традициях коми (по материалам Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина) // Традиционная культура: Научный альманах. 2017. № 4 (68). С. 7–17.
6. Канева Т. С. Поэтический «инвентарь» песенного сюжета в контексте местной традиции // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 4. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2002. С. 25–32.
7. Канева Т. С. Тема «гуляния» в усть-цилемском песенно-игровом фольклоре (к вопросу о логике хороводного текста) // Этнопоэтика и традиции. К 70-летию чл.-кор. РАН В. М. Гацака. М.: Наука, 2004. С. 157–165.
8. Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры. Праздник в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 925 с.
9. Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. СПб.: Историческое наследие, 1994. 388 с.
10. Стародубцева С. В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.

11. Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986–1991 гг.): Исследования и материалы. Сыктывкар, 1995. 156 с.
12. Фольклор прилузских коми: Справочно-аналитические материалы / Сост. С. С. Мусанова; Под ред. Т. С. Каневой. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 2014. 201 с.
13. Фольклорные сокровища Московской земли / Сост., вступит. ст. и словари Т. М. Ананичевой и Е. А. Самоделовой. М.: Наследие, 1998. Т. 2. 424 с.

Kaneva T. S., Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

GAME SONG “HORSE-RADISH” IN KOMI AND NORTH RUSSIAN TRADITIONS: VARIANTS AND TRANSFORMATIONS*

Observations on the variability of one of the folklore song plots occurring in the European North in Russian and Komi traditions – the game song “Horse-radish” – are presented in article. Material for the research has been revealed in the Folklore Archive of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, in the collections of Komi and Russian folklore. Single variants from the Russian traditions have been written down in the lower Vychegda (Lensk and Vilegodsky districts of the Arkhangelsk region) and the lower Pechora (the Nenets Autonomous Area of the Arkhangelsk region). Numerous records have been made in the South of the Komi Republic (the basins of the Sysola and Letka). The ethnic Komi borrowed and creatively assimilated this plot. The comparative textual analysis of the variants of the game song “Horse-radish” plot has been carried out. The variants which occurred in the Komi tradition are notable for adding the dance tune motives to the plot. It has ensured their popularity and longevity in the Komi game culture. In the Russian traditions, the recollections of this song’s existence have been rarely recorded. A peculiar “transformed” variant of the song has been found in the round dances repertoire of Ust-Tsilma “hill” (the tradition of the Russians in Pechora). The plot of purchasing “radish” from a “grandmother” is related to a group of “Horse-radish” works. This plot accompanied an ornamental round dance. The Komi and the Russian (Ust-Tsilma) variants differ from the “classical” variant of this song. They reflect the results of the poetic text adaptation both in its native and the other national environment, as well as its inclusion into a new functional and household context.

Kew words: song and game folklore, “horse-radish” plot, variability, folklore bilingualism, local traditions, textual criticism

* The research was funded by the Komi Republic Government and the Russian Foundation for Basic Research: grant No 17-14-11001a(r) “The Russian song folklore in the Komi traditions: the system description and research (using the materials from the Folklore Archive of Syktyvkar State University)”.

REFERENCES

1. In Ust-Tsilma they sing: traditional song-playing folklore of Ust-Tsilma. St. Petersburg, 1992. 224 p. (In Russ.)
2. Berezovich E. L. Horse-radish. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 459–462. (In Russ.)
3. Bernshtam T. A. The adulthood of a girl in the metaphors of the game folklore. *Ethnic stereotypes of male and female behavior*. St. Petersburg, 1991. P. 233–256. (In Russ.)
4. Bunchuk T. N. Lingvomenta image of a plant in North Russian folk culture: radish. *North Russian dialects: interuniversity collection of research papers*. Issue 11. St. Petersburg, 2010. P. 89–98. (In Russ.)
5. Kaneva T. S. “Golden trace” in the Komi folklore: the song type “To bury gold” in the Komi song traditions (using the materials of the Folklore Archive of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University). *Traditsionnaya kul'tura: Nauchnyy al'manakh*. 2017. No 4 (68). P. 7–17. (In Russ.)
6. Kaneva T. S. Poetic “inventory” of the song plot in the context of the local tradition. *Slavic traditional culture and modern world*. Issue 4. Moscow, 2002. P. 25–32. (In Russ.)
7. Kaneva T. S. The theme of “festivities” in Ust-Cilem song-playing folklore (to the question of the logic of horovod (round dance) text). *Ethnopoetics and tradition. The 70th anniversary of V. M. Gatsak, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences*. Moscow, 2004. P. 157–165. (In Russ.)
8. Morozov I. A., Sleptsova I. S. The circle of a game. Celebrations and games in the life of the North Russian peasant (XIX–XX centuries). Moscow, 2004. 925 p. (In Russ.)
9. Pokrovskiy E. A. Children’s games, mostly Russian. St. Petersburg, 1994. 388 p. (In Russ.)
10. Starodubtseva S. V. Russian round dance tradition of the Kama-Vyatka interfluvium. Izhevsk, 2001. 421 p. (In Russ.)
11. Traditional folklore of the Vilegodsky district of the Arkhangelsk region (the records of 1986–1991): Research and materials. Syktyvkar, 1995. 156 p. (In Russ.)
12. The Priluzsky Komi folklore: Reference and analytical materials. Syktyvkar, 2014. 201 p. (In Russ.)
13. Folklore treasures of the Moscow land. Moscow, 1998. Vol. 2. 424 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 26.09.2018

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА МАРКЕЛОВА

кандидат филологических наук, независимый исследователь (Москва, Российская Федерация)
dimentionen@yahoo.dk

РЕЦЕПЦИЯ САГ ОБ ИСЛАНДЦАХ В СОВРЕМЕННОМ ИСЛАНДСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Рассматривается один из аспектов рецепции древнескандинавского культурного наследия в современной исландской литературе: историческая романистика 1990–2010-х годов, посвященная первым векам заселения Исландии (IX–XIII века). Подобные тексты в современной исландской прозе весьма малочисленны и пока не исследованы даже в самой Исландии. В статье рассматривается несколько романов различных авторов, вышедших с 1994 по 2012 год. В отличие от исторических романов о средневековой Исландии (и скандинавских странах вообще), созданных авторами из других стран, в современной исландской литературе в центре внимания оказываются не столько знаковые исторические события, сколько знаковые тексты. Такими текстами являются «саги об исландцах», обладающие в современной исландской культуре крайне высоким статусом. Взаимодействие с ними открывает свободу для новых интерпретаций. Это может быть повествование о том, чем герой саги мог заниматься в период, не описанный в самой саге («Торвальд Странник» Ауртни Бергманна, «Ауд» Вильборг Давидсдоттир), «переписывание» конкретной саги с точки зрения ее маргинального персонажа («Глайсир» Аурманна Якобссона), стилистический эксперимент («Сага о Гейрмунде» Бергсвейнна Биркисона), попытка реконструкции утраченного древнего текста («Здесь лежит скальд» Тоурарина Эльдъяртна). Исторические романы, в которых обращение к данной эпохе происходит без обращения к текстам саг, составляют меньшинство («Повесть о Корке» Вильборг Давидсдоттир). Необходимость взаимодействия с текстами саг налагает на исландских авторов определенные ограничения, с которыми не сталкиваются исторические романисты в других странах: саги об исландцах считаются эталоном повествовательного искусства, а их сюжеты в той или иной степени известны исландским читателям, и внесение в них изменений не практикуется. Изменениям подвергается интерпретация событий саги, но не сами эти события. Все вышеописанное ставит рецепцию древнескандинавского литературного наследия в современных исландских исторических романах о IX–XIII веках в уникальное положение по отношению к такой рецепции в современных литературах других стран европейской культуры.

Ключевые слова: современная исландская литература, древнескандинавская литература, саги об исландцах, исторический роман, интертекстуальность, рецепция

Древнескандинавская литература, без сомнения, стоит на одном из первых мест по притягательности для деятелей искусства в странах европейской культуры на протяжении последних нескольких веков и на одном из первых (после античной литературы) мест по степени исследованности учеными. Так же многочисленны и исследования рецепции древнескандинавских сюжетов, персонажей, концептов в позднейших литературах различных стран. Наибольшее внимание уделяется этой рецепции в эпоху романтизма, на рубеже XIX–XX веков, в середине XX века. Восприятие древнескандинавской словесности на рубеже XX–XXI веков не так часто попадает в центр внимания исследователей, кроме ярких образцов массовой культуры или необычных экспериментальных текстов (таких как, например, роман Нила Геймана «Американские боги» (2001)). Как правило, речь идет о странах континентальной Скандинавии, Германии и англоговорящих странах. Однако из картогра-

фирования этой рецепции в современном мире весьма часто «выпадает» Исландия.

Рецепция древнескандинавской литературы и культуры, характерная для большинства стран Запада (а также для России, см. [3]), в строгом смысле является рецепцией рецепции, так как основывается не на первоисточниках, а на их переводах и пересказах. Невозможность для большинства реципиентов читать древнеисландские тексты в подлиннике ставит их в зависимость от доступных источников на понятных им языках – даже если эти источники несовершенны [8: 325–335].

Современные исландцы, в силу архаичности исландского языка и пуристических установок в языковой политике страны, не обречены довольствоваться переводами важнейших древнескандинавских текстов, но способны в той или иной степени воспринимать оригинал без долгой подготовки. Образцы древнескандинавской словесности в неадаптированном виде исландские учащиеся, как правило, проходят в колледжах

в рамках общей образовательной программы. (Насколько оригинальный древний текст при этом оказался модифицирован в результате издательской политики – отдельный вопрос, см. [6: 119–168].)

В общей картине рецепции древнескандинавской словесности Исландия занимает особое место, заслуживающее отдельного рассмотрения.

Самая «исландская» часть древнескандинавского литературного наследия – «саги об исландцах». Самая предсказуемая и распространенная художественная форма, в которой может происходить взаимодействие с материалом саг, – исторический роман.

Тексты, о которых идет речь в данном исследовании, не переводились на русский язык, кроме романа Ауртни Бергманна «Торвальд Странник» (1994), и пока еще крайне мало изучены даже в самой Исландии, где вся литература о них ограничивается рецензиями на отдельные романы и упоминаниями в обзорных работах по истории исландской литературы.

Та часть современной исландской исторической романистики, которая затрагивает первые века заселения Исландии (IX–XIII века), имеет ряд особенностей по сравнению с историческими романами на том же материале, созданными авторами из других стран. Надо учесть, что в современной исландской литературе, судя по всему, отсутствует жанр, очень распространенный в литературе многих европейских стран, в том числе в русской, – массовый приключенческий роман об эпохе викингов (с авантурным или любовным сюжетом, с принесением исторической достоверности в жертву занимательности). В таких романах автор взаимодействует, строго говоря, не столько с самим историческим материалом, сколько с образом конкретной эпохи, существующим в массовом сознании. (Как возник и распространился этот образ эпохи – см. [2: 312–342].) В современных литературах этот жанр может присутствовать не в чистом виде, а граничить с другими жанрами.

В Исландии исторические романы об этих эпохах нередко пишут специалисты – филологи и историки, хорошо ориентирующиеся в первоисточниках.

В строгом смысле применительно к исландским историческим романам о периодах с «эпохи заселения земли» до «эпохи Стурлунгов» следует говорить не столько о знаковых исторических событиях исландской истории, сколько о *знаковых текстах*. Причем речь идет о текстах, которые с обыденной точки зрения относятся скорее не к области историографии, а к области художественной словесности. В них неизбежно тем или иным образом затрагивается материал таких жанров древнеисландской прозы, как «саги об исландцах», реже – «саги о современности», например «Сага о Стурлунгах», и тексты вроде «Книги о заселении земли». Это неудивительно, так как история, быт и духовный мир исландцев соответствующих веков в основном известны как

раз по этим древним текстам. «Книга о заселении земли» содержит имена и иногда детали биографии большого количества первых исландских поселенцев». Такие романы создаются на базе тех источников, историческая достоверность которых спорна, но которые считаются, и не только в Исландии, безупречными именно в качестве художественных произведений. В современном исландском социуме упомянутые древние тексты обладают очень высоким статусом. Наиболее предсказуемым и удобным материалом для исторических романов современных исландских авторов, конечно же, служат «саги об исландцах».

Как пишет крупный исландский филолог Ауртни Бергманн (род. 1935):

Повсеместно бывает так, что метод нашей древней литературы, присущая ей лапидарность, а также ее весомость в нашем сознании рано или поздно приводят к тому, что автор вторгается в ее сферу, присваивает ее себе и помещает то, что больше всего занимает его ум, именно в историю, случившуюся более тысячи лет назад [4: 118].

Заметим, что исторический роман – не единственный в современной исландской литературе жанр, в котором может происходить обращение к материалу саг. Возможно обращение к сагам в романах о современности, в лирической поэзии, в различных жанрах детской литературы.

Возникает закономерный вопрос: зачем создавать современные тексты на материале саг, если у исландцев уже есть сами саги? Убедительное психологическое обоснование такого рода творчества у современных исландских авторов дал тот же Ауртни Бергманн:

...эти древние памятники литературы, саги наши, занимают настолько видное место в сознании исландского писателя, настолько важны для его работы с языком, что вполне естественно он рано или поздно захочет проверить себя и свое искусство рассказа именно на этом материале [1].

В исландской культуре саги имеют статус эталона повествовательного мастерства, и для каждого отдельного писателя стремление сопоставить собственное мастерство с этим эталоном понятно. Для литературного сообщества в целом такое творчество может иметь следующий результат: каждый отдельный автор исторических романов со своей уникальной интерпретацией саг существует в окружении других таких же интерпретаторов, а значит, требования к оригинальности и занимательности интерпретации возрастают.

Древнейшие периоды истории Исландии являются в современной исландской литературе, насколько можно судить, отнюдь не самым распространенным материалом для исторических романов. Молодые авторы (вступившие в литературу в 2010-х годах) предпочитают в своем творчестве обращаться к какому угодно другому материалу и к другим историческим эпохам, нежели описанные в сагах, например, к событиям XX века. Заметным исключением здесь является

Снорри Кристьянссон, пишущий исторические романы об эпохе христианизации Норвегии на английском языке для зарубежной аудитории.

Количество исторических романов о данных эпохах, написанных на исландском языке в 1990–2017 годах, легко обозримо. Рассмотрим конкретные тексты.

«ТОРВАЛЬД СТРАННИК» АУРТНИ БЕРГМАННА (1994)¹

Заглавный герой романа считается историческим персонажем; он известен в основном из «Пряди о Торвальде Страннике» и «Саги о крещении Исландии», где рассказывается о его встрече с саксонским епископом-миссионером Фридриком, собственной миссионерской деятельности в Исландии, путешествиях. В этих текстах сообщается, что Торвальд был изгнан из Исландии за убийство, долго странствовал по Руси и Византии и окончил свои дни в некоем монастыре под Полоцком, который сам же основал. Однако в сагах о пребывании там Торвальда говорится ничтожно мало, и роман Ауртни Бергманна – своеобразный ответ на вопрос о том, что случилось с героем в «большом мире». В частности, Торвальд в романе становится свидетелем крещения Руси; нанимается на военную службу к византийскому императору и участвует в карательных экспедициях против еретиков; сам чудом избегает ареста за крамольные воззрения; некоторое время живет отшельником; присутствует при диспутах, приведших к церковному расколу; оказывается вовлечен в политическую борьбу русских князей...

«Торвальда Странника» можно во многом определить как роман становления: герой делается искренним адептом новой для своей страны веры, пытается разобраться в этических и экзистенциальных вопросах. (По словам самого автора, «Торвальд – участник вечно нового поиска фундаментального доверия к бытию, к человеческому существованию») [1].

В романе есть аллегорическая фигура – «Дух истории» (автор подразумевает под ней прежде всего дух данного повествования, но его легко интерпретировать и как силу, движущую мировую историю вообще). Дух истории движется во времени, но порой сам не знает, куда придет. Кроме него в романе есть своего рода всеведущий рассказчик, активно вступающий в диалог с гипотетическим читателем, охотно комментирующий для него особенности мировоззрения и быта персонажей. Предполагается, что читатель не знаком с мировоззрением средневековых людей непосредственно, но в той или иной степени знаком с теми представлениями об этой эпохе, которое дало ему чтение исторических (или даже историко-приключенческих) романов:

Наверное, Дух истории так хочет, чтобы всё это было очевидным, точно так же он хочет, чтобы мы знали всё-всё о языческих жертвоприношениях, об оружии и доспехах, о сараях и уборных, о башмаках и чашах. Если

собрать вместе все, что оставили или могли бы оставить нам века, тогда истории будут больше верить. Читателю хочется, чтобы герои, созданные, казалось бы, из одних лишь слов, обрели опору в вещах... <...> ...Читатель хочет, чтобы ему дали его игрушки, а без них он становится недоверчив и начинает думать, что рассказчик водит его за нос. <...> Мы с вами никогда не натягивали лука, способного выпустить смертоносную стрелу. И все равно Дух истории искушает нас писать, нашептывает, чтобы мы подробно рассказали об искусстве стрельбы, чтобы мы притворились, будто знакомы с ним так же хорошо, как и со всем остальным, что содержится в нашем рассказе (18).

Герои Ауртни все же «обращают опору» не столько «в вещах», сколько в идеях и текстах. «Торвальд Странник» весьма насыщен отсылками к средневековой словесности, причем не только исландской. Интертекстуальные связи с сагами, в которых упоминаются события жизни Торвальда, со скальдическими висами из этих саг (они цитируются в романе) лежат там на поверхности. Кроме того, в первых главах романа цитируются и стилизуются строфы из эддических песней и крылатые выражения из других саг об исландцах, что сразу вводит читателей в духовный мир персонажей-язычников. Но также там в большой мере присутствуют и другие важные интертекстуальные пласты. Так как автор романа – крупный филолог-русист, а часть действия происходит в Киеве и Новгороде, в романе есть и русский культурный пласт, в том числе там цитируются в переводе на исландский язык древние и фольклорные русские тексты: былины, духовные стихи, легенды о Богородице. У романа три интертекстуальных пласта: скандинавский, русский и универсально-христианский (новозаветные тексты).

Форма и манера подачи материала в «Торвальде Страннике» в известной мере полемичны по отношению к стандартным представлениям о том, каким должен быть исторический роман. Историческая действительность, с точки зрения рассказчика, «живет» для современных читателей не сама по себе, а исключительно в форме словесных произведений (древних текстов, современных исторических романов, рассказов Духа истории), а значит, история подчиняется законам художественного творчества, а не представлениям о том, какова должна быть «объективная реальность», подразумевающим лишь одну «истину». Однозначного финала у романа нет; заключительная глава состоит из трех частей, и в каждой рассказывается своя версия того, как могла закончиться жизнь Торвальда, и эти версии равнозначны.

В конечном итоге «Торвальд Странник» как текст стремится не к детализированной передаче исторической конкретики (несмотря на то, что она там воспроизводится со всей точностью, в том числе история идей), а к философским обобщениям. Центральные темы романа: поиск духовного пути и любовная тема, – универсальны.

ВИЛЬБОРГ ДАВИДСДОТТИР. «ПОВЕСТЬ О КОРКЕ»
(«У ИСТОЧНИКА УРД»; «СУД НОРН») (1993, 1994);
«АУД» (2009)

Вильборг Давидсдоттир (род. 1965) называет себя ученицей Ауртни Бергманна в том, что касается написания исторических романов.

В «Повести о Корке»² героиня изначально занимает в социуме маргинальное положение: она – дочь исландского хёвдинга Тороульва и пленной ирландки Мируны, с детства рабыня; однако ко второй части дилогии она восходит вверх по социальной лестнице и сама становится женой хёвдинга и хозяйкой хутора.

В дилогии ярко выражен интертекстуальный пласт, связанный с мифологическими песнями «Старшей Эдды»: эпиграфы к частям романов взяты из «Прорицания Вельвы», «Речей Высокого» и «Речей Гримнира», строфы из «Речей Высокого», посвященные рунам, цитируются в тексте (60–61). С рунами же связан символический пласт романа: престарелая мать Тороульва – Ульвбрун, сведущая в колдовстве, учит Корку рунической премудрости и сама гадает для нее. Руна Корки – «kaup» – «руна страданий и трудностей... но она также означает и светоч (kynðil), несущий свет и освещающий темноту» (64).

Главные экзистенциальные вопросы, которые решает Корка, связаны с судьбой и с верой. Героиня убеждена, что судьба дается человеку нормами, и тем не менее всей своей биографией опровергает это утверждение, в том числе – заданную рунами символику своего имени.

В раннем детстве Корка получила от матери и других ирландцев представление о христианской вере, но после гибели Мируны героиню воспитывают в языческом духе. В романе «Суд норн» Корка оказывается на Западных фьордах, куда выдали замуж законную дочь Тороульва Гюннхильд, и пытается помочь сестре, поскольку ее муж Гюннбьёртн оказался домашним тираном. Там она встречает ирландского монаха-отшельника, носящего в романе имя ра́ра Patrekuir. (Ирландские отшельники, именуемые rárag, упоминаются в «Книге о заселении земли», однако об их пребывании в Исландии известно немного.) С монахом Корка ведет разговоры о вере, выборе и судьбе:

– Бабушка рассказывала мне о богах в Асгарде, об их могуществе, силе и хитроумии. Мне все эти качества потребовались, чтобы выжить. Мирные люди слабы, сильным живется лучше. Так оно бывает, и так будет всегда.

Монах покачал головой:

– Для того, чтобы выбрать мир, требуется больше силы, чем для немирья (308).

Однако персонажи в романе не приходят к окончательному выводу о преимуществах того или иного мировоззрения. Героиня не обращается обратно в веру своей матери, и тем не менее образ монаха Патрека в романе строго положителен. Сам монах играет важную роль в сюжете:

пускается в путь на юг Исландии, чтобы привезти Тороульву весть о том, что его дочь Гюннхильд в беде – и Тороульв приезжает и получает возможность наконец помириться с Коркой.

Сюжет дилогии не привязан к конкретным сагам и обладает явными чертами сюжетов приключенческих романов. По утверждению самой Вильборг, дилогия задумывалась прежде всего как роман для подростков. Судьба Корки скорее заставляет вспомнить судьбы современных женщин, чем саговых героинь; при этом в романах нет нарочитого осовременивания эпохи, материальная и духовная сторона жизни исландцев IX века воссоздана с большой степенью исторической достоверности.

В романе «Ауд» (2009)³ речь идет уже о героине, известной по нескольким сагам (Ауд или Унн Мудрая, дочь Кетиля Плосконосого). В книге действуют исторические персонажи, скандинавы и ирландцы, а сюжет развивается частично на Сюдэрэйар (Гебридских островах), частично – в скандинавском поселении в Дублине в 853 и 854 годах. Работа автора с историческими источниками в книге лежит буквально на поверхности: роман снабжен авторскими комментариями, касающимися действующих лиц, генеалогиями и картами местности. И все же основную сюжетную линию составляет «дописывание» событий, оставшихся в сагах «за кадром», – юность героини и обстоятельства ее замужества. В этом смысле «Ауд» напоминает «Торвальда Странника» Ауртни Бергманна: это попытка «достроить» биографию известного по древнеисландским источникам лица, исходя из данных о политическом и мировоззренческом климате эпохи. При этом задача Вильборг осложняется тем, что в древнеисландской словесности женщины далеко не всегда оказываются центральными персонажами (за исключением разве что Гудрун Освивсдоттир, героини «Саги о людях из Лососьей долины»). Основная черта описываемого в этом романе социума – сосуществование бок о бок язычников-скандинавов и христиан-ирландцев и, как следствие, частые дискуссии о вере. В частности, наиболее интересным собеседником для героини оказывается монах Гилли, приехавший на хутор Кетиля, чтобы забрать библию святого Колумкиле, которую тот захватил в качестве трофея.

После беседы с Гилли Ауд отправляется в капище на хуторе:

И все же она незаметно входит туда, чтобы осмотреться, но не замечает, чтобы там что-нибудь трогали... И все же что-то уже не такое, как раньше, когда она смотрит на идол Тора, привезенный ее отцом из Согна в Норвегии... И ее охватило удивление, когда она осознала, что изменился ее собственный взгляд: Господь всего мира – это тот, кто создал небо и землю, луну, солнце и звезды, говорил монах, а Аса-Тор – всего лишь кусок дерева, окропленный кровью. И вот – в ее глазах этот бог уже не похож на себя. Он печален. Испуган (69–70).

Как раз под этим идолом в святилище спрятана искомая библия; накануне того дня, когда Ауд вместе с другими женщинами с хутора принимает крещение, в капище ударяет молния, и оно сгорает. Впрочем, Ауд успевает достать оттуда книгу и впоследствии передать в ближайший ирландский монастырь. Возвратившийся из похода Кетиль решает, что капище поджиг Гилли, и отрубает ему голову. Ауд выдают замуж за Олава Белого, конунга Дублина. Отношение к этому браку у героини весьма недвусмысленное:

Разве я должна быть благодарной за то, что меня запродали незнакомому человеку как какую-нибудь рабыню, договорились о цене и ударили по рукам? И какова же разница между мною и невольницей, если я не должна никак высказываться о собственной судьбе? (71–72).

Описание семейной жизни Ауд проникнуто мощным феминистическим месседжем: совместное существование с Олавом не ладится, и героиня думает о разводе, но ей предлагают невыгодные условия; кульминации феминистическая проблематика достигает в сцене, когда Ауд рождает сына. Олав решает, что жена изменила ему с ирландским монахом, и тотчас заявляет о разводе; он хочет отослать ее домой к отцу, но героиня отвечает:

Я решаю за себя сама... Я буду жить на своей земле, с собственной челядью, и не буду отдана другому мужу, если только сама его не выберу (257).

Историческая героиня становится прецедентным образом сильной женщины, достойно отстаивавшей свое право самостоятельно делать выбор в основополагающих вещах, и факты биографии Ауд Мудрой, известные по сагам, ни в чем не противоречат такой трактовке.

«САГА О ГЕЙРМУНДЕ» БЕРГСВЕЙННА БИРКИСОНА (2009)⁴

Этот текст представляет уникальный случай. Его тематика отстоит далеко от обычных коллизий в родовых сагах, при этом стиль мало отличим от стиля аутентичных древних текстов (Бергсвейнн Биркисон (род. 1971) – ученый-саговед), а сам роман замаскирован под научное издание древних рукописей из хорошо известной среди саговедов серии «Íslenzk fornrit».

В какой-то мере «Сагу о Гейрмунде» можно охарактеризовать как запоздалый образец постмодернистского экспериментирования. Авторский текст, «притворяющийся» публикацией вновь обнаруженной древней рукописи, – давно зарекомендовавший себя литературный прием. «Сага о Гейрмунде» подана именно как научное издание древней саги с двумя «слоями» комментариев: примечания и вставки наивного фермера-энтузиаста, якобы обнаружившего эту рукопись в 1930-х годах и безуспешно пытавшегося привлечь внимание ученых к своей находке, и комментарии издателя, якобы выпустившего текст.

Таким образом, роман представляет своего рода тройной портрет:

А) Травестирование эпохи саг, ее этических и эстетических установок: роль главного персонажа отведена человеку, максимально не соответствующему представлениям о саговом герое. Гейрмунд вырос среди дикарей, обладает уродливой внешностью, порочен, его жадность не знает меры и служит причиной основного конфликта в романе. Остальные персонажи также либо не соответствуют представлению о саговом герое, либо пародируют это представление. Яркий пример здесь – воспитатель Гейрмунда, воплощение викингской удалости, доходящей до абсурда; изъясняется этот персонаж исключительно сентенциями, пародирующими стилистику «Речей Высокого» (51–53).

Б) Пародирование саговедческого научного дискурса. В книге приводятся инвективы фермера-энтузиаста в адрес авторитетного исландского филолога середины XX века Сигурда Нордаля и его коллег. Возможно, этот пласт текста – своего рода выпад в сторону рецепции древнеисландской словесности, характерной для корифеев исландского литературоведения XX века, то есть той самой ее рецепции, которая много десятилетий оставалась доминирующей в исландском социуме [6: 119–131].

В) Сатирический выпад в сторону некоторых лиц и событий в исландском обществе в годы, предшествующие кризису 2009 года, а также в посткризисный период. Ключ к этому пласту текста дается в предисловии к «саге», где Гейрмунд прямо сравнивается с так называемыми *útrásarvíkinga* – олигархами, в предкризисные годы проводившими активную экономическую экспансию. Также там дебатировалось современное исландское законодательство, а именно вопрос о том, кто должен владеть природными ресурсами в стране, который оказался самым актуальным при написании проекта новой конституции Исландии в 2010–2013 годах.

Кроме того, в фигуре главного персонажа можно усмотреть отголоски частых в современной общественной и научной жизни дискуссий о всевозможных маргиналиях и меньшинствах, «невидимых» в культуре и в социуме на определенных этапах их развития. (Гейрмунд по происхождению – из народа бьярмов, который в «Саге...» отождествляется с ненцами.) В этом смысле показательно, что на обложке романа помещен текст: «Сага, которой исландцы не желали!», который можно воспринимать как пародию на популярные в современной прозе сенсационные разоблачения.

«Сага о Гейрмунде» – одновременно и стилизация, и пародия, и «роман с ключом». Обычный способ рецепции саг в современных исторических романах в ней «вывернут наизнанку»: если обычно сюжет древнеисландской саги передается художественными средствами современной литературы, то в романе Бергсвейнна Биркисона художественные средства древнеисландской саговой прозы используются для рассказа о таком герое, который, скорее, возможен в современности.

«ГЛАЙСИР» АУРМАННА ЯКОБССОНА (2011)⁵

Необычный способ обращения с саговым материалом мы видим в романе Аурманна Якобссона «Глайсир» (2011). Аурманн Якобссон (род. 1970) – известный литературовед, историк исландской литературы, специалист по сагам; в последние годы он также стал уделять время художественному творчеству.

«Глайсир» является своего рода переписыванием «Саги о людях с Песчаного берега» (*Eyrbýggja saga*) от лица одного ее эпизодического, но очень необычного персонажа: быка по имени Глайсир («Блистательный»), принадлежащего бонду Торроду Торбрандссону. В этого быка, согласно тексту саги, вселился призрак Торольва Скрюченная Нога. К историческим романам этот текст можно отнести, так как в нем присутствует достоверная картина определенной исторической эпохи, но основная предпосылка этого романа – фантастическая: события изложены с точки зрения представителя нечисти. Рассказчик аттестует сам себя то как призрака, то как «злобного тролля».

Роман представляет рассказ Глайсира/Торольва от первого лица о событиях до и после гибели Торольва. Иногда текст саги цитируется прямо – в том случае, когда рассказчику необходимо показать, не как он сам воспринял то или иное событие, а как его увидели люди со стороны.

Рассказчик постоянно вспоминает о недавнем пришествии в Исландию христианства – однако оно ни в коей мере не отменяет волю старых богов, которые, как считает Торольв, прокляли его. Чтобы избавиться от проклятия, Торольв должен отомстить за своего нелюбимого сына Арнкеля, убив фермера Торродда – единственного человека, который хорошо относился к Торольву (пока тот пребывал в облики быка Глайсира).

Торольв/Глайсир постоянно цитирует мифологические песни «Старшей Эдды», обычно те фрагменты, в которых речь идет о сотворении или о гибели мира, и тем самым его жажда мести возводится в ранг явлений космического масштаба (51, 149, 199). За счет отсылок к такого рода текстам образ этого персонажа получает дополнительное измерение. Торольв Скрюченная Нога, каким он предстает в романе Аурманна Якобссона, пополнил собой ряд прецедентных саговых персонажей в исландской культуре: он становится прецедентным образом злодея.

ТОУРАРИН ЭЛЬДЪЯРТН. «ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ СКАЛЬД» (2012)⁶

Тоурарин Эльдъяртн (род. 1949) известен в современной исландской литературе как поэт, великолепно владеющий древними и старинными формами исландского стихосложения, а также как автор переводов-переложений на современный язык для юношества двух эддических песен: «Прорицания Вельвы» и фрагмента «Речей Высокого». В своей прозе (новеллах и романах) он обычно не обращается к формам древней словесности. Роман «Здесь лежит скальд», являю-

щийся искусной стилизацией саги, составляет примечательное исключение. У романа есть подобие рамочной композиции: в 1190 году пастух Хатльбьертн, мечтающий стать поэтом, прилег отдохнуть на курган на Полях Тинга, известный как Курган Торлейва, и скальд Торлейв явился ему в видении, после чего Хатльбьертн сложил драпу о нем (как раз начинающуюся словами «Здесь лежит скальд»). Эта драпа и другие стихи Хатльбьертна о Торольве приводятся в романе в качестве эпиграфов, а сам роман воспроизводит древнюю сагу о жителях долины Сварвадардал (Svarfdæla saga), дошедшую до наших дней лишь в виде разрозненных фрагментов [5: 131]. То есть текст «Здесь лежит скальд» можно с полным правом назвать «романом-реконструкцией».

При всем том роль поэта, то есть скальда, его отношение к творчеству и силе слова в романе осовременены: если в древнеисландском понимании скальд – просто человек, владеющий искусством, *techne* традиционного стихосложения [2: 354], то Торлейв осмысливается именно как человек, наделенный особым творческим видением мира, быть поэтом – «в его натуре» (96), а процесс сочинения Торлейвом скальдических драп, как он описан в романе, мало отличается от работы современного писателя над рукописями (116).

Так как «саги об исландцах» (впрочем, и другие жанры саговой литературы) в той или иной степени известны большинству носителей исландской культуры, то исландские авторы, решившие взять в качестве тематики своих исторических романов эпохи IX–XIII веков, не идут по тому пути, который часто избирают несландские исторические романисты, то есть пути создания текста, воспроизводящего типичные сюжетные ходы, характеры и стилистику «саг об исландцах» (в той мере, насколько их понял автор). В исландских исторических романах, посвященных первым векам со времени заселения Исландии, автору почти всегда диктуются ограничения, налагаемые конкретными древними *текстами*, на основе которых создаются романы, то есть сюжетом и системой персонажей определенных саг, или, как в случае с «Сагой о Гейрмунде», их стилистикой и композиционными особенностями. Исторические романы, в которых обращение к данной эпохе происходит без обращения к текстам саг, составляют меньшинство.

Процент расхождений с событийным рядом саги, на основе которой написан тот или иной роман, как правило, ничтожно мал. (Автору этих строк не встречалось исландских романов, в которых «Сага о Ньяле» переписывалась бы таким образом, чтобы Ньяль не сгорел, а спасся.) Изменениям подвержена интерпретация событий саги, но не сами эти события.

Разнообразное взаимодействие с текстами конкретных саг ставит рецепцию древнескандинавской культуры в исландских исторических романах о IX–XIII веках в уникальное положение по отношению к такой рецепции в литературах других стран европейской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бергманн А. Торвальд Странник / Пер. О. А. Маркеловой. М.: Ломоносов, 2015. 246 с. В круглых скобках указаны страницы.
- ² Vilborg Davíðsdóttir. *Korku saga*. Reykjavík, Mál og menning, 2003. 383 s. Перевод исландских источников принадлежит автору статьи. В круглых скобках указаны страницы.
- ³ Vilborg Davíðsdóttir. *Auður*. Reykjavík, Mál og menning, 2009. 267 s.
- ⁴ Bergsveinn Birkison. *Geirmundar saga heljarskinns*. Reykjavík, Bjartur, 2015. 185 s.
- ⁵ Ármann Jakobsson. *Glæsir*. JPV útgáfa, Reykjavík, 2011. 204 s.
- ⁶ Þórarinn Eldjárn. *Hér liggur skáld*. Reykjavík, Mál og menning, 2012. 164 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергманн А. «Читайте роман Ауртни Бергманна “Торвальд странник” и его послание современным читателям». Выступление Ауртни Бергманна на презентации романа «Торвальд странник» в Букбридж в Москве (по Skype 27.10.2015) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://odri.msk.ru/category/%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B8-%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BD/> (дата обращения 14.10.2017).
2. Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. 928 с.
3. Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980. 322 с.
4. Árni Bergmann. “Bægifótur bankar á dyr. Ármann Jakobsson, Glæsir. JPV útgáfa: Reykjavík 2011” // *Tímarit Máls og menningar*. 4/2012. Bls. 118–123.
5. Gísli Sigurðsson. “Valdsmenn orðsins. Þórarinn Eldjárn: Hér liggur skáld. Vaka – Helgafell 2012” // *Tímarit Máls og menningar*. 4/2013. Bls. 130–132.
6. Jón Karl Helgason. *Hetjan og höfundurinn. Brot úr íslenskri menningarsögu*. Reykjavík, Heimskringla, háskólaforlag Máls og menningar, 1998. 269 s.
7. Wawn A. The Vikings and the Victorians. Inventing the Old North in 19th-Century Britain. Cambridge, 2000. 434 p.
8. Wawn A. The Post-Medieval Reception of Old Norse and Old Icelandic Literature // *A Companion to Old Icelandic Literature and Culture*. Rory McTurk (Ed.). Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 320–337.

Markelova O. A., independent researcher (Moscow, Russian Federation)

RECEPTION OF SAGAS OF THE ICELANDERS IN MODERN ICELANDIC HISTORICAL NOVELS

The article deals with one particular aspect of the reception of the Old Norse literature and culture in the Icelandic fiction between the 1990s and the 2010s – historical novels about the Icelanders from the period between the IX and the XIII centuries. Such texts in modern Icelandic fiction are quite rare, and have not yet been researched even in Iceland. This paper examines several novels by different authors written between 1994 and 2015. There is a difference between the novels on medieval Iceland (and the Nordic lands in general) composed by non-Icelandic and Icelandic authors: in Iceland such novels are usually based not on significant historical events, but on symbolic texts. These are the “Sagas of the Icelanders”, which have a very high status in modern Icelandic culture. The interplay with these texts gives the authors freedom for new interpretations. It can be a story about some period of the hero’s life, not described in a particular saga (*Thorvald Viðförli* by Árni Bergmann or *Auður* by Vilborg Davíðsdóttir); rewriting a particular saga from a marginal character’s point of view (*Glæsir* by Ármann Jakobsson); a stylistic experiment (*Geirmund’s Saga* by Bergsveinn Birkison); or an attempt to reconstruct the lost ancient text (*Here Lies the Scald* by Þórarinn Eldjárn). There are very few historical novels describing these ages, which are not based on particular sagas (e. g., *Korka’s Saga* by Vilborg Davíðsdóttir). The necessity of the interplay with the texts of the sagas imposes certain restrictions on the authors of such historical novels, not known by historical novel writers of other countries: in Iceland, the sagas are regarded as a standard for the art of narration, and their plots are familiar to the most readers and are not modified. The interpretations of particular saga plots can be various, while the plot itself remains unchanged. It puts the reception of the Old Norse literary heritage in modern Icelandic historical novels about the period between the IX and the XIII centuries into a unique situation in relation to such reception in other modern literatures of the countries of European culture.

Key words: modern Icelandic literature, Old Norse literature, the sagas of the Icelanders, historical novel, intertextuality, reception

REFERENCES

1. Bergmann Aurtnei. “Read Aurtnei Bergmann’s novel *Torvald the Wanderer* and his message to modern readers”. Aurtnei Bergmann’s speech at the presentation of the novel *Torvald the Wanderer* in Bookbridge in Moscow (Skype, 27.10.2015). Available at: <http://odri.msk.ru/category/%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B8-%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BD/> (accessed 14.10.2017) (In Russ.)
2. Steblin-Kamenskij M. I. Works on philology. St. Petersburg, 2003. 928 p. (In Russ.)
3. Sharypkin D. M. Scandinavian literature in Russia. Leningrad, 1980. 322 p. (In Russ.)
4. Árni Bergmann. Bægifótur bankar á dyr. Ármann Jakobsson, Glæsir. JPV útgáfa: Reykjavík 2011. *Tímarit Máls og menningar*. 4/2012. Bls. 118–123.
5. Gísli Sigurðsson. Valdsmenn orðsins. Þórarinn Eldjárn: Hér liggur skáld. Vaka – Helgafell 2012. *Tímarit Máls og menningar*. 4/2013. Bls. 130–132.
6. Jón Karl Helgason. Hetjan og höfundurinn. Brot úr íslenskri menningarsögu. Reykjavík, Heimskringla, háskólaforlag Máls og menningar, 1998. 269 s.
7. Wawn A. The Vikings and the Victorians. Inventing the Old North in 19th-century Britain. Cambridge, 2000. 434 p.
8. Wawn A. The post-medieval reception of Old Norse and Old Icelandic literature. A companion to Old Icelandic literature and culture. (Rory McTurk, Ed.). Oxford, 2005. P. 320–337.

Поступила в редакцию 27.04.2018

ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА МЕЛЬНИКОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы филологического факультета Балашовского института (филиал), Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Балашов, Российская Федерация)
lmelnikova5@mail.ru

АЛЛЮЗИИ КАК ФОРМА РЕЦЕПЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОПЫТА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОВЕСТИ Г. БЁЛЛЯ «ПОЕЗД ПРИШЕЛ ВОВРЕМЯ»

Представлены результаты развернутого сравнительного анализа образов центральных женских персонажей повести «Поезд пришел вовремя» и романа «Преступление и наказание» (Олины и Сони), попытки которого до этого в отечественном литературоведении не предпринимались. Это обусловило новизну и актуальность исследования. В процессе сопоставления между героинями выявляется ряд перекличек на уровне раскрытия характеров и выполняемых функций, свидетельствующих о том, что образ Сони Мармеладовой выступал для Г. Бёлля в качестве одного из художественных прототипов при создании образа Олины. Однако характер этой героини в повести немецкого автора раскрыт не столь разнопланово, как характер Мармеладовой в романе русского писателя. Данных женских персонажей в первую очередь объединяет принадлежность к типу страдающего человека, статус заложниц неблагоприятных социальных обстоятельств, а также стремление спасти от гибели своих возлюбленных. Существенным различием между ними является финал их судеб. Если Соне в итоге удается своей любовью воскресить сердце Раскольникова, то попытки Олины изменить свою судьбу и судьбу Андреаса терпят крах и заканчиваются гибелью героев. Указанные соответствия свидетельствуют об учете немецким автором традиций русского классика в аспекте разработки проблемы «униженных и оскорбленных».

Ключевые слова: аллюзия, рецепция, литературное влияние, художественный опыт, Соня Мармеладова, Олина, Ф. М. Достоевский, Г. Бёлль, «Преступление и наказание», «Поезд пришел вовремя»

Одной из форм проявления интертекстуальности в художественном тексте являются аллюзии. На сегодняшний день в литературоведении представлены различные подходы к определению данного понятия. Одни исследователи рассматривают аллюзию в качестве разновидности реминисценции [11: 78], другие – в качестве разновидности цитаты [10: 478]. Третьи отказываются от четкого разграничения аллюзий, цитат, реминисценций ввиду отсутствия единства мнений среди литературоведов относительно трактовки этих явлений [6]. В данной статье мы, вслед за И. С. Кормиловым, будем понимать под аллюзией отсылку к известному высказыванию, факту литературной, исторической, а чаще политической жизни либо к художественному произведению [4].

Для немецкого писателя Генриха Бёлля (1917–1985) личность и литературное наследие Ф. М. Достоевского являлись предметом глубинного интереса. Одним из доказательств тому служит его участие (в рамках проекта «Писатель и его город») в создании сценария к фильму «Достоевский и Петербург», увидевшего свет в конце 1960-х годов в ФРГ и показанного в нашей стране в 2017 году, в рамках мероприятий, приуроченных к 100-летию со дня рождения Г. Бёлля. На

протяжении своей творческой деятельности немецкий автор неоднократно подвергал рецепции художественный опыт Ф. М. Достоевского во многих своих произведениях, в том числе в романах «Глазами клоуна», «Биллиард в половине десятого», «Групповой портрет с дамой» и других.

Повесть «Поезд пришел вовремя» (1949) – одно из первых произведений Г. Бёлля, опубликованное отдельной книгой. Анализируя его сюжет, исследователи отмечают тот факт, что в нем

близость к идейным и сюжетным схемам экзистенциализма <...> можно обнаружить без особого труда. Ненависть к фашизму и несомненный антивоенный пафос проецируются в трансцендентные сферы [9: 8].

Кроме этого, поэтика повести на уровне образной системы содержит признаки влияния творчества Ф. М. Достоевского. Прежде всего это связано с творческим переосмыслением Г. Бёллем образа Сони Мармеладовой, который привлекал немецкого писателя и выступал в качестве одного из предметов его художественных и теоретико-критических размышлений. В своем послесловии к роману Л. Н. Толстого «Война и мир» «Попытка приближения» (1970) он, рассуждая о художественных мирах Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого (что также не случайно, так как традиции этих писателей оказали значительное

влияние на формирование его собственной творческой манеры [12: 28]), отмечает, что названные авторы разнятся в деталях овеществления своих героев:

Я считаю Сонечку Мармеладову одним из бессмертных женских образов мировой литературы, но я и по сей день не верю, что она была проституткой, а у Масловой в толстовском «Воскресении» я этому верю вполне. Вот как она стала проституткой – это уже другой вопрос (Бёлль: 711)¹.

В повести «Поезд пришел вовремя» представлен образ героини, обладающей аналогичным социальным статусом. Он содержит аллюзийные отсылки к центральному женскому персонажу романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» – Соне Мармеладовой (Мишин: 81)².

Сопоставим портреты Олины и Сони. Прежде всего необходимо отметить, что между русским и немецким авторами заметны переключки в аспекте использования сходных приемов портретизации. В обоих произведениях описанию внешности героинь предшествуют предварительные характеристики (своего рода прелюдии), которые вызывают у читателя определенный горизонт ожидания. В романе «Преступление и наказание» направление восприятия личности Сони во многом определяет предваряющая ее портрет-представление оценочная точка зрения Семена Мармеладова:

<...> моя Соня безответная она, и голосок у нее такой кроткий, белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое (Достоевский: 20)³.

Закономерным итогом репрезентации такого взгляда становится предположение об ущербном социальном статусе данной героини. Олину в присутствии Андреаса окружающие называют «Оперой». Это прозвище интерпретируется им как намек на увлечение последней музыкой.

Первый развернутый портрет Сони представлен в эмоционально напряженный момент, когда она оказывается в доме умирающего отца:

Соня остановилась в сенях у самого порога, но не переходила за порог и глядела как потерянная, не сознавая, казалось, ничего, забыв и о своем перекупленном из четвертых рук, шелковом, неприличном здесь цветном платье с длиннейшим и смешным хвостом, и необъятном кринолине, загородившем всю дверь, и о светлых ботинках, и об омбрелке <...> и о смешной соломенной круглой шляпке с ярким огненного цвета пером. Из-под этой надетой мальчишески набекрень шляпки выглядывало худое, бледное и испуганное личико с раскрытым ртом и с неподвижными от ужаса глазами (Достоевский: 179).

На следующий день она предстает перед Раскольниковым в другом образе, что фиксируется в его сознании:

Это была Софья Семеновна Мармеладова. Вчера видел он ее в первый раз, но в такую минуту, при такой обстановке и в таком костюме, что в памяти его отразился образ совсем другого лица. Теперь это была скромно

и даже бедно одетая девушка, очень еще молоденькая, почти похожая на девочку, с скромною и приличною манерой, с ясным, но как будто несколько запуганным лицом (Достоевский: 228).

По мере раскрытия характера героини, ее портретное описание расширяется. Во время разговора Раскольников пристально рассматривает ее:

Это было худенькое, совсем худенькое и бледненькое личико, довольно неправильное, какое-то востренькое, с востреньким маленьким носом и подбородком. Ее даже нельзя было назвать и хорошенькою, но зато голубые глаза ее были такие ясные, и, когда оживлялись они, выражение лица ее становилось такое доброе и простодушное, что невольно привлекало к ней. В лице ее, да и во всей ее фигуре, была сверх того одна особенная характерная черта: несмотря на свои восемнадцать лет, она казалась почти еще девочкой, гораздо моложе своих лет, совсем почти ребенком, и это иногда даже смешно проявлялось в некоторых ее движениях (Достоевский: 230–231).

Худоба, бледность, испуг, ужас – ключевые лейтмотивные характеристики Сони в романе. Общаясь с ней, Раскольников понимает, что это

приниженное существо до того уже принижено, что ему вдруг становится ее жалко (Достоевский: 229).

В фокусе пристального внимания Достоевского оказывается наряд Сони и отдельные черты ее лица – глаза, нос, подбородок. Данные портреты Мармеладовой способствуют формированию у читателя мнения о ней как о типичном представителе категории «униженных и оскорбленных». Указания на скромные, приличные манеры, ясное выражение лица и глаз выступают диссонансом по отношению к определению «девица отъявленного поведения», данному ей окружающими. Отталкивающий род занятий Сони контрастирует с ее нравственными качествами, но не влияет на восприятие последней как положительной героини.

Портрет Олины также оказывается рассредоточенным в тексте, условно в нем можно выделить две части. В первой присутствует сравнение с животным и дается общее представление о ее внешности:

Он страшно пугается легкого шороха, словно кошка шмыгнула по комнате. На пороге стоит «Опера» и тихонько притворяет за собою дверь. Она маленького роста, очень нежная, изящная и красивая, с большим узлом белокурых волос, пышных золотых волос. На ней бледно-зеленое платье и красные домашние туфельки (Бёлль: 95–96)⁴.

Во второй крупным планом акцентируются отдельные детали ее облика:

Усевшись рядом с нею, он видит ее профиль. У нее изящный нос, ни круглый, ни острый, эдакий фрагонаровский рот. Она кажется почти порочной, но может с таким же успехом быть и вполне невинной, такой же невинно-порочной, как пастушки у Фрагонара, только лицо у нее польское, и польский, вполне заурядный, чуть выпуклый затылок (Бёлль: 96).

Г. Бёльл делает попытку представить разносторонний взгляд на Олину. Ведущими константами восприятия ее облика становятся рост, прическа, одежда, обувь, профиль лица, затылок. Примечательно, что для формирования портретной характеристики данного женского персонажа, причем как для описания пластических особенностей, так и моральных качеств, немецкий автор использует прием отсылки к работам французского живописца и гравера Жана-Оноре Фрагонара, работавшего в стиле рококо, писавшего пасторали, сцены интимной жизни, пикантного, иногда беззастенчивого эротического содержания. Эпитеты «фрагонаровский нос» и «фрагонаровский рот», сравнение ее с пастушками, изображенными на картинах Фрагонара, можно толковать как констатацию соответствия внешности Олины той сфере, в которой ей приходится находиться и работать. С другой стороны, определение «невинно-испорченная» подразумевает испорченность не по своей вине, что подчеркивает доминирующую роль в жизни этой героини угнетающих ее внешних обстоятельств, которым той приходится беспрестанно подчиняться.

Анализируемые портреты отмечены чертами характероцентричности. Внешние изображения Сони и Олины проецируют основные черты их характеров. В образе Олины это осторожность, нежность, изящество, невинная испорченность, в образе Сони – кротость, скромность, смирение, доброта, простодушие.

Портретные характеристики и Сони, и Олины представлены в восприятии их возлюбленных – Раскольников и Андреаса. Они оказываются достаточно емкими по содержанию, так как не только включают в себя сведения о внешности и о характере, но и позволяют сделать некоторые догадки относительно их биографии. В облике обеих героинь акцентируются их духовная невинность и неискренность. В образе Олины контраст между внутренним духовным миром и средой оказывается несколько сглажен, так как она вполне вписывается в окружающую ее неблагоприятную бытовую действительность, соответствуя предъявляемым ей требованиям. Г. Бёльл избегает идеализации Олины, но в то же время подчеркивает детерминированность статуса последней социальными факторами.

Ярко выраженное внешнее портретное сходство между анализируемыми женскими персонажами отсутствует, аллюзии проявляются на уровне раскрытия характеров и выполнения аналогичных художественных функций. Одним из ведущих в образах Сони и Олины является мотив жертвенности. Обе героини добровольно отдают себя на поругание во имя благородной цели – спасения семьи от голода (Соня), спасения родины от фашистов (Олина). Соня олицетворяет собой не только жертвенность, но и активное

проявление практической любви к погибающим, в числе которых не только Раскольников, но и дети семьи Мармеладовых. Олина же в финале повести жертвует собой и своими принципами только ради одного человека – Андреаса, надеясь обрести с ним личное счастье.

Если характер Сони являет собой «воплощенное добро», то характер Олины не столь однозначен. Наивность, искренность, проявленные ею в отношениях с Андреасом, сочетаются в ней с изворотливостью и хитростью в общении с немецкими солдатами и офицерами. Если судьба Мармеладовой оказывается вписанной преимущественно в социальный контекст, то судьба Олины – в большей степени в историко-политический, так как тема войны и ее причин является в повести Г. Бёлля главной.

Сопоставительный анализ портретов героинь показывает, что их образы оказываются амбивалентными. Принадлежность к отталкивающей профессии сочетается с располагающей внешностью (даже при отсутствии внешней красоты, как у Сони) и положительными чертами характера. В образе Олины акцентируется национальное начало («польский затылок»). Сюжет о любви и отношениях между представителями разных наций в условиях военного времени (в данной повести между немцем и полькой) и в дальнейшем получит развитие в творчестве Г. Бёлля. Пример тому – роман «Групповой портрет с дамой» (1971), в котором повествуется об отношениях немки и русского военнопленного. В портретных описаниях обеих героинь содержится намек на их социальную ущербность, чрезмерную зависимость от неблагоприятной реальности, заставивших их сделать выбор в пользу постыдного рода деятельности. В образе Сони присутствует возвышенное начало, Ф. М. Достоевский показывает несоответствие ее характера, внутреннего мира избранному ею роду занятий, что проявляется, помимо прочего, в детскости движений, сравнение с ребенком лишней раз подчеркивает неискренность последней. Несоответствие присуще и образу Олины. Оно проявляется в сочетании противоположных качеств – невинности и испорченности одновременно. образу Сони же в критической литературе давали оценку как «святой грешнице»⁵. Такое определение связано с тем, что «моральное чувство – чувство любви и сострадания к ближним выталкивает ее на нарушение морального закона, который непреложен, свят для ее религиозно-нравственного сознания» [8: 18]. Соня является проповедницей христианской морали, ее главное качество – смирение, Олина проявляет смирение лишь внешне, но на деле, будучи членом партизанского движения, принимает активное участие в подпольной борьбе.

Взаимоотношения Сони и Олины с Раскольниковым и Андреасом соответственно, тесным

образом связанные с темой воскрешающей любви, способствуют более полному раскрытию их характеров. Одна из особенностей этих любовных отношений состоит в том, что их участники оттеняют друг друга по принципу контраста. В романе «Преступление и наказание» Соня и Раскольников являются носителями противоположных взглядов на жизнь и мир, в повести «Поезд пришел вовремя» Олина и Андреас – граждане двух враждующих государств. Возникшее между персонажами чувство разрушает национальные, политические, идеологические препятствия. Персонажей роднит осознание ими своей обреченности. Раскольников погубил себя, совершив преступление, Соня – выбрав аморальную профессию. Судьбы Андреаса, несущего службу в гитлеровской армии, и Олины, выбравшей постыдную сферу деятельности, также оказываются загубленными. Встреча героев происходит в кризисный момент (Раскольников одержим желанием осуществления своего замысла, Андреас предчувствует свою гибель и готовится к ней) и оказывается поворотным событием в их жизни. При этом применительно к роману русского классика исследователями отмечается тот факт, что

Раскольников, впадший в крайнее одиночество и всех кругом отвергший, тянется к Соне и потому, что они якобы пара грешников («убийца и блудница» <...>), и в силу ее страстного сочувствия, и как к носителю высшей благородной правды (которой он, впрочем, не сразу подчиняется) [5: 90].

В повести же немецкого автора образ Олины не наделен подобным возвышенным ореолом. Она сближается с Андреасом, в первую очередь, для того, чтобы помочь ему забыть хотя бы на некоторое время о постоянно гнетущем его страхе перед грядущей предчувствуемой им неминуемой гибелью. Символичным является то, что объединяющим для персонажей становится духовное начало, которое каждый из них несет в себе. По силе своего воздействия на героев сцена совместной игры Олины и Андреаса на рояле в повести Бёлля перекликается со сценой чтения Евангелия Соней и Раскольниковым в романе Ф. М. Достоевского. Подобное погружение персонажей в сферу высокого преображает их, поднимает над несправедливой социальной действительностью, способствует лучшему пониманию ими собственного внутреннего «я» и изменению их взглядов на собственную жизнь в дальнейшем.

Существенным отличием героинь друг от друга является то, что образ Сони оказывается ярко индивидуализированным, в то время как образ Олины – типически заостренным. Судьба, подобная судьбе Мармеладовой, типична для многих из числа «униженных и оскорбленных», но личность ее представлена в романе как исключительная. Помимо прочего, последнее под-

черкивается игрой контрастов, присутствующих в описании ее внешности и быта («взрослая» профессия и детские черты лица и манеры, наличие противоположно расположенных чрезмерно острого и чрезмерно тупого углов в комнате). Повествуя же об интерьере жилища Олины, рассказчик сравнивает его с казармой, дважды отмечает, что в нем было «только самое необходимое» для ее ремесла, не заостряя внимание на каких-либо примечательных деталях, а саму ее, наносящую макияж, он сравнивает с солдатом, поднятым по боевой тревоге. Отчасти это объясняется тем, что данное произведение Г. Бёлля –

первая попытка изобразить <...> не участь отдельных лиц, а судьбу целого поколения и даже больше – судьбу целой нации [7: 17].

Достоевский, по мнению В. Я. Кирпотина, понимал, что пьянство, проституция и преступление – это следствия не первородного греха, а неправильно и несправедливо устроенной социальной среды [3: 145]. Профессия Сони Мармеладовой – неизбежный, неумолимый результат условий, в которых она живет [3: 146] – ввергает ее в позор и низость, но мотивы и цели, вследствие которых она вступила на свой путь, самоотверженны и возвышенны. Самоотверженность присуща и Олине, которая, пережив гибель семьи, жертвует собой во имя любви к родине. Она пытается своим бегством вместе с Андреасом не только спасти себя и его, но и уйти от прежнего образа жизни, но вместо желанной свободы и долгожданных перемен находит свою гибель.

Обеим героиням присуще активное начало, действие. Каждая из них оказывает определенное воздействие на своего возлюбленного, глубоко понимая его мысли и переживания. С точки зрения Х.-Ю. Геригка, Соня воплощает собой

персонифицированное знание о внутреннем мире Раскольникова, от которого его «я» пытается отгородиться [1: 63].

В связи с этим ее влияние во многом определяет ход дальнейших поступков данного персонажа. Олина также является стимулом к действию для пассивного Андреаса, безропотно ожидающего трагического финала своей участи. Образу Сони свойственен альтруизм:

Ненасытимое сострадание Сони обращено на других, действительно нуждающихся в помощи <...>. Помысления об устройении собственной женской участи запряганы у нее вглубь, и она без колебания подчиняет их другим, неотступно встающим перед нею альтруистическим целям [3: 155].

В образе Олины этот мотив выражен в меньшей степени, хотя в финале повести ее поступками тоже движет сострадание. Любовь к «врагу» Андреасу, желание спасти того от неминуемой гибели заставляют ее отказаться от партизанской миссии, участие в которой было продиктовано патриотизмом и долгом. Испорченная средой

душа Олины оказывается по-наивному восприимчивой к любви. Но в итоге перед господствующими обстоятельствами, предопределяющими развитие событий жизни обычных людей, одинаково бессильными оказываются и активная Олина, и пассивный Андреас.

Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать следующий ряд сходств между образами Олины и Сони:

- 1) Амбивалентность: сочетание испорченности и невинности;
- 2) Доминирование мотива жертвенности;
- 3) Статус заложниц сложившихся внешних обстоятельств, принадлежность к категории «униженных и оскорбленных»;
- 4) Активное духовное начало – умение подняться над грязью внешней действительности, способность к нравственному преображению;
- 5) Созидующее участие в жизни окружающих, стремление спасти своих гибнущих возлюбленных.

Сопоставляемые произведения разнятся по жанру и объему, что является одной из причин того, что образ Олины не столь многогранен, как образ Сони.

По мнению В. Н. Захарова,

герой Достоевского подчас неведом самому себе, непредсказуем не только для читателя, но и для автора. У него всегда есть заветное «вдруг» – неожиданный «поворот» во мнениях и поступках, «перерождение убеждений» – преобразование личности [2: 33].

Проведенный анализ показал, что данная особенность оказывается присущей персонажам обоих рассматриваемых нами произведений. Каждая из героинь представляет собой тип страдающего человека и одновременно сильной личности, способной и сумевшей как повлиять на своего партнера, так и изменить саму себя. Однако если Соня в полной мере смогла убедить Раскольникова отказаться от пагубной идеи, воскресить его и свое сердце любовью, то Олине воплотить в жизнь свои намерения об изменении своей судьбы и судьбы Андреаса до конца не

удалось. Их любовь и надежды на будущее, едва вспыхнув, гаснут под воздействием жесткой военной реальности.

В романе Ф. М. Достоевского все основано на противостоянии миру и на выборе средств для такого противостояния [3: 146]. В повести Г. Бёлля герои также совершают попытку противостояния обстоятельствам, но она терпит неудачу и заканчивается гибелью персонажей, которых вихрем закручивает беспощадный исторический водоворот событий, что, в свою очередь, способствует обостренному восприятию трагедии отдельного человека, вступающего в неравное противостояние с судьбой. Трагическую предопределенность участи героев, их обреченность подчеркивает и название произведения «Поезд пришел вовремя»: конечной станцией прибытия закономерно, согласно логике войны, для них становится смерть.

Несмотря на выявленные аллюзии, необходимо отметить, что Олина – самобытный персонаж, репрезентирующий точку зрения немецкого писателя на войну, понимаемую им как источник неиссякаемых страданий для затронутых ею людей. История Олины и Андреаса демонстрирует судьбу целого поколения. Повесть «Поезд пришел вовремя» была написана и опубликована «по следам войны», с учетом военного опыта немецкого писателя, который даже в годы Второй мировой не расставался с Ф. М. Достоевским, нося томик его произведений в своем рюкзаке. Тема страдания, вызванного силой непреодолимых обстоятельств, была одной из ключевых и для Ф. М. Достоевского. Г. Бёллер полагал, что применительно к творчеству последнего можно использовать девиз: «Действительно только страдание». Несмотря на то что анализируемые произведения различаются эпохами, социально-историческим контекстом, в центре каждого из них – человек страдающий. Подход Г. Бёлля к разработке темы страдания «униженных и оскорбленных» в повести «Поезд пришел вовремя» свидетельствует об учете им художественных традиций русского классика в данном аспекте.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бёллер Г. Попытка приближения // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Повесть; Роман; Рассказы; Эссе; Речи; Лекции; Интервью. 1964–1971. М.: Худож. лит., 1996. С. 701–723. Здесь и далее в круглых скобках будут указаны фамилия и через двоеточие страницы.
- ² Мишин И. Достоевский и зарубежные писатели (основные проблемы творчества, традиции и новаторство): Учеб. пособие по спецкурсу. Ростов н/Д, 1974. 134 с.
- ³ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Собрание сочинений: В 12 т. Т. V. М.: Правда, 1982. 544 с.
- ⁴ Бёллер Г. Поезд пришел вовремя // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Романы; Повесть; Рассказы; Эссе. 1947–1954: Пер. с нем. М.: Худож. лит., 1989. С. 31–130.
- ⁵ Мережковский Д. С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893. С. 187.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геригк Х. - Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / Авториз. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Издательство Пушкинского Дома: Нестор-История, 2016. 320 с.
2. Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.

3. Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М.: Сов. писатель, 1974. 454 с.
4. Кормилов И. С. Аллюзия // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 28.
5. Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. М.: РГГУ, 2001. 190 с.
6. Папкина Д. С. Типы литературных аллюзий // Вестник Новгородского университета. 2003. № 25. С. 78–82.
7. Рожновский С. В. Генрих Бёль. М.: Высш. школа, 1965. 101 с.
8. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
9. Топер П. Генрих Бёль – романист и рассказчик // Бёль Г. Избранное: Сборник. М.: Радуга, 1988. С. 5–32.
10. Фоменко И. В. Цитата // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004. С. 477–488.
11. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 1999. 240 с.
12. Linder C. Heinrich Böll. Leben & Schreiben. 1917 bis 1985. Kiepenheuer&Witsch. Köln, 1986. 256 s.

Melnikova L. A., Balashov Institute of Saratov State University
(Balashov, Russian Federation)

ALLUSIONS AS A FORM OF THE RECEPTION OF F. M. DOSTOYEVSKY'S ARTISTIC EXPERIENCE IN HEINRICH BÖLL'S SHORT NOVEL *THE TRAIN WAS ON TIME*

The article presents the results of a comprehensive comparative analysis of the images of the central female characters (Olina and Sonya) of the short novel *The Train Was on Time* and the novel *Crime and Punishment*, which has not been attempted before in the Russian literature studies. This led to the novelty and relevance of the study. The process of comparing the heroines revealed a series of correlations at the level of the character disclosure and the performed functions, indicating that for Heinrich Böll the image of Sonya Marmeladova was one of the artistic prototypes in creating the image of Olina. However, the character of this heroine in the German author's story is not revealed as diversely as that of Marmeladova in the novel of the Russian writer. These female characters, in the first place, are knit together by their belonging to the type of a suffering person, their status of hostages of the adverse social circumstances, and their desire to save their loved ones from death. The significant difference is the final of their destinies. While Sonya ultimately succeeds in resurrecting Raskolnikov's heart with her love, Olina's attempts to change her fate and Andreas's fate fail and end with the death of both heroes. The reported correspondences indicate that Böll took into account Dostoevsky's traditions in the aspect of developing the problem of the "humiliated and insulted".

Key words: allusion, reception, literary influence, artistic experience, Sonya Marmeladova, Olina, F. M. Dostoevsky, Heinrich Böll, *Crime and Punishment*, *The Train Was on Time*

REFERENCES

1. Gerigk H.-J. Dostoevsky's literary mastery in its development. From *Notes from the House of the Dead* to *The Brothers Karamazov* (K. Yu. Lappo-Danilevsky, Authorized trans. from German, Ed.). St. Petersburg, 2016. 320 p. (In Russ.)
2. Zakharov V. N. The name of the author is Dostoevsky. An essay on his creative work. Moscow, 2013. 456 p. (In Russ.)
3. Kirpotin V. Ya. The disappointment and collapse of Rodion Raskolnikov. Moscow, 1974. 454 p. (In Russ.)
4. Kormilov I. S. Allusion. Literary encyclopedia of terms and notions. Moscow, 2001. Column 28. (In Russ.)
5. Meletinsky E. M. Notes on Dostoevsky's creative work. Moscow, 2001. 190 p. (In Russ.)
6. Papkina D. S. Types of literary allusions. *Bulletin of Novgorod University*. 2003. No 25. P. 78–82. (In Russ.)
7. Rozhnovsky S. V. Heinrich Böll. Moscow, 1965. 101 p. (In Russ.)
8. Tikhomirov B. N. "Lazarus, begone!" Modern interpretation of F. M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*: Book with commentaries. St. Petersburg, 2005. 472 p. (In Russ.)
9. Toper P. Heinrich Böll – a novelist and a storyteller. *Böll H. Collection of selected works*. Moscow, 1988. P. 5–32. (In Russ.)
10. Fomenko I. V. Quote. *Introduction to literary criticism. Literary work: basic notions and terms*. (L. V. Chernets, Ed.). Moscow, 2004. P. 477–488. (In Russ.)
11. Khalizev V. E. The theory of literature. Moscow, 1999. 240 p. (In Russ.)
12. Linder C. Heinrich Böll. Life and writings. From 1917 to 1985. Cologne: Kiepenheuer & Witsch, 1986. 256 p.

Поступила в редакцию 10.12.2018

ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА АБРОСИМОВА

научный сотрудник, Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи», аспирант сектора фольклористики с фонограммархивом Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
folklor@mail.ru

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ОБОНЕЖЬЯ В МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «ОЛОНЕЦКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» И ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЗАПИСЯХ

Рассматриваются сведения о традиционном праздничном и трудовом календаре русского населения Олонецкого края на материале публикаций местных корреспондентов в неофициальной части газеты «Олонецкие губернские ведомости» (ОГВ) (1838–1917) и экспедиционных записей XX – начала XXI века, в том числе хранящихся в научных архивах музея-заповедника «Кижи» и Карельского научного центра РАН. В результате сопоставления ранних и поздних материалов автор приходит к выводу, что в полевых записях порой содержатся сведения о календарных обрядах и обычаях, которых нет в статьях ОГВ или которые не нашли в газете достаточно полного освещения. Причиной этого в отдельных случаях может быть недостаток «этнографической наблюдательности» местных корреспондентов. Таким образом, газета ОГВ не может считаться единственным источником изучения крестьянского календаря. Для полноценного представления о нем необходимо привлечение дополнительных материалов, в том числе более поздних полевых сборов.

Ключевые слова: народный календарь, праздники, «Олонецкие губернские ведомости», Обонежье

Тема народного календаря Олонецкого края является достаточно хорошо изученной. Среди работ, внесших большой вклад в ее изучение, нужно назвать публикации К. К. Логинова [16], [17], [18], [19] и др., И. Ю. Винокуровой [2], [3], [4], [5], [6], [7] и др., А. П. Конки [12], [13], [14], [15] и др. о национальном календаре русского, вепсского и карельского населения региона. Аспекты карельского календаря разрабатывались также Л. И. Ивановой [8], [9] и В. П. Мироновой [21].

Одним из основных первоисточников изучения календарной традиции края остается газета «Олонецкие губернские ведомости». За время выхода этого издания на его страницах было помещено, по нашим подсчетам, около 150 публикаций с описанием обрядов и праздников народного календаря¹.

Эти публикации неравноценны по количеству и качеству собранных в них сведений. В одних отражен весь годовой цикл или большая его часть², другие сосредоточены на избранном празднике или цикле трудовых обрядов; в третьих содержатся лишь отрывочные и разрозненные сообщения по теме. Подавляющее большинство публикаций описывают русские села, календарю в карельских деревнях посвящена примерно десятая часть статей; сведений о календаре вепсов в ОГВ очень небольшое количество³.

Нашей задачей было сравнить публикации о календаре русских с более поздними архивными и полевыми записями с целью наблюдения за

характером бытования традиции⁴. Материалом для сравнения стали записи из Заонежья⁵, Пудожского края⁶ и Каргополя⁷.

Сравнивая экспедиционные материалы с ОГВ, мы обнаружили, что в описаниях праздников и праздничных обрядов, распространенных повсеместно, в ОГВ имеются пробелы: более поздние записи дают порой больше информации, хотя они были сделаны тогда, когда традиция, казалось бы, находилась в более разрушенном состоянии. На этих пропусках, «допущенных» авторами статей в газете, мы и остановимся более подробно. Порядок изложения следует хронологии календарного года.

Святки. Ряд обычаев, не замеченных собирателями XIX – начала XX века, относится к зимним святкам.

Ритуальные бесчинства. В ОГВ не встречается сведений о характерных для этого периода обрядовых бесчинствах молодежи. Между тем сведения о них были зафиксированы экспедициями в количестве, которое позволяет говорить о распространенности такого ритуального поведения на территории Олонецкого края еще в 1930–1950-е годы. Описывая этот обычай, информанты часто вспоминают, как его участники закладывали дровнями или дровами двери в дом, ворота или в мороз заливали их водой, так что хозяева не могли выйти на улицу. Обрушивали или растаскивали дрова по дороге «в виде железнодорожных шпал»; закрывали отверстие печной

трубы на крыше (например, стеклом), так что при растопке дым шел в избу (Пуд., 1969, 2008; Карг., 2008)⁸. Информанты вспоминали, что изначально так делали холостые парни в тех домах, где жили девушки, и жаловались, что теперь закладывают двери и «у старых людей» (что, очевидно, свидетельствует о разрушении традиции). Одна из наших собеседниц в Пудожье рассказала о таком виде святочного озорства, как обычай молодых парней «спускать» в святки ржаные снопы в колодцы с питьевой водой (Пуд., 2008)⁹.

Песни во время прихода ряженных. В ОГВ нередко описания действий ряженных: придя на беседу, они плясали под гармонь (кадриль, «лянсье» или русского) (Петроз., 1894, 1901)¹⁰, разыгрывали сценки с участием персонажей животных (Карг., 1887)¹¹. При этом в публикациях отсутствуют данные о песнях, сопровождавших появление «снарядих» (диалектное название ряженных). Между тем тексты таких песен, хотя и не много, были записаны позже. Так, в Заонежье мы записали песню «Прóница», которая исполнялась под пляску во время прихода «хúхляков» (также диалектное название ряженных):

Пронька свадьбу проведаў,
Федотке по Кибиткам забегаў,
В Шуйнаволочак сбегаў.
Кошка чернобровая узнала,
Вси пятнишка-ступнишка сломала,
Проницу жаніцца снаряжала.
Тут ёму байну топили,
Девку Параху жаніцца снарядили.
Девка Параха Ваньки говорила,
По мернай кошаль репы посулила.
Дудкам, дудкам, балалайкам,
Приходит по сарайкам
В крашенинном сарафани.
Ярмачиха весела,
Наварила киселя... (Заон., 2007)¹².

Из Пудожского района имеются записи песни «У наших у ворот» (Пуд., 1971, 1978, 1979, 1984)¹³, кроме того, свидетельства о шумовом сопровождении визита ряженных: во время их прихода ударяли в печную заслонку, «чтобы звон-от шел» (Пуд., 2008)¹⁴.

Гадания. Авторы ОГВ нередко подробно описывают святочные гадания, приводя входившие в их состав словесные формулы. Экспедиционные записи в основном дублируют то, что в этих описаниях. Однако и здесь можно найти новые детали. Так, в Заонежье и Пудожском крае были записаны рассказы о гаданиях с приговорами, тексты которых не попали на страницы газеты. В Заонежье гадающая девушка, ложась спать, трижды вытирала лицо платком, испачканным печной сажой, приговаривая: «Трусь-вытираюсь, ума набираюсь. Богосуженой-богоряженой, приходи меня посмотри» (Заон., 2007)¹⁵. В Пудожье девушки во время гадания (слушания) на снегу с прутьями, взятыми из метлы, произносили: «Прутик ветер, пруттик ветер, розвевайсе. / Же-

них до невесты добирайсе»; «лежу, может, не на месте, / покажись, жених невесте!» (Пуд., 1975)¹⁶.

Рождество. Христославение. На страницах ОГВ встречается всего несколько статей с описанием рождественского христославения¹⁷. Автор одной из них описывает этот обычай в карельском приходе, приводя текст детского стиха (в переводе на русский) (Повенец., 1870)¹⁸. В двух других статьях помещен текст рождественского винограды (Пуд., 1879, 1901)¹⁹. Кроме этого публикаций текстов, исполнявшихся христославами, в газете мы не обнаружили, тогда как поздние материалы содержат достаточно много таких записей. Правда, ими во всех случаях являются песнопения церковного происхождения, бытовавшие в народной традиции с изменениями: тропарь Рождества («Рождество Твое, Христе, Боже наш»), ирмос («Христос рождается – славите!») и кондак («Дева днесь»), который исполнялся, судя по записям, реже (Пуд., 1975, 1993, 2008; Карг., 2008)²⁰. Наиболее интересны среди них тексты, представляющие собой традиционный сплав основной смысловой части – прославления рождения Христа и присоединяющейся к ней просьбы-требования о вознаграждении. Наличие таких текстов в поздних записях говорит о хорошей сохранности традиции христославения в Заонежье и на прилегающей к нему территории.

Крещение. Крещенская вода. Корреспонденты, пишущие о святках, довольно часто упоминают о том, что те, кто ходил ряжеными в святки, купались в проруби на Крещение, чтобы очиститься от «греха ряжения». При этом авторы, как правило, не говорят еще об одном обычае, также связанном с верой в очистительные или даже целебные свойства крещенской воды: набирать ее в проруби, хранить и пользоваться ею в течение года. Исключение составляет очерк Д. Ягодкина, написанный, очевидно, по ранее известным материалам. В нем автор отмечает, что при первом выгоне скота на пастбище хозяйки кропят его крещенской водой²¹. Это единственное встретившееся нам подобное упоминание в ОГВ. В рассмотренных полевых материалах такие свидетельства, напротив, регулярны; кроме того, они содержат больше информации о способах применения этой воды. Интервьюируемые сообщают, что ею не только окропляли коров во время выпуска, но и ополаскивали им вымя для профилактики болезней (Пуд., 2008)²², а также кропили помещение, умывались и пили ее (Заон., 2007; Пуд., 2008; Карг., 2008)²³. На прорубь за водой в Крещение ходили с наступлением полуночи или утром до восхода солнца.

Закрещивание дверей, окон. Нет в статьях ОГВ и упоминаний о том, что в Крещение «закрещивали» ворота, двери, окна и другие отверстия в доме (дымоход, вход в подпол): мелом, смолой или копотью горящей свечки выводили знак креста на косяках, чтобы преградить доступ в жилище нечистой силе. Сведения об этом имеются

в полевых материалах 1930-х и 1990-х годов, в том числе опубликованных (Заон., 1931; Карг., 1995)²⁴.

Масленица. Блины. В публикациях, посвященных масленице, нам встретилось несколько упоминаний о приготовлении блинов. Однако их авторами были не сельские корреспонденты, описывавшие местные обычаи, а сотрудники газеты. Обычай печь блины в их заметках предстает скорее как некий атрибут празднования масленицы в городах губернии: Петрозаводске, а также Вытегре и Лодейном Поле (Петроз., 1852, 1859, 1893; Выт., 1861; Лод., 1859)²⁵. Тогда как в экспедиционных записях о блинах как кушанье, обязательном для этого периода, помнят практически все опрошенные – сельские жители. Следует, правда, отметить, что блины не были принадлежностью только Масленной недели: их пекли и в другое время, как в праздники, так и в будни.

Гадания. Не говорится в ОГВ и о гаданиях в масленицу: для этого периода они были не столь характерны. Однако в экспедиционных материалах 1931 года из Заонежья есть по крайней мере два свидетельства об их бытовании и в это время. Судя по описанию, они повторяли святочные, но были менее разнообразны: в это время гадали, прислушиваясь к звукам (на сарае дома, а также посреди дороги, сидя на шкуре), смотрели в зеркало, лили расплавленный свинец (Заон., 1931)²⁶.

Великий пост. Фольклор. Ограничения, вступавшие в силу с началом Великого поста, затрагивали и круг фольклорных жанров: на молодежных посиделках прекращалось исполнение песен и танцев – вместо этого исполнялись былины, баллады и духовные стихи. Записи об этом имеются еще в полевых материалах 1970-х годов (Пуд., 1979)²⁷. Корреспонденты ОГВ, отмечая прекращение собраний молодежи или смену обычного для них фольклорного репертуара на время поста (Заон., 1891; Петроз., 1894)²⁸, как правило, не указывают на то, что в это время можно было услышать эпические и лиро-эпические произведения. Исключением является статья автора, подписавшегося инициалами, который публикует начальные строки баллады <«Вдова Пашица»>, сопровождавшей, по его наблюдениям, прядение на постных «посидках» (иначе – «бесёдах» или молодежных собраниях)²⁹.

Вербное воскресенье. Вербные ветки. Описывая домашний обряд выпуска скота на пастбище, корреспонденты упоминают, что хозяйки выгоняют коров со двора с помощью вербы – «освященной», «принесенной из церкви», «хранящейся за образами» (Петроз., 1901; Пуд., 1900; Карг., 1984)³⁰. При этом никто из них не останавливается специально на описании заготовки и освящения вербы как обычая, приуроченного к празднику Вербного воскресенья. От современных же информантов об этом сделано немало записей. Деталь, которая выясняется из их

рассказов и дополняет известное о праздничном обряде: сорванные к празднику вербные ветки до освящения в часовне украшали тряпичными лоскутками (Заон., 2007)³¹.

Пасха. В описаниях корреспондентов губернской газеты не отражено или отражено не в полной мере большое число обычаев, связанных с празднованием Пасхи.

Приготовление выпечки ночью. Приготовлением пищи к празднику занимались ночью накануне: вечером в субботу топили печь и стряпали до полуночи, чтобы к утру все было готово. Спать в эту ночь не ложились совсем. Трапезничать садились рано утром по возвращении с ночной службы в храм. Обо всем этом мы можем узнать не из публикаций сельских корреспондентов ОГВ, а из бесед с жителями деревень и из архивных материалов (Заон., 2007; Пуд., 1993; Карг., 2008)³².

Праздничные блюда. К числу специфически пасхальных блюд относились творожная «кабуша» (творожная пасха) и крашеные яйца. Прочая выпечка на Пасху была такой же, как и в другие праздники, и включала в себя калитки, «нали-тушки», рыбники, блины, творожники, шаньги; готовили овсяный или картофельный кисель и выпаренное в печи молоко (Заон., 1993, 2007; Пуд., 1975, 1993, 2008; Карг., 2008)³³. Эти сведения также были получены от современных носителей традиции.

Красители для яиц. В статьях ОГВ неоднократно встречаются указания на игры с пасхальными яйцами или на обычай одаривания ими. При этом нигде не говорится о способах крашения яиц: в статье К. М. Петрова о карельской обрядности есть лишь указание на то, что красили их в Великий четверг (Повенец., 1863)³⁴. Сведения об этом были записаны позже. Из них мы знаем, что повсеместно яйца красили луковой «корой», а в Заонежье в качестве красителя использовали, кроме того, серый мох, снятый с каменных грудовиц, в результате чего яичная скорлупа приобретала, по рассказам, бордовый цвет (Заон., 2007)³⁵.

Гадание по солнцу. Рано утром в день Пасхи при восходе солнца примечали, играет ли, радуется ли солнце – таким образом делали предсказания о том, хорошим или тяжелым будет год в дальнейшем (Пуд., 1993; Карг., 2008)³⁶. В рассмотренных статьях ОГВ указаний на бытование этого гадания в пасхальную ночь не встречается. Хотя похожее гадание, о женихе и замужестве, было зафиксировано в ночь на Иванов день в Заонежье:

Девушки же в эту ночь ждут солнце и гадают о том, выйдут ли в этом году замуж. <Далее в сноске:> Если солнце выйдет яркое, красивое – жених будет красивый и веселый... (Заон., 1888)³⁷.

Костры. От жителя села Лядины Каргопольского района нам удалось записать единственный

рассказ об обычае устраивать костры из бочек вблизи церквей на погосте в Пасху (Карг., 2008)³⁸. В ОГВ подобные свидетельства есть, но их всего три, при этом два – из Петрозаводска и лишь одно – из села (Петроз., 1857, 1890, 1914)³⁹.

С Пасхой было связано еще два обычая, упоминания о которых в статьях ОГВ, в отличие от современных записей, редки.

Колокольный звон. Информанты помнят, что в течение пасхальной недели всем желающим, включая детей, разрешалось звонить в колокола на звоннице местного храма (Заон., 1931, 1990; Пуд., 1975)⁴⁰. На страницах газеты указание на это встретилось нам всего в одной, уже упомянутой, статье К. М. Петрова, который отмечает, что этим занимались неженатая молодежь и дети (Повенец., 1863)⁴¹.

Качели. Другой обычай – качаться на качелях начиная со дня Пасхи. В ОГВ всего два свидетельства об этом, и одно из них – из города: в нем упоминаются качели, установленные к Пасхе на городской площади в Петрозаводске (Петроз., 1857)⁴².

Если из статьи, где говорится о домашних качелях на Пасху, мы узнаем подробности их устройства на сарае дома (Повенец., 1886)⁴³, из рассказов информантов выясняется, что их крепили также к воронцу⁴⁴ в избе, очевидно, для детей. Качели устанавливали и на улице, посередине деревни. Качались, по словам наших собеседников, не только дети, но и молодежь, и люди пожилые, «который может» (Заон., 2007; Карг., 2008)⁴⁵. Качаться же до Пасхи было нельзя потому, что иначе «бес на колена сядет <...> и будет мучить всю жись» (Заон., 2007)⁴⁶.

Весенний выгон скота. *Песня на выпуск скота.* В ОГВ опубликовано достаточное число статей с описанием обрядов в день весеннего выпуска скота на пастбище. Во многих из них приведены тексты пастушеских заговоров, сопровождавших обряд общественного выпуска деревенского стада. Однако в этих публикациях не сказано о его музыкальном сопровождении. На территории бывшего Каргопольского уезда нам удалось записать начальный фрагмент песни, которую в день первого выгона совместно исполняли женщины, выгоняя коров, чтобы передать их пастуху: «Выгоняйте-ка скотинку на широкую долинку...» (Карг., 2008)⁴⁷.

Троица. *Березки.* Повсеместно атрибутом празднования Троицы были березки. Молодые деревца в этот день срубали и вкапывали, а иногда сажали возле окон дома либо ставили у крылец и у входа в церковь. Они стояли там от одного-двух до нескольких дней, до тех пор пока не завянут. Пучок березовых веток в «стекляночке» ставили дома за иконы (Заон., 2007)⁴⁸. Бытование всех этих вариантов обычая в Заонежье отмечает К. К. Логинов [17: 202]. Записи об этом были сделаны и на территории бывших Пудожского и Каргопольского уездов (Пуд., 1993, 2008; Карг., 2008)⁴⁹. При обилии современных свиде-

тельств упоминание о данном обычае в ОГВ есть всего в одной статье, и речь в ней опять-таки идет не о деревне, а о городе (Карг., 1857)⁵⁰.

Иванов день. *Ритуальные бесчинства.* Подобно тому как молодежь совершала ритуальные бесчинства в зимние святки, происходило это и в ночь на Иванов день. Участники обычая в Заонежье заваливали дороги вытащенными на берег из воды лодками, бревнами и дровами (Заон., 2007)⁵¹. Если девушка не приходила на беседу вечером накануне Иванова дня, парни могли забаррикадировать входную дверь ее дома. Если не приходил парень, так же поступали девушки (Заон., 2007)⁵².

Гадание. В Заонежье мы записали рассказ о том, как в *Ивановскую* ночь девушки перелезали через зарод⁵³:

Дак вот иной раз говорим: можем ли вот встать туды и через перейти? <...> Через этот зарод, с этой стороны если встала, а можешь ли перейти туды? – «Перешла я, перешла!» (Заон., 2007)⁵⁴.

Считалось, что те, кто сумел это сделать, выйдут замуж. Сведений о такой разновидности ивановских гаданий в описаниях корреспондентов ОГВ нам не встретилось.

Петров день. *Кабуши.* В Заонежье в период между Ивановым и Петровым днями готовили кабуши. Как указывает К. К. Логинов, это блюдо было заимствовано заонежанами у соседних карелов и вепсов. Кабуши замешивали из сухого творога с добавлением муки, лепили в ладонях и не выпекали, а высушивали. В ночь на Петров день у молодежи было принято красть кабуши и тайком съедать их [16: 127, 129], [17: 195, 204]. В наших записях тоже есть упоминание о кабушах, правда, без рецепта их приготовления (Заон., 2007)⁵⁵. У корреспондентов из Заонежья сведений о кабушах нет – возможно, потому, что таких статей в газете вообще мало: мы насчитали их всего семь. Хотя в статье П. Певина с ближайшей к Заонежью территории упоминается обычай молодежи красть в домах «сыр» (творог) в Петровскую ночь (Петроз., 1894)⁵⁶.

Жатва. *«Борода Ильи».* По окончании жатвы на поле делали так называемую бороду Ильи: оставляли несжатым пучок колосьев, скручивали и пригибали к земле так, чтобы они с ней соприкасались. Делалось это для того, чтобы вернуть земле ее плодородную силу [22: 76]. Этот обряд был известен и в Заонежье (Заон., 1931)⁵⁷. В газете «Олонецкая неделя» о его бытовании писал учитель П. О. Коренной из заонежского села Космозера (Заон., 1912)⁵⁸. В ОГВ свидетельство об этом обряде встречается лишь в упомянутой публикации К. М. Петрова, где речь идет о карельской традиции (Повенец., 1863)⁵⁹.

Приведенный список календарных обрядов и обычаев, обнаруженных в поздних и отсутствующих в более ранних материалах, не является полным. Однако даже беглое сопоставление

позволяет увидеть, что публикации ОГВ не исчерпывают всех сторон местной календарной традиции. Похожая ситуация хорошо охарактеризована в одном из отчетов Императорского Русского географического общества, составители которого сетуют, что в материалах, присылаемых корреспондентами с мест,

нередко описываются предметы слишком общеизвестные и остаются без описания предметы <...> в этнографическом отношении весьма важные, хотя эти последние, очевидно, должны быть коротко известны составителям описаний⁶⁰.

Почему местные корреспонденты порой «избирательно» подходили к описанию окружавших их явлений народной жизни? Казалось бы, у них не было недостатка в руководствах по фольклорно-этнографической работе в виде разнообразных программ, которые на протяжении второй половины XIX – в начале XX века выпускали ИРГО⁶¹, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии⁶², Императорская Академия наук⁶³, Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева⁶⁴ и другие учреждения⁶⁵. Дополнением к этим программам можно считать обращения редакторов неофициальной части ОГВ, которые на страницах газеты побуждали читателей, в том числе от своего имени, присылать в редакцию материалы по народной словесности и обычаям⁶⁶.

Р. Б. Калашникова, сравнивая напечатанные в ОГВ описания приходов, сделанные двумя разными авторами, отмечала, что в характе-

ре отображения этнографической реальности большую роль играет субъективное отношение к ней [11: 101]. С этим нельзя не согласиться. Остается предположить, что сотрудничавшие с губернской газетой корреспонденты отличались разной степенью этнографической наблюдательности – интереса и внимания к проявлениям народной традиции. Часть обычаев не попадала в их поле зрения, возможно, и потому, что воспринималась как нечто само собой разумеющееся, слишком обыденное (например, обычай готовить выпечку к Пасхе ночью накануне праздника) либо могла не осмысливаться как часть именно народной традиции (например, исполнение христословами церковных по происхождению песнопений).

Можно также сделать вывод, что метод интервьюирования, обеспечивающий тесный эмоциональный контакт с информантами, оказывается более эффективным по сравнению с методом удаленного собирания (с помощью корреспондентов) с точки зрения своевременного выявления и устранения информационных лакун.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН В. П. Кузнецову за предоставленную возможность пользоваться материалами ее экспедиционных записей в Пудожском районе, хранящихся в Научном архиве КарНЦ РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы учитывали описания не только сельских, но и городских праздников, в основе которых также лежит крестьянский календарь.

² Это, как правило, описания приходов и сел, которых в газете немногим более 20, хотя и не только они.

³ Источниками о вепском календаре можно считать статьи: «Вытегорские Кондужи» (Вытегорские Кондужи // ОГВ. 1874. № 4, 5, 9, 10, 12–14, 16, 21–24, 26–31), в которой дано одно из наиболее насыщенных описаний праздничной традиции, и «Народное веселье» (Филимонов К. Народное веселье: как проводятся в селе праздники // ОГВ. 1897. № 34. С. 2–3; № 37. С. 2–3; № 39. С. 2–3). Во второй статье речь идет в том числе о Куштозерском приходе Вытегорского уезда. Как указывает И. Ю. Винокурова, население Кондуш и Куштозера представляло собой обрусевших вепсов [2: 22], [3: 14].

⁴ При этом не все необходимые публикации в ОГВ оказались доступны: отдельные номера газеты, а порой и нужные страницы в них в Петрозаводске отсутствуют.

⁵ Полевые материалы автора. Экспедиция в д. Ламбасручей Медвежьегодского района. 2007 г. (далее – ПМА. 2007); Научный архив Карельского научного центра РАН (далее – НАКарНЦ). Разр. VI. Оп. 1. Ед. хр. 61, 62, 65, 71, 76. Дневники этнографической экспедиции Карельского музея в Заонежский район. Записи студентов Ленинградского историко-лингвистического института. 1931 г.; Там же. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 160. Расшифровки магнитофонных записей фольклорной экспедиции в Медвежьегодский район КАССР (д. Шунья, д. Паяницы) в 1983 г.; Там же. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 161. Экспедиция в Медвежьегодский район (с. Толвуя и окрестности). 1983 г.; Научный архив музея-заповедника «Кижи» (далее – НАМЗК). Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 19. Экспедиционная запись беседы с Андреевой-Рябининой А. В. (г. Петрозаводск). 1990 г.; Там же. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 23. Экспедиционная запись беседы с М. М. Русановой, А. И. Малюткиной, М. П. Логиневской (г. Петрозаводск). 1993 г.

⁶ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. Отчет о фольклорно-этнографической экспедиции в Плесецкий район Архангельской области (Кенозерье). 2008 г.; НАКарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 23. Экспедиция в Пудожский район. 1969 г.; Там же. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 82. Расшифровка материалов экспедиции в Пудожский район, Каршевский сельсовет. 1975 г.; Ф. 1. Оп. 1. Колл. 140. Расшифровка магнитофонных записей фольклорно-этнографической экспедиции в Пудожский район КАССР. 1978 г.; Ф. 1. Оп. 1. Колл. 141. Расшифровка магнитофонных записей фольклорно-этнографической экспедиции в д. Авдеево, Алексеево, Бураково Пудожского района и г. Пудож КАССР. 1979 г.; Там же. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 201. Расшифровки магнитофонных записей фольклорно-этнографической экспедиции в д. Куганаволок, Кевасалму, Коскасальму, Бостилово Пудожского района. 1993 г.

⁷ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231; ПМА. Экспедиция в г. Пудож и Каргопольский район Архангельской области (д. Моршихинская, Лядины, Орлово). 2008 г. (далее – ПМА. 2008).

⁸ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. Расшифровки аудиофайлов (далее – РА) № 92, 113, 122, 129, 133, 142; ПМА. 2008. Информанты (далее – инф.) – Е. П. Попова, С. Д. Бутин; НАКарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 23. Ед. хр. 645. В скобках здесь

- и далее указываются место и год записи. При этом «Пуд.» и «Карг.» означают Пудожский и Каргопольский уезд в исторических границах. Часть территории обоих уездов (деревни на Кенозере) в настоящее время входит в состав Плесецкого района Архангельской области. «Петроз.» означает территорию Петрозаводского уезда, «Люд.» – Лодейнопольского, «Повенец.» – Повенецкого, «Выт.» – Вытегорского.
- ⁹ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. РА № 142.
 - ¹⁰ Плотников А. Лижемский приход Петрозаводского уезда // ОГВ. 1901. № 132. С. 2; Певин П. Очерк Горского прихода Петрозаводского уезда Олонецкой губернии // ОГВ. 1894. № 53. С. 8.
 - ¹¹ Продолжительность святок. Корреспонденция из Каргополя // ОГВ. 1887. № 100. С. 957.
 - ¹² ПМА. 2007. Инф. – В. И. Ларюшкина. Эту песню информант усвоила от своей мамы.
 - ¹³ НАКарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 140. Ед. хр. 56, 330, 331; Там же. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 141. Ед. хр. 103. См. также: [20: 181].
 - ¹⁴ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. РА № 142.
 - ¹⁵ ПМА. 2007. Инф. – А. Н. Рындина.
 - ¹⁶ НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 82. Ед. хр. 24.
 - ¹⁷ По классификации А. Н. Розова, все они относятся к «мирскому» типу. См. [23: 20, 21, 25].
 - ¹⁸ Андреев Ф. Предания и поверья в Масельгско-Паданском приходе Повенецкого уезда. Перевод с карельского // ОГВ. 1870. № 55. С. 602.
 - ¹⁹ Гурьев А. Н. Обрядные песни. Из сборника песен Олонецкой губернии. Колядные. Пудожский уезд, Усть-Моша // ОГВ. 1879. № 36. С. 425; И. С. Из области народного творчества. Винограды // ОГВ. 1901. № 144. С. 4.
 - ²⁰ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. РА № 82, 92, 128, 140; НАКарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 82. Ед. хр. 93; Там же. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 201. Ед. хр. 314.
 - ²¹ Ягодкин Д. Весенние картинки // ОГВ. 1899. № 32. С. 2, 3.
 - ²² НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. РА № 129.
 - ²³ ПМА. 2007. Инф. – В. П. Мамонтова, А. Н. Рындина, В. К. Антропова; ПМА. 2008. Инф. – С. Д. Бутин; НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. РА № 123, 137.
 - ²⁴ НАКарНЦ. Разр. III. Оп. 1. Колл. 76. Л. 165; Разр. VI. Оп. 1. Ед. хр. 65. См.: [25: 58].
 - ²⁵ Ср.: Редакт. О. Г. В. Масленица и прощальный день // ОГВ. 1852. № 9; Лазарев А. Письма в столицу из Петрозаводска // ОГВ. 1859. № 9. С. 35; К... Г. Лодейное Поле. Письмо в редакцию губернских ведомостей // ОГВ. 1859. № 11. С. 44; Коренной олонецкий житель. Фельетон. Кое-что о масленице // ОГВ. 1861. № 11. С. 65–67; К. Город Петрозаводск. Минувшая Масленица // ОГВ. 1893. № 11. С. 4.
 - ²⁶ НАКарНЦ. Разр. VI. Оп. 1. Ед. хр. 62.
 - ²⁷ См.: НАКарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 141. Ед. хр. 58.
 - ²⁸ См., например: П. И. П. Толвуйский приход Петрозаводского уезда Олонецкой губернии // ОГВ. 1891. № 84. С. 852; Певин П. Указ. соч. № 52. С. 7–10.
 - ²⁹ Е. П. Картинки увеселений сельской молодежи в Олонецкой губернии // ОГВ. 1898. № 59. С. 2.
 - ³⁰ Ильинский В. Домашний отпуск при выгоне рогатого скота на пастбище // ОГВ. 1884. № 53. С. 515–516, 526; Кофырин Н. Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского уезда // ОГВ. 1900. № 137. С. 2; Плотников А. Указ. соч. № 133. С. 2.
 - ³¹ ПМА. 2007. Инф. – К. Е. Лашко, Л. Ф. Соломина, Т. А. Хонина, В. П. Мамонтова, А. Г. Федотова, А. Н. Рындина.
 - ³² ПМА. 2007. Инф. – В. И. Ларюшкина; НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. РА № 107, 118; НАКарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 201. Ед. хр. 125, 183.
 - ³³ ПМА. 2007. Инф. – Е. И. Коновалова, В. П. Мамонтова; НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. РА № 107, 113, 123, 136, 160; Там же. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 23; НАКарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 82. Ед. хр. 200, 307; Там же. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 201. Ед. хр. 183.
 - ³⁴ Петров К. Повенецкие карелы, их домашний и общественный быт, поверья и предания // ОГВ. 1863. № 29. С. 108.
 - ³⁵ ПМА. 2007. Инф. – В. И. Ларюшкина, Л. Ф. Соломина.
 - ³⁶ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. РА № 118; НАКарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 201. Ед. хр. 125.
 - ³⁷ Куликовский Г. И. Иванов день в селении Кузаранде Петрозаводского уезда. Корреспонденция «Губернских ведомостей» // ОГВ. 1888. № 54. С. 516.
 - ³⁸ ПМА. 2008. Инф. – С. Д. Бутин.
 - ³⁹ Городская летопись. Светлое Христово воскресенье 7 апреля 1857 года в Петрозаводске // ОГВ. 1857. № 15. С. 84; К. Город Петрозаводск, 6 апреля // ОГВ. 1890. № 25. С. 244; Остречинец. Село Остречины Петрозаводского уезда // ОГВ. 1914. № 73. С. 2.
 - ⁴⁰ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 19; НАКарНЦ. Разр. VI. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 6; Там же. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 82. Ед. хр. 200. См. также: [10: 152, 164].
 - ⁴¹ Петров К. Указ. соч. С. 109.
 - ⁴² Городская летопись... С. 84–85.
 - ⁴³ Описание игрушек, игр и детских забав в деревнях Пудожгорских Повенецкого уезда // ОГВ. 1886. № 75. С. 672.
 - ⁴⁴ Воронцы – полки в избе на уровне человеческого роста, расходящиеся от печного столба одна к лицевой, другая к боковой стене под прямым углом.
 - ⁴⁵ ПМА. 2007. Инф. – В. П. Мамонтова, А. Г. Федотова, А. Н. Рындина, В. К. Антропова; НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. РА № 87.
 - ⁴⁶ ПМА. 2007. Инф. – Т. А. Хонина.
 - ⁴⁷ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. РА № 87.
 - ⁴⁸ НАМЗК. 2007. Инф. – К. Е. Лашко, Т. А. Хонина, В. И. Ларюшкина, А. Н. Рындина, В. К. Антропова.
 - ⁴⁹ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 231. РА № 78, 111, 120, 128; НАКарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 201. Ед. хр. 146.
 - ⁵⁰ Троицын день в Каргополе // ОГВ. 1857. № 27. С. 141.
 - ⁵¹ НАМЗК. 2007. Инф. – Е. И. Коновалова, М. В. Конев, Т. А. Хонина, Л. В. Кожина, В. П. Мамонтова.
 - ⁵² НАМЗК. 2007. Инф. – К. Е. Лашко, Л. Ф. Соломина.
 - ⁵³ Высота зарода, сооружения для сушки снопов, похожего на шведскую стенку, могла превышать пять метров [24: 21].
 - ⁵⁴ НАМЗК. 2007. Инф. – Т. А. Хонина.
 - ⁵⁵ НАМЗК. 2007. Инф. – В. П. Мамонтова.
 - ⁵⁶ Певин П. Указ. соч. № 53. С. 9.
 - ⁵⁷ НАКарНЦ. Разр. VI. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 24. См. также [18: 36].
 - ⁵⁸ Коренной П. О. Народные сельскохозяйственные приметы // Олонецкая неделя. 1912. № 23. С. 13–14.
 - ⁵⁹ Петров К. Указ. соч. № 13. С. 45.
 - ⁶⁰ Отчет РГО за 1849 год // Записки ИРГО. СПб., 1851. Кн. V. С. 26–27. Цит. по [1: 59–60].

- ⁶¹ «Этнографическая программа» ИРГО выпускалась трижды, с изменениями: в 1848, 1852 и 1877 годах.
- ⁶² См., например, программу, составленную действительным членом ОЛЕАНЭ М. Н. Харузиным: <Харузин М. Н.> Программа для собирания сведений о юридических обычаях народа // ОГВ. 1898. № 5–8, 13, 14.
- ⁶³ См., например, сообщение о «Программе для собирания особенностей народных говоров», составленную отделением русского языка и словесности Академии наук: В. Этнографические заметки // ОГВ. 1896. № 76. С. 1–2.
- ⁶⁴ См. об этом подробнее [26].
- ⁶⁵ См., например, программу, составленную сотрудниками Политехнического музея в Москве: Программа для собирания сведений относительно игрушек, игр и детских забав, употребляемых в России // ОГВ. 1885. № 27. С. 246.
- ⁶⁶ Например: Редак. Народное поверье // ОГВ. 1841. № 41. С. 205; Редактор Олон. Г. В. Народные песни Олонецкой губернии // ОГВ. 1845. № 34. Без указания страниц; Редактор О. Г. В. Этнографические материалы Олонецкой губернии // ОГВ. 1847. № 25. Без указания страниц; Редакт. Олонец. Г. В. Народное поверье. Ликантропы: люди-волки, люди-медведи // ОГВ. 1853. № 20. С. 86; А. И. О предметах, входящих в состав неофициальной части «Олонецких губернских ведомостей» // ОГВ. 1856. № 1. С. 2–4; От редакции // ОГВ. 1860. № 14. С. 53.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васкул А. И. История русской фольклористики второй половины XIX – начала XX в.: проблемы источниковедения. СПб., 2009. 376 с.
- Винокурова И. Ю. Аграрная обрядность начала зимы у вепсов (конец XIX – начало XX в.) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 5–27.
- Винокурова И. Ю. Демонологические представления «обрусевших вепсов» Вологодской области // Живая старина. 2001. № 3. С. 14–17.
- Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1994. 124 с.
- Винокурова И. Ю. Некоторые итоги изучения вепского народного календаря // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 49–65.
- Винокурова И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 205 с.
- Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996. 139 с.
- Иванова Л. И. Крещенская баба: к вопросу о семантике и пространственно-временных аспектах образа (по материалам северно-карельской мифологической прозы) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 10 (104). С. 45–53.
- Иванова Л. И. Святочные персонажи карельской мифологии: к вопросу о персонификации границ // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 159–168.
- Калашникова Р. Б. «Крестьянские мемуары»: из фольклорного архива музея-заповедника «Кижи» // Кижский вестник: Сб. ст. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 150–181.
- Калашникова Р. Б. Праздничный календарь Лижемского и Горского приходов Кондопожской волости Петрозаводского уезда // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений, посвящ. памяти С. В. Шежемского (7–8 апреля 2000 г.). Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 96–101.
- Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел: материалы к описанию обряда // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 77–95.
- Конкка А. П. Календарная мифология и обрядность сямозерских карел // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 301–324.
- Конкка А. П. Календарные обряды карел XIX – начала XX в. Святочное ряжение // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 218–249.
- Конкка А. П. Святки в Панозере, или Крещенская свинья // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 130–153.
- Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1993. 150 с.
- Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 1993. 228 с.
- Логинов К. К. Трудовые обычаи, обряды, запреты и приметы русских Заонежья // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 33–49.
- Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. 276 с.
- Лойтер С. М. Носители фольклорных традиций (Пудожский район) // Кижский вестник: Сб. ст. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 179–207.
- Миронова В. П. Зимние Святки у ливвиков (по полевым материалам 1990–2000-х гг.) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: Сб. ст. памяти Ю. Ю. Сурхаско. Гуманитарные исследования. Вып. 2. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 265–270.
- Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. СПб.: Азбука, 1995. 176 с.
- Розов А. Н. Русское рождественское христославление: Материалы и исследование // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 30. СПб., 1999. С. 20–53.
- Скобелев О. А. Планировка и хозяйственные постройки усадьбы братьев Елизаровых в деревне Потаневщина Кижской волости Петрозаводского уезда в первой трети XX века // Краеведческие чтения: Материалы IV науч. конф. (16–17 февраля 2010 г.). С. 17–23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.karelia.ru/files/3953.pdf> (дата обращения 12.12.2018).
- Трофимов А., Трусова Н., Хафизова Л. Материалы Каргопольской экспедиции РГТУ 1995 года // Живая старина. 1996. № 2. С. 57–58.
- Шангина И. И. От составителей // Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. С. 6–15.

Abrosimova D. D., Kizhi State Open-Air Museum of History,
Architecture and Ethnography, Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

OBONEZHYE FOLK CALENDAR IN THE *OLONETSKIYE GUBERNSKIYE VEDOMOSTI* NEWSPAPER AND THE EXPEDITION RECORDS

The article considers data on the traditional festive and working calendar of the Russians in the Olonets province. The materials studied cover articles by local correspondents published in the unofficial part of the *Olonetskiye Gubernskiy Vedomosti* (OGV) newspaper (1838–1917) and the expedition records of the XX and the early XXI centuries including those in the scientific archives of the Kizhi Open-Air Museum and the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. As a result of the comparison of the earlier and later materials, the author concludes that field records sometimes contain the information on calendar rites and rituals that are not found in the articles of the OGV newspaper or that are not covered in them fully enough. The reason for that, the author suggests, might be local correspondents' insufficient skills in ethnographic observation in some cases. Thus, the OGV cannot be relied on as the only source for studying the peasant calendar. For the full picture, it is necessary to draw other materials, including later field collections.

Key words: folk calendar, feasts, "Olonetskiye Gubernskiy Vedomosti", Obonezhye

ACKNOWLEDGEMENTS

The author expresses her deep gratitude to Valentina P. Kuznetsova, senior research fellow of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (PhD in Philology), for the opportunity to consult her field records made in the Pudozh district, which are kept in the Scientific Archives of the RAS Karelian Research Centre.

REFERENCES

1. Vaskul A. I. The history of Russian folklore studies of the second half of the XIX and the early XX centuries: the problems of source studies. St. Petersburg, 2009. 376 p. (In Russ.)
2. Vinokurova I. Yu. Vepsian agrarian rites at the beginning of winter in the late XIX and the early XX centuries. Petrozavodsk, 1992. P. 5–27. (In Russ.)
3. Vinokurova I. Yu. Demonological views of the "Russianized Vepsians" of the Vologda region. *The Living Antiquity*. 2001. № 3. P. 14–17. (In Russ.)
4. Vinokurova I. Yu. The Vepsians' calendar rites, rituals and feasts in the late XIX and the early XX centuries. St. Petersburg, 1994. 124 p. (In Russ.)
5. Vinokurova I. Yu. Some of the outcomes of the studying of Vepsian folk calendar. *Etnokul'turnye protsessy v Karelii*. Petrozavodsk, 1986. P. 49–65. (In Russ.)
6. Vinokurova I. Yu. Rites, rituals and feasts in the Vepsians' traditional culture. Petrozavodsk, 2011. 205 p. (In Russ.)
7. Vinokurova I. Yu. The Vepsians' traditional feasts in the late XIX and the early XX centuries. Petrozavodsk, 1996. 139 p. (In Russ.)
8. Ivanova L. I. "The Epiphany baba". On the issue of semantics and spatio-temporal aspects of the image (on the materials of North Karelian mythological prose). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2009. No 10 (104). P. 45–53. (In Russ.)
9. Ivanova L. I. Yuletide characters of Karelian mythology. On the issue of the personification of borders. *Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nykh regionov. Gumanitarnye issledovaniya*. Issue 1. Petrozavodsk, 2008. P. 159–168. (In Russ.)
10. Kalashnikova R. B. "Peasants' memoirs" from the folklore archives of the Kizhi Open-Air Museum. *Kizhskiy vestnik*. Petrozavodsk, 2003. Issue 8. P. 150–181. (In Russ.)
11. Kalashnikova R. B. Festive calendar in Lizhma and Gorka parishes of the Kondopoga volost of the Petrozavodsk uyezd. *Kondopozhskiy kray v istorii Karelii i Rossii: Materialy III kraevedcheskikh chteniy, posvyashchennykh pamyati S. V. Shezhemskogo (7–8 aprelya 2000 g.)*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2000. P. 96–101. (In Russ.)
12. Konkka A. P. Animal sacrifices at the Karelians' summer calendar feasts. Materials for the description of the rite. *Obryady i verovaniya narodov Karelii*. Petrozavodsk, 1988. P. 77–95. (In Russ.)
13. Konkka A. P. The Syamozero Karelians' calendar mythology and rites. *Istoriya i kul'tura Syamozer'ya*. Petrozavodsk, 2008. P. 301–324. (In Russ.)
14. Konkka A. P. The Karelians' calendar rites of the XIX and the early XX centuries. Yuletide mumming. *Finno-ugry i sosedi: problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya v Baltiyskom i Barentsevom regionakh*. St. Petersburg, 2002. P. 218–249. (In Russ.)
15. Konkka A. P. Yuletide in Panozero, or the Epiphany pig. *Panozero: serdtse Belomorskoy Karelii*. Petrozavodsk, 2003. P. 130–153. (In Russ.)
16. Loginov K. K. Material culture, industrial and household magic of the Russians in Zaonezhye in the late XIX and the early XX centuries. St. Petersburg, 1993. 150 p. (In Russ.)
17. Loginov K. K. The Zaonezhye Russians' family rites and beliefs. Petrozavodsk, 1993. 228 p. (In Russ.)
18. Loginov K. K. Working rites, rituals, prohibitions and superstitions of the Russians in Zaonezhye. *Etnokul'turnye protsessy v Karelii*. Petrozavodsk, 1986. P. 33–49. (In Russ.)
19. Loginov K. K. The local ethnic group of the Russians on Lake Vodlozero. Moscow, 2006. 276 p. (In Russ.)
20. Loyter S. M. Folklore tradition bearers (the Pudozh region). *Kizhskiy vestnik*. Petrozavodsk, 2005. Issue 10. P. 179–207. (In Russ.)
21. Mironova V. P. The Livvi-Karelians' Yuletide (using the field materials collected between the 1990s and the 2000s). *Problemy dukhovnoy kul'tury narodov Evropeyskogo Severa i Sibiri: Sbornik statey pamyati Yu. Yu. Surkhasko. Gumanitarnye issledovaniya*. Issue 2. Petrozavodsk, 2009. P. 265–270. (In Russ.)
22. Propp V. Ya. Russian agrarian feasts. An attempt at historical and ethnographic study. St. Petersburg, 1995. 176 p. (In Russ.)
23. Rozov A. N. Russian Christmas caroling. Materials and study. *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya*. Vol. 30. St. Petersburg, 1999. P. 20–53. (In Russ.)
24. Skobelev O. A. The layout and outbuildings at the Yelizarov brothers' farmstead in the village of Potanevshchina of the Kizhi volost of the Petrozavodsk uyezd in the first third of the XX century. *Kraevedcheskie chteniya: Materialy IV nauchnoy konferentsii (16–17 fevralya 2010 g.)*. Available at: <http://library.karelia.ru/files/3953.pdf> (accessed 12.12.2018). P. 17–23. (In Russ.)
25. Trofimov A., Trusova N., Khafizova L. Materials of the expedition of the Russian State University for Humanities to the Kargopol region in 1995. *The Living Antiquity*. 1996. № 2. P. 57–58. (In Russ.)
26. Shanghina I. I. Compilers' note. *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nравy. Materialy "Etnograficheskogo byuro knyazyaz V. N. Tenisheva"*. T. 1. *Kostromskaya i Tverskaya gubernii*. St. Petersburg, 2004. P. 6–15. (In Russ.)

Поступила в редакцию 14.06.2018

ВАН ЦЗЯО

аспирант кафедры новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
tianranbense@hotmail.com

АВТОБИОГРАФИЯ КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ ЖАНРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРИРОДА, РАЗНОВИДНОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ

Рассматривается русская автобиографическая литература в свете генезиса жанра, включение которого в литературный процесс условно относится к рубежу XVIII–XIX веков. Полифоничность, художественность и субъективность являются важнейшими структурообразующими компонентами автобиографического жанра, в соответствии с чем выделяются три основные его жанровые разновидности – автобиография с документальной доминантой; автобиография, сопряженная с собственно художественными жанрами, с романом в частности; псевдоавтобиография, основанная на авторском самовоображении при сохранении автобиографических деталей. Особое внимание уделено трем модификациям современной русской автобиографической литературы: это включение и синтез автобиографии с разными жанровыми формами документального характера, романическое повествование писателя-филолога о собственной жизни, а также презентация «чужой», в том числе «чернушной», истории в качестве «своей».

Ключевые слова: автобиографический жанр, авторские документы, роман, псевдоавтобиография, филологический роман, новый автобиографизм, «чернушная» история

Автобиография восходит к античным временам, но ее некогда рассматривали только как источник для исследования жизни и творчества пишущих, их личный документ. Между тем в течение времени с восприятием сочинений документального характера, автобиографии в частности, а также с пониманием человеческой личности произошли существенные изменения, а именно: форму документальной словесности перестали воспринимать как «низкую», а человеческую личность начали осмысливать в ее исторической и социокультурной обусловленности.

Повышенный интерес к изучению личности неизбежно приводит к качественному изменению самой автобиографии, способствует постепенному складыванию автобиографии как разновидности жанра в литературном процессе. Авторы автобиографий все более нацелены на сознательную публикацию своих автопортретов для широкой аудитории, стремясь создать свои тексты так, чтобы они обладали эстетической ценностью. Следовательно, в процессе превращения из чисто бытового документа в литературное жанровое образование автобиография приобретает в той или иной степени черты беллетризованности, вплоть до включения художественности в жанрообразующие начала.

Применительно к русской литературе условной вехой включения автобиографического повествования в литературный процесс можно считать рубеж XVIII–XIX столетий, когда происходит несколько очень важных событий. Во-

первых, петровская реформа и екатерининское просвещение в XVIII веке доносят новое веяние с Запада, постепенно дающее себя знать, благодаря чему порождается стремление личности познать себя. Во-вторых, с выработкой метода психологизма в литературе человек изображается в совершенно новом свете, к тому же литературоцентризм все больше себя проявляет, и на самостоятельные литературные жанры претендует множество бытовых документов, связанных с передачей человеческой личности, автобиография в том числе. В-третьих, в Западной Европе выходят шедевры автобиографических текстов, широко распространяющихся на Россию: «Исповедь» Жан-Жака Руссо и «Поэзия и правда» И. В. Гете в частности, имеющие весомое значение для формирования русской автобиографии как литературного жанра и оказывающие мощное влияние на ее дальнейшее развитие.

Мысль критика Адольфа Урбана, приведенная И. О. Шайтановым в его брошюре, по поводу «двух исторически сложившихся жанровых типов» автобиографической прозы трактуется совершенно резонно: «аналитический» тип «восходит к “Исповеди” Руссо и сосредоточен на внутренних мотивах и переживании героем своих поступков, представленных с полной, исповедальной откровенностью», а тип «синтетический» «ведет свое начало от книги Гете “Поэзия и правда” и представляет с особенной подробностью процесс накопления опыта, принадлежащего и отдельной личности, и всей эпохе» [10: 44]. Отсюда следует, что с автобиографией

в ближайшем соседстве находятся, с одной стороны, исповедь, а с другой стороны, мемуары.

Автобиография и исповедь неразрывно сплетены с давних времен, когда в религиозном покаянии растворяются автобиографические мотивы («К самому себе» Марка Аврелия и «Исповедь» Августина Блаженного). По мере продвижения Возрождения и наступления вслед за ним Просвещения автобиография превращается в своего рода масштабную платформу, предназначенную для самопознания и саморефлексии личности сквозь призму смены обстоятельств светской жизни и состояния внутренней эволюции. Что касается исповеди, ныне также в некотором отношении отказывающейся от чисто сакрального начала, она сохраняет присущую ей максимальную откровенность. На деле, однако, автобиография с исповедью порой так сливаются, что разделить их оказывается весьма трудно.

Не менее сложны взаимосвязи между автобиографией и мемуарами, одно нередко рассматривается как жанровая разновидность другого. Автобиография ориентирована на рассказ о себе и своей жизни, а мемуары – на запечатление событий и людей, с которыми имеет дело мемуарист. Собственное жизнеописание не реализуется без повествования о наложивших на себя отпечаток событиях и фигурах, в то же время изображение фактов и личностей эпохи имеет непосредственное отношение к жизни автора воспоминаний. Потому не случайно пересечение их жанровых включений. Различие двух жанровых форм состоит в том, на что делается авторский упор – на себя или на события и фигуры эпохи.

Грани между автобиографией и жанровыми формами, такими как исповедь и мемуары, в некоторой степени стерты. Появляются жанры типа исповедально-автобиографического и мемуарно-автобиографического, нередко встречающиеся и активно исследующиеся в литературоведческих работах.

К автобиографии примыкают еще дневник и письмо, запечатлевающие факты и события из жизни автора, его наблюдения и взгляды на разные явления, а также его психологическую эволюцию и нравственное движение. Письма и дневники, как правило, содержат в себе свежие события с мелкими подробностями, зафиксированными автором сразу после того, как они произошли. Не редкость, что автобиографическое сочинение ведется с опорой на переписку и дневниковые записи, развиваясь на их основе.

Нелишне провести еще параллель между автобиографией и биографией. Биография сосредоточена на научном изложении или художественном описании истории завершенной жизни другого человека – личности-социума, опираясь на мемуарные и архивные источники. А применительно к автобиографии жизнь автора воссоздана в ее процессе. Автор автобиографии ос-

мыслает собственную жизнь с опорой на личную память и авторские документы типа дневников, писем и проч. В автобиографическом письме, как склоны считать многие исследователи, автор не ставит своей целью отчетливо и откровенно воссоздать все прошедшее в своей жизни, а стремится к тому, чтобы представить собственную жизненную колею по собственной концепции. При этом канва автобиографии должна разворачиваться на основе документов и фактов. Тем не менее имеет место, как полагает Л. Я. Гинзбург, «та установка на подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая не всегда равна фактической точности» [3: 7]. Отсюда, то есть из неидентичности ориентации на события из личной жизни и их достоверного изложения, вытекает определенная условность, или, говоря шире в данном случае, вытекает одно из оснований воплощения категории художественного в автобиографических текстах. Проявление художественности в автобиографическом сочинении связано с неконтролируемыми факторами и сознательными моментами. Неконтролируемые факторы имеют непосредственное отношение к свойствам памяти индивида. Автобиографу приходится искусно объединять обрывки воспоминаний в обдуманное единое целое. И потом, вполне возможно, что запечатленное в памяти былое через некоторое время само собой выходит из-под пера уже в относительно ином ракурсе. В довершение свойств памяти отношение автора к увиденному и пережитому также может в некоторой степени исказить факты. Сознательные моменты заключаются, во-первых, в авторской стратегии интерпретации, то есть в относительно свободном выборе и размещении предмета изображения, организации композиции повествования и изображении мира автобиографического произведения, во-вторых, в оперировании художественным вымыслом.

Наблюдение В. Г. Белинского о сближении документальных жанров и собственно художественных произведений – одно из часто цитируемых: «Мемуары, если они мастерски написаны, составляют как бы последнюю грань в области романа, замыкая ее собою» [2: 316]. То же самое верно и по отношению к автобиографии. Скрещивание двух жанров складывается в классической литературе, вместе с тем оно наблюдается и в современных текстах. С. И. Чупринин не случайно называет беллетризацию мемуаров и «мемуаризацию художественной прозы» (со ссылкой на Н. Б. Иванова), характеризуя тенденции развития современной русской мемуаристики и подчеркивая немаловажную роль, сыгранную в них вымыслом [9: 305]. Такое положение применимо и к автобиографическому жанру.

Корреляция автобиографии с романом проявляется в принадлежности автобиографии к тематическим рядам романа и романизации

литературных жанров. В качестве «сверхтемы» художественное осмысление и понимание «самостояния человека», как со ссылкой на А. С. Пушкина утверждает В. Е. Хализев, в романном жанре занимает чуть ли не доминирующее место [8: 365]. Следовательно, по отношению к предмету изображения в состав романа включается автобиографическое письмо, ориентированное на описание истории становления автобиографического героя. Со второй половины XIX века литературные жанры «в большей или меньшей степени “романизируются”» [1: 450], благодаря чему бесспорна причастность романа к другим жанровым образованиям, автобиографии в том числе.

Оформление текста находится в полном распоряжении пишущего, в этом отношении наглядно выдвигается авторская инициатива – субъективность. Субъективность в автобиографическом сочинении воплощается во многих аспектах: в подборе фактов, организации сюжета, создании образа автобиографического героя, выстраивании факта, оперировании вымыслом и проч. Введение вымысла в автобиографию, по исторически сложившемуся пониманию, не должно расшатывать стержень произведений названного жанра – фактическую правдивость в целом. Между тем вымысел в автобиографическом жанре иной раз настолько активно и масштабно используется, что изменяет само автобиографическое письмо, порождает тем самым некую стилизацию под автобиографию, скажем, квазиавтобиографию, псевдоавтобиографию, или «autofiction». Автобиографический текст в таком повествовании превращается в самовыдумывание. Однако при этом все же сохраняются автором некоторые автобиографические элементы.

Современная русская литература характеризуется интенсификацией художественного поиска и эксперимента, многообразными стилевыми тенденциями. Условной вехой можно считать рубеж 1980–1990-х годов, когда случился журнальный бум «публикаторства» [4: 301–302]. Русские писатели-современники активно занимаются поиском жанровых видоизменений и автобиографической прозы. Авторские документы, прикрепляемые или включаемые в автобиографию как доказательные аргументы, как прием, считаются традиционными. Такого рода сочинения в современный период иногда варьируются. Прикрепленные или включенные части могут быть, помимо писем и дневников, еще и эссеистикой, очерком и другими жанрами, основанными на фактах из жизни автора. «В сражении и любви» (2003) М. П. Лобанова (1925–2016) по форме делится на две отдельные части. Первая часть посвящена личной жизни автобиографического героя, ее духовному плану в частности. На духовный мир героя огромное влияние оказывают православные мысли, бла-

годаря чему он как сторонник почвенничества занимает свое место в литературе. Вторая часть содержит различные по жанровым обозначениям документы – письма, эссе и очерки – на тему личной или государственной жизни под углом зрения нравственности. Обе части объединяет проблема личности героя в ракурсе его духовной деятельности.

Видоизменения современной русской автобиографической прозы находят отражение и в синтезе автобиографии и жанров, в той или иной мере основанных на документальном начале. Органическое слияние автобиографии и другой документальной жанровой формы в одном тексте наблюдается, к примеру, в «Пятидесяти годах в раю» (2005–2007) Р. Т. Киреева (род. 1941). С одной стороны, в хронологической последовательности построена история жизни автобиографического героя после его вхождения на литературную арену. Охваченный период жизни – пятьдесят лет – разделен на пять частей, причем в рамках каждой части для каждого года жизни выделяется отдельная глава (исключением становится часть последняя). А с другой стороны, в конце каждой главы помещен «крупный план», являющий собой особый литературный портрет некоего литературного деятеля, оставившего след в творческой судьбе героя как в соответствующем году, так и в дальнейшем. Два жанровых обозначения – автобиография и литературный портрет – сочетаются в названном произведении.

Перемешивание автобиографии и других жанровых моделей, имеющих отношение к документальным текстам в целом, авторским документам в частности, прослеживается и в «Записях и выписках» (2001) М. Л. Гаспарова (1935–2005). В это сочинение входят одновременно и автобиография, ориентированная на рассказ о семье, учебе и работе, и воспоминания о своих учителях, коллегах-филологах и писателях, и заметки для дискуссий по филологическим проблемам в литературных журналах, и эссе на тему своей исследовательской и переводческой деятельности, и, наконец, выписки, сделанные автором из его дневниковых записей, переписки и записных книжек на протяжении нескольких десятков лет и расположенные в тексте по алфавитному порядку. Смесь этих жанров фактически выводит текст из традиционного автобиографического пространства, зато этот «жанровый коктейль» парадоксально как единое целое объединяют житейские и профессиональные начала автора. Реализации такой целостности в большей степени способствует профессиональная ориентация М. Л. Гаспарова как филолога. Иначе говоря, всевозможные эссе, заметки и выписки в качестве своеобразной коллекции мыслей о филологической проблеме составляют основу повседневности жизни филолога в целом, не говоря уже

о том, что в них проникают элементы воспоминаний о прошлом, о пережитом и увиденном. Автобиографические сочинения названного типа, в которых описывается профессиональными филологами собственная жизнь, неотделимая от сферы литературы, относятся к разряду таких субжанров, как «филологический роман» или «новый автобиографизм».

С 1990-х годов XX века над филологической проблематикой и художественным оформлением профессии и быта филолога, литературоведа в особенности, нацеленно размышляет группа писателей, обладающих филологическим образованием. Одним из первых исследователей «филологического романа» считается В. И. Новиков. Открытие термина, по его мнению, принадлежит А. А. Генису, использовавшему такой подзаголовок для своего произведения «Довлатов и окрестности», а начало появления этого литературного явления критик относит к 10–20-м годам XX века, когда филология выступает как творчество на фоне расцвета русского модернизма [6: 195–196].

Мнение о появлении нового автобиографического письма было выдвинуто нидерландским ученым Доуве Фоккемой в конце прошлого века, когда он формулировал мысль по поводу позднего постмодернизма, а само понятие «новый автобиографизм» было введено в русское литературоведение и критику в самом начале нового столетия М. Н. Липовецким в статье о сегодняшнем состоянии постмодернистской эстетики. В координатах нового состояния постмодернизма, приводит мнение голландского ученого М. Н. Липовецкий, вновь признается внетекстовая реальность, устранившая в ранней стадии этой эстетики. На взгляд литературоведа, новый автобиографизм характеризуется, во-первых, «преобладающей фрагментарностью», во-вторых, профессиональной ориентацией авторов/героев как литературоведов или профессионалов, связанных с занятием литературой. Личность авторского «я» в названном типе письма раскрывается скорее литературоведчески, свое может передаваться сквозь призму чужого – чужих сознаний, идей, взглядов, слов, цитат и проч. [5: 201–203]. «Конец Цитаты» (1996) М. В. Безродного (род. 1957), например, строится на выдержках из статей, писем, воспоминаний и конспектов лекций, в ходе литературоведческой работы над которыми вводятся автобиографические элементы. А в основе «Бесконечного тупика» (1988) Д. Е. Галковского (род. 1960) лежит почти тысяча примечаний к разным аспектам русской культуры – литературе, истории, философии, религии и проч., а также примечаний к личностям, фигурирующим в истории русской культуры. В процессе введения таких примечаний автор представляет свою жизнь и открывает свой внутренний мир. Жизнь филологов в обоих произве-

дениях в некотором смысле замыкается в рамках литературных текстов, а своеобразный личный опыт представляется повтором прошедшего. Следовательно, некоторые основополагающие положения постмодернистского сознания, такие как «мир как текст» и «интертекстуальность», также обнаруживаются в подобных сочинениях нового автобиографизма.

Одна из существенных разниц в содержании понятий «новый автобиографизм» и «филологический роман» заключается во внутритекстовом самовоплощении автора. Главное внимание «нового автобиографизма» сосредоточено на личности авторского «я» как литературоведческого деятеля, а в «филологическом романе» героем становится филолог, исследования которого могут быть сопровождаемы автобиографическими сообщениями, могут обойтись без рассказа автора о себе в целом. Линия соприкосновения двух жанров появляется в случае, если текст посвящен романному повествованию или исследованию писателя-филолога о своей человеческой и профессиональной судьбе.

Помимо «нового автобиографизма», в котором свое изображается сквозь призму чужого, наблюдается и совсем иная авторская стратегия варьирования версии собственной жизни, заключающаяся в восприятии чужого в качестве своего. Из современной русской квазиавтобиографической прозы вычленяется следующий тип письма. С одной стороны, автор, не стремясь отождествить себя с главным героем, создает литературные произведения, не ориентированные на изложение собственной жизни. С другой стороны, в такого рода произведениях с опорой на «скупой, порой даже примитивный язык, малособытийный сюжет» в большей степени воссоздает правдоподобную действительность, в соответствии с тем царит «почти натурализм, почти документальность». А центральный персонаж «чаще всего намеренно приближен к автору, вплоть до идентичности имени и фамилии» [7: 36]. На этом фоне выделяется ряд молодых писателей – С. А. Шаргунов (род. 1980), Р. В. Сенчин (род. 1971), И. В. Денежкина (род. 1981) и др. Они концентрируют внимание на сегодняшней действительности и впитывают в себя опыт, признает сам же Р. В. Сенчин, «чернушников» [7: 36], пришедших на литературную авансцену благодаря горбачевской «гласности».

Писатели нового поколения поднимают темы ранее запретные. В их произведениях в глаза бросаются алкоголизм, бездельничество, бродяжничество, криминал, насилие, унижение и т. д. Художественная реальность, таким образом, предстает почти без светлых сторон и позитивных эмоций. В такой реалии главный герой представляется вялым маргиналом, отдаляющимся от активной социальной жизни. Это своеобразная псевдоавтобиографическая проза, в которой

чужие истории, мрачные в частности, воспринимаются автором как свои.

Будучи полифонической с точки зрения жанрового образования формой, автобиография коррелирует с документалистикой и художественной прозой. В процессе вбирания в себя элементов этих жанров совершается видоизменение самой

автобиографии. Поскольку жанровые границы в современном литературном процессе открыты и находятся в постоянном движении, к тому же художественные искания идут стремительным образом, то модификация автобиографической словесности, по-видимому, будет еще более многообразной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. Статьи и рецензии, 1841–1844. М.: АН СССР, 1954. 861 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 413 с.
4. Голубков М. М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М.: Издательский центр «Академия», 2008. 366 с.
5. Липовецкий М. Н. ПМС (Постмодернизм сегодня) // Знамя. 2002. № 5. С. 200–211.
6. Новиков В. И. Филологический роман // Новый мир. 1999. № 10. С. 193–205.
7. Сенчин Р. В. Рассыпанная мозаика: Статьи о современной литературе. М.: Литературная Россия, 2008. 256 с.
8. Хализов В. Е. Теория литературы. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2002. 437 с.
9. Чупринин С. И. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. 766 с.
10. Шайтанов И. О. Как было и как вспомнилось (Современная автобиографическая и мемуарная проза). М.: Знание, 1981. 64 с.

Wang Jiao, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

AUTOBIOGRAPHY AS A LITERARY GENRE: ESSENCES, VARIETIES AND MODERN MODIFICATIONS

In this article the autobiography is regarded as a literary genre, which entered the literary process in the late 18th and the early 19th centuries. Mixedness, artistry and subjectivity are described as the most important structural components of autobiography, and its three main varieties are interpreted accordingly: autobiography, which is combined with the author's documents; autobiography, which is associated with artistic genres; and autofiction. The special attention is paid to researching into the autobiographical modifications that are observed in the modern Russian literature. The mixture of autobiography with documentary genres, romantic narrative of a writer and philologist about one's own life, perceptions of the generation's dirty histories as one's own – these are the problems that are analyzed in depth.

Key words: autobiographical genre, author's documents, novel, autofiction, philological novel, new autobiographism, dirty histories

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Questions of literature and aesthetics. Research of the recent years. Moscow, 1975. 504 p. (In Russ.)
2. Belinskiy V. G. Complete works. In 13 vol. Vol. 5. Articles and reviews, 1841–1844. Moscow, 1954. 861 p. (In Russ.)
3. Ginzburg L. Ya. On psychological prose. Moscow, 1999. 413 p. (In Russ.)
4. Golubkov M. M. History of the Russian literary criticism of the 20th century (1920–1990). Moscow, 2008. 366 p. (In Russ.)
5. Lipovetskiy M. N. PMT (Postmodernism today). *Znamya*. 2002. No 5. P. 200–211. (In Russ.)
6. Novikov V. I. Philological novel. *Novyy mir*. 1999. No 10. P. 193–205. (In Russ.)
7. Senchin R. V. The scattered mosaic: Articles about modern literature. Moscow, 2008. 256 p. (In Russ.)
8. Khalizev V. E. Theory of literature. Moscow, 2002. 437 p. (In Russ.)
9. Chuprinin S. I. Russian literature today: Life by the concepts. Moscow, 2007. 766 p. (In Russ.)
10. Shaytanov I. O. How it was and how it was recollected (Modern autobiographical prose and memoirs). Moscow, 1981. 64 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 25.01.2019

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ОТЛИВАНЧИК
специалист Web-лаборатории Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
AlexOt@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ РЕДАКЦИОННОГО АРХИВА «ГРАЖДАНИНА» В. Ф. ПУЦЫКОВИЧА В STAATSBIBLIOTHEK ZU BERLIN*

Определяется значение материалов берлинского архива русского публициста В. Ф. Пуцыковича в источниковедческих исследованиях, посвященных журналу «Гражданин» (выходил под редакцией В. Ф. Пуцыковича в С.-Петербурге в 1874–1879 годах). Выявленные в рукописном фонде Staatsbibliothek zu Berlin документы, составлявшие некогда часть архива редакции «Гражданина», публикуются в составе статьи и анализируются в контексте тематически близких материалов ведомственного архива высшей цензурной инстанции дореволюционной России – Главного управления по делам печати МВД. Уточняется объем полномочий В. Ф. Пуцыковича как редактора-издателя «Гражданина». Подробно анализируется договор от 10 октября 1878 года В. Ф. Пуцыковича с Ю. Д. Засецкой о выкупе последней денежного залога, обеспечивавшего издание «Гражданина»; заключение договора трактуется как попытка В. Ф. Пуцыковича предотвратить финансовый крах издания и его продажу с аукциона.

Ключевые слова: журнал «Гражданин», архив, В. Ф. Пуцыкович, Ф. М. Достоевский, Ю. Д. Засецкая, Главное управление по делам печати МВД

Проблема комплексного изучения документов редакционного архива политического и литературного еженедельника «Гражданин» (С.-Петербург, 1872–1879 годы) в значительной мере осложнена рассредоточенностью этих материалов по разным архивохранилищам России и зарубежья. Как показали проведенные разыскания, основная масса документов редакции «Гражданина» 1870-х годов находится в четырех архивах и рукописных фондах Москвы и С.-Петербурга: Российском государственном архиве литературы и искусства, Российском государственном историческом архиве, отделах рукописей Российской государственной библиотеки и Института русской литературы РАН. Отдельные документы, связанные с «Гражданином» 1870-х годов, выявлены в Государственном архиве Российской Федерации, Государственном литературном музее (Москва), отделе рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), Государственном музее К. А. Федина (Саратов). Материалы редакции «Гражданина» имеются и в трех зарубежных архивохранилищах. Ценность их для исследователей журнала не одинакова. В рукописном собрании Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського) хранятся два деловых письма сотрудника «Гражданина» литературного критика Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому – редактору этого журнала в период с января 1873 по апрель 1874 года. Тексты обоих писем опубликованы [9], ценность их подлинников заключается для исследователей лишь в возможности сверки

публикаций с рукописями на предмет выявления возможных неточностей. Более значимы материалы краковской Библиотеки Ягеллоньской (Biblioteka Jagiellońska w Krakowie): в ее рукописном фонде находятся неопубликованные письма секретаря редакции (с апреля 1874 года – редактора-издателя) «Гражданина» В. Ф. Пуцыковича краковскому корреспонденту журнала этнографу и публицисту А.-Г. Киркору. Еще большее значение имеют материалы личного архива В. Ф. Пуцыковича в Берлинской государственной библиотеке (Staatsbibliothek zu Berlin).

В Берлин В. Ф. Пуцыкович переехал в марте 1879 года после финансового краха «Гражданина» и прекращения издания этого журнала в Петербурге. В 1879–1880 годах издатель пытался возобновить выпуск «Гражданина» в Берлине, переименовав журнал в «Русский гражданин». Потерпев в этих попытках неудачу, В. Ф. Пуцыкович впоследствии выступал в качестве берлинского корреспондента разных русских газет: «Московских ведомостей», «Руси», «Нового времени», «С.-Петербургских ведомостей», «Русского знамени» и др. В 1903–1912 годах выпускал собственную газету «Берлинский листок». Умер В. Ф. Пуцыкович в декабре 1920 года¹; после смерти его личный архив был приобретен Берлинской государственной библиотекой.

До последнего времени архив В. Ф. Пуцыковича не изучался отечественными исследователями. В биографической статье о журналисте в энциклопедическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» даны следующие (как оказалось, неточные) сведения о составе этой архивной коллекции:

«Staatsbibliothek zu Berlin. S/g Darmstaedter², л<ичный> ф<онд> (в т. ч. переписка с редакциями, письма Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова, К. П. Победоносцева к П<уцковичу>)» [2: 185]. Проведенное нами и В. Л. Бабиным в 2009 году исследование материалов отдела рукописей Staatsbibliothek zu Berlin показало, что «личный фонд» Пуцковича как таковой в рукописном собрании библиотеки отсутствует, а из документов, составлявших некогда архив публициста, были сформированы фонды его корреспондентов – Ф. М. Достоевского, В. А. Панаева, М. Н. Лонгинова, А. П. Плетнёва, А. А. Суворина, П. А. Шувалова, Н. Н. Лендера и др. При этом письма И. С. Аксакова и К. П. Победоносцева к В. Ф. Пуцковичу вовсе не отражены в каталогах и на других справочно-информационных ресурсах рукописного отдела Staatsbibliothek: этих материалов, по-видимому, в его составе нет. Из письма В. Ф. Пуцковича издателю журнала «Русское обозрение» А. А. Александрову от 2 (14) февраля 1896 года следует, что основная часть писем И. С. Аксакова (двадцать или немного меньше) была в 1880-е годы отдана бывшим редактором «Гражданина» журналисту С. Ф. Шарапову для публикации во 2-м томе альманаха «Московский сборник» (том 1 был издан в Москве в 1887 году; том 2 не вышел из печати) и впоследствии так и не была возвращена владельцу³. Тринадцать писем И. С. Аксакова («болѣе дѣловыя и личныя письма») к началу 1896 года еще оставались в архиве В. Ф. Пуцковича⁴; судьба этой эпистолярной коллекции неизвестна. Общий объем материалов расформированного архива В. Ф. Пуцковича в рукописном отделе Staatsbibliothek zu Berlin невелик: личные фонды корреспондентов публициста насчитывают лишь 23 единицы хранения (всего 160 листов с оборотами). Из этих коллекций наиболее значителен по объему фонд Ф. М. Достоевского: он включает в себе шесть писем романиста В. Ф. Пуцковичу 1874–1880 годов, переводы этих писем на немецкий язык, рукописную копию начальных страниц «Московского сборника» 1887 года, номера газеты Пуцковича «Берлинский листок» за 1911–1912 годы и ряд деловых бумаг (всего 8 единиц хранения – 56 листов с оборотами) [1: 3, 5], [5: 430].

Результаты изучения архива В. Ф. Пуцковича были отражены в статье В. Л. Бабина «Личный архив В. Ф. Пуцковича в Staatsbibliothek zu Berlin» [1] и в наших работах «Достоевский и В. Ф. Пуцкович: к истории взаимоотношений» [6] и «Достоевский в неизданной корреспонденции В. Ф. Пуцковича 1899–1911 гг.» [5]⁵. Были сверены с подлинниками и уточнены тексты писем Ф. М. Достоевского к В. Ф. Пуцковичу, ранее опубликованные в академическом Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в 30 т. по копиям с оригиналов Staatsbibliothek zu

Berlin; это исследование выявило существенные искажения в публикациях писем Достоевского от 3 мая и 11 июня 1879 года (например, объемный фрагмент письма от 11 июня ошибочно помещен издателями Полного собрания сочинений писателя в составе письма от 3 мая 1879 года) [1: 5–7]. В 2016 году в № 4 электронного научного журнала «Неизвестный Достоевский» В. С. Зинкова и А. И. Солопова впервые опубликовали аутентичные тексты этих писем Ф. М. Достоевского [8: 153–154, 164–167]. Еще в 2010 году нами были напечатаны письма корреспондентов В. Ф. Пуцковича 1899–1911 годов, так или иначе связанные с Ф. М. Достоевским и сохранившиеся в Staatsbibliothek zu Berlin [5].

Основной массив документов архива В. Ф. Пуцковича формировался в берлинский период творческой биографии публициста. К петербургскому периоду (до марта 1879 года) относится лишь одно письмо (Ф. М. Достоевского к В. Ф. Пуцковичу от 11 августа 1874 года) и четыре деловые бумаги. Три из них выявлены нами в фонде Ф. М. Достоевского (Staatsbibliothek zu Berlin. Slg. Darmst. 2 m 1846: Dostoevskij F. M.), одна – в фонде руководителя цензурного ведомства России в 1871–1874 годах М. Н. Лонгинова (Staatsbibliothek zu Berlin. Slg. Darmst. 2 m 1850: Lo<n>ginow M. N.). Эти официальные документы, судя по их содержанию, составляли часть редакционного архива «Гражданина»; в них отражен ряд эпизодов во взаимоотношениях редакции журнала с высшей административной инстанцией, осуществлявшей регистрацию и цензуру периодических изданий, – Главным управлением по делам печати МВД. Данные материалы берлинского архива В. Ф. Пуцковича дополняют документы по административной истории журнала «Гражданин» в 1874–1878 годах, представленные, главным образом, в фондах дореволюционных цензурных инстанций (Главное управление по делам печати МВД и С.-Петербургский цензурный комитет) в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА). Первые два документа, от 26 апреля и 3 мая 1874 года, отражают процесс передачи издательских полномочий в «Гражданине» от Ф. М. Достоевского В. Ф. Пуцковичу в конце апреля 1874 года. На одном из них – уведомлении Главного управления по делам печати от 26 апреля 1874 года – рукой В. Ф. Пуцковича сделана пометка: «*Особыя приложенія*»⁶. Значение этой записи трудно истолковать однозначно; на наш взгляд, она может означать, что В. Ф. Пуцкович хотел включить текст этих документов в состав своих воспоминаний о Достоевском, публиковавшихся в 1900–1910-е годы небольшими отрывками в газетах «Берлинский листок», «Новое время» и «Московские ведомости» (подобные же заметки о Достоевском готовились мемуаристом для журналов «Русское обозрение»⁷ и «Исторический вестник» [5: 441]). Приводим тексты документов полностью.

**Главное управление по делам печати. Уведомление на имя В. Ф. Пуцыковича
26 апреля 1874 г.**

М. В. Д.

**ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
по дѣламъ
ПЕЧАТИ.**

«26» Апрѣля 1874 года
№ 2100.

Издатель журнала «Гражданинъ», Ѳедоръ Достоевскій, и редакторъ онаго, Викторъ Пуцыковичъ⁸, заявили Главному Управленію по дѣламъ печати, что изъ нихъ Ѳедоръ Достоевскій передалъ свои издательскія права на вышеозначенный журналъ Виктору Пуцыковичу.

Вслѣдствіе сего Главное Управленіе по дѣламъ печати симъ объявляетъ Г. Пуцыковичу, что ему надлежитъ возвратить въ Главное Управленіе выданное на имя Г. Достоевскаго свидѣтельство на право печатанія журнала, для замѣны этого свидѣтельства другимъ, на имя новаго издателя.

И. д. Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати

Варадиновъ⁹.

**Главное управление по делам печати. Уведомление на имя В. Ф. Пуцыковича
3 мая 1874 г.**

М. В. Д.

**ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
по дѣламъ
ПЕЧАТИ.**

«3» Мая 1874 года
№ 2210.

Редакторъ-издатель журнала «Гражданинъ», Викторъ Пуцыковичъ, возвратилъ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати выданное изъ онаго на имя прежняго издателя означеннаго журнала свидѣтельство, для замѣны онаго новымъ, на его, Пуцыковича, имя.

Вслѣдствіе сего Главное Управленіе по дѣламъ печати препровождаетъ при семь таковое свидѣтельство въ двухъ экземплярахъ.

Статсъ-Секретарь
Правитель Дѣлъ

Лонгиновъ¹⁰.
Ю. Богушевичъ¹¹

Две более поздние деловые бумаги относятся непосредственно к периоду редакторско-издательской деятельности В. Ф. Пуцыковича в «Гражданине». Уведомление Главного управления по делам печати от 31 октября 1874 года представляет собой ответ на ходатайство Пуцыковича о переносе планового дня выхода журнала в свет с понедельника на воскресенье и снижении подписной цены для одной из категорий читателей. По свидетельству типографского метранпажа М. А. Александрова, осуществлявшего верстку «Гражданина», выпуски журнала по понедельникам представляли крайнее неудобство для сотрудников типографии, вынужденных вследствие этого работать по выходным («наиболее сложная работа типографии приходилась на воскресенье»¹²). М. А. Александров не однажды обращался с просьбами о переносе дня выпуска еженедельника к его прежнему редактору-издателю, Ф. М. Достоевскому:

Не раз и Федору Михайловичу я объяснял это неприятное обстоятельство для нас, рабочих людей, ничем особо не вознаграждаемых за праздничную работу; он вполне соглашался с моими доводами, но не мог ничем помочь нам¹³.

Причиной такого «бессилия» Ф. М. Достоевского как издателя «Гражданина» был номинальный характер его издательских полномочий (ср. свидетельство самого романиста в письме сотруднику «Гражданина» М. П. Погодину от 12 ноября

1873 года: «Вся хозяйственная и распорядительная часть не на моих руках, если б я и захотел тут что-нибудь сделать, то не мог бы»¹⁴). Фактическим издателем «Гражданина» являлся основатель и собственник еженедельника знаменитый консервативный публицист князь В. П. Мещерский.

Как видно из публикуемого ниже отношения Главного управления по делам печати от 31 октября 1874 года в редакцию «Гражданина», В. Ф. Пуцыковичу уже через полгода после вступления в должность издателя удалось сделать то, что прежде не удавалось Ф. М. Достоевскому: с января 1875 года еженедельник действительно стал выходить в свет по воскресеньям. Это вновь обнаруженное документальное свидетельство заставляет критически отнестись к распространенному мнению о В. Ф. Пуцыковиче как формальном («ручном») [З: 166]) редакторе-издателе «Гражданина» при фактическом хозяине журнала князе В. П. Мещерском. В этой связи показательно и то, что, согласно документам из архива Главного управления по делам печати, еще через год, в ноябре 1875-го, В. Ф. Пуцыкович становится владельцем «Гражданина», выкупив у В. П. Мещерского залог на право издания журнала¹⁵. С тех пор редакционная и издательская политика «Гражданина» вполне определялась В. Ф. Пуцыковичем, а бывший собственник издания В. П. Мещерский остался лишь активным сотрудником еженедельника.

**Главное управление по делам печати. Уведомление на имя В. Ф. Пуцыковича
31 октября 1874 г.**

М. В. Д.

**ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
по дѣламъ
ПЕЧАТИ.**

«31» Октября 1874 года
№ 5224.

Редакторъ-издатель журнала «Гражданинъ», В. Пуцыковичъ, обратился въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, съ прошеніемъ о дозволеніи ему съ будущаго 1875 г. выпускать означенный журналъ, вмѣсто понедѣльника, по воскресеньямъ, и понизить подписную цѣну на оный для народныхъ учителей и народныхъ школъ съ 8 на шесть рублей за годовое изданіе.

Главное Управленіе по дѣламъ печати симъ объявляетъ просителю, что ему разрѣшено сдѣлать вышеозначенное измѣненіе въ подписной цѣнѣ на изданіе и что дни выпуска №№ онаго зависятъ отъ усмотрѣнія редакціи.

Статсъ-Секретарь

Лонгиновъ.

Правитель Дѣлъ

Ю. Богушевичъ¹⁶

Последний по времени сохранившийся в Staatsbibliothek zu Berlin документ редакционного архива «Гражданина» относится к 1878 году. Это принадлежавшая В. Ф. Пуцыковичу официальная копия его договора с известной благотворительницей Ю. Д. Засецкой, по которому выкупленный в 1875 году редактором «Гражданина» у В. П. Мещерского издательский залог по журналу был им перепродан (фактически – уступлен в частичное погашение долга) Ю. Д. Засецкой. Причиной сделки стали серьезные финансовые проблемы «Гражданина» и его издателя в 1878 году. В мае – октябре 1878 года несколько кредиторов В. Ф. Пуцыковича – Д. И. Калугин, В. Г. Исаев и А. И. Траншель (последний был владельцем типографии, где печатался «Гражданин») – предъявили к издателю журнала судебные иски о взыскании вексельных долгов. Взыскания были обращены истцами на издательский залог В. Ф. Пуцыковича, вследствие чего само право журналиста на издание «Гражданина» могло подлежать продаже с публичного торга [7: 118–119], [10: 23–24]. В этих условиях В. Ф. Пуцыкович предпочел уступить залог своей давней знакомой Ю. Д. Засецкой, которой он, заметим, также задолжал к тому времени весьма значительную сумму – 4 тысячи рублей [8: 194]. В соответствующем договоре с Ю. Д. Засецкой В. Ф. Пуцыкович – юрист по образованию, док-

тор права, имевший четырехлетний опыт адвокатской практики, постарался с максимальной полнотой оградить свои интересы как издатель журнала. Понимая, что кредиторы могут довести дело до продажи издательских прав на «Гражданин» независимо от того, что владеет залогом, он сделал такую продажу практически бессмысленной, введя в договор пункт 5: «Въ случаѣ продажи “Гражданина” въ другія руки г^{жа} Засѣцкая имѣетъ право на немедленное полученіе своего залога». В пункте 3 издатель «Гражданина», ссылаясь на законодательство о печати, вообще отрицал, что залог по журналу «можетъ отвѣчать по частнымъ долгамъ Пуцыковича, откуда бы таковыя ни происходили». (Ввиду противоречивости законодательных норм 1870-х годов такое утверждение Пуцыковича нельзя назвать вполне корректным: так, вопреки норме Цензурного устава о неприкосновенности издательских залогов, один из сенатских указов, от 6 марта 1873 года, допускал обращение «частныхъ взысканій <...> на залого, обеспечивающіе печатаніе <...> изданій»¹⁷). Кроме того, в договоре ограничивались права самой Ю. Д. Засецкой на получение залога из казначейства: она могла сделать это не ранее января 1880 года. Очевидно, что к тому времени В. Ф. Пуцыкович надеялся выкупить у Ю. Д. Засецкой издательский залог обратно.

**Договор Ю. Д. Засецкой с В. Ф. Пуцыковичем о выкупе издательского залога
по журналу «Гражданина» от 10 октября 1878 г. (копия).**

20 октября 1878 г.

Копія.

1878 г. Октября десятаго, мы, нижеподписавшіеся, Редакторъ Издатель журнала «Гражданинъ» Докторъ Правъ Викторъ Теофиловичъ Пуцыковичъ, жительствующій по Малой Итальянской въ д<.> № 4, кв. 5<.> и жена Коллежскаго Совѣтника Юлія Денисовна Засѣцкая¹⁸, жительствующая по Невскому № 100 кв<.> 2, заключили между собою нижеслѣдующій договоръ: 1., Пуцыковичъ продалъ Засѣцкой принадлежащіе ему три пятипроцентные Государственнаго Банка билеты за №№ 39 514, въ пятьсотъ рублей сер<ебромъ>, 91.410 въ тысячу рублей и 91.411 тоже въ тысячу рублей, всего на двѣ тысячи пятьсотъ рублей сер<ебромъ>, при чемъ и получилъ за нихъ всю сумму наличными деньгами сполна по дневному курсу, т. е. по 96 р<ублей> сер<ебромъ> за сто. 2., Означенные билеты должны храниться тамъ же гдѣ и теперь, т. е. въ Главномъ Государственномъ Казначействѣ въ видѣ залога по изданію журнала «Гражданинъ»<.> и могутъ быть взяты г^{жою} Засѣцкою лишь въ теченіи Января

мѣсяца каждаго года, исключая Января 1879 г. При желаніи Г^{жи} Засѣцкой такимъ образомъ взять свой залогъ, она подаетъ прошеніе объ этомъ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати и можетъ взять залогъ по истеченіи мѣсяца со дня подачи прошенія, Пуцыковичъ же обязанъ въ такомъ случаѣ внести въ Главное Управленіе новый залогъ. 3., Во всё время нахождения залога въ Главномъ Казначействѣ онъ отвѣтствуетъ по всѣмъ дѣламъ касающимся взысканій наложенныхъ судомъ на временное изданіе «Гражданина» или на его редактора Пуцыковича, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ отвѣчать по частнымъ долгамъ Пуцыковича, откуда бы таковыя ни¹⁹ происходили, что впрочемъ само собою разумѣется изъ точнаго смысла законовъ о печати и залогахъ въ частности. 4., Настоящій договоръ внести въ книгу Нотаріуса для актовъ не относящихся до недвижимыхъ имуществъ и подлинникъ хранить Г^{жи} Засѣцкой, а копию передать въ Главное Управленіе по дѣламъ печати и г. Пуцыковичу. 5., Въ случаѣ продажи «Гражданина» въ другія руки г^{жи} Засѣцкая имѣетъ право на немедленное полученіе своего залога. Редакторъ журнала «Гражданинъ» Докторъ Правъ Викторъ Теофиловичъ Пуцыковичъ. Жена Коллежскаго Совѣтника Юлія Денисовна Засѣцкая. Я, нижеподписавшійся, удостовѣряю, что тысяча восемьсотъ семьдесятъ восьмаго года Октября девятнадцатаго дня, документъ этотъ былъ предъявленъ мнѣ, Михаилу Ивановичу Успенскому²⁰, С^с Петербургскому Нотаріусу, въ конторѣ моей, Московской части, по Невскому проспекту № 51, Докторомъ Правъ Викторомъ Теофиловичемъ Пуцыковичемъ и женою Коллежскаго Совѣтника Юліею Денисовною Засѣцкою, живущими Литейной части по Малой Итальянской улицѣ и Невскому проспекту №№ 4 и 100, и по желанію ихъ внесенъ того же числа въ третью часть актовой книги, для актовъ не относящихся до недвижимыхъ имуществъ за 1878 годъ, на страницѣ 126 подъ № 197. 1878 года Октября «19» дня. По Реестру № 10 906. Нотаріусъ М. Успенскій (М. П.). Я, нижеподписавшійся, удостовѣряю вѣрность этой копии съ подлинникомъ ея, представленнымъ мнѣ, Михаилу Ивановичу Успенскому, С^с Петербургскому Нотаріусу, въ конторѣ моей, Московской части, по Невскому проспекту № 51, Докторомъ Правъ Викторомъ Теофиловичемъ Пуцыковичемъ, жительство котораго показано выше. При сличеніи мною этой копии съ подлинникомъ въ послѣднемъ почистокъ, приписокъ, зачеркнутыхъ словъ и никакихъ особенностей не было. 1878 года Октября 20 дня. По Реестру № 10 995.

Нотаріусъ М. Успенскій²¹

Сопоставление данного договора с некоторыми документами дела по изданию «Гражданина» из архива Главного управления по делам печати свидетельствует о том, что с передачей залога Ю. Д. Засецкой В. Ф. Пуцыкович, скорее всего, опоздал. Так, договор, датированный 10 октября 1878 года, лишь 19 октября был зарегистрирован у нотариуса. Между тем за два дня до этого – 17 октября 1878 года – издательский залог по «Гражданину» уже был арестован по решению суда, причем Пуцыкович в тот день не заявил суду о принадлежности залога Ю. Д. Засецкой²². Такое заявление было сделано им позже, в ноябре 1878 года, Главному управлению по делам печати²³. Исходя из этих обстоятельств, адвокат В. Г. Исаева – одного из кредиторов В. Ф. Пуцыковича – расценил сделку издателя «Гражданина» с Ю. Д. Засецкой как фиктивную, совершенную «задним числом»²⁴. В результате 8 декабря 1878 года издательское право Пуцыковича на «Гражданин» было продано с публичного торга [7: 119], [10: 24–25]. В. Ф. Пуцыкович опротестовал продажу и продолжал издавать «Гражданин» вплоть до февраля 1879 года, когда совершенное отсутствие финансовых средств вынудило его прекратить издание. Выпуск «Гражданина» был возобновлен лишь в 1882 году прежним владельцем еженедельника князем В. П. Мещерским.

Практическое отсутствие источниковедческих исследований по «Гражданину» периода редакторства В. Ф. Пуцыковича (1874–1879) до сих пор составляло очевидную лакуну в изучении этого издания – одного из важнейших (наряду с «Московскими ведомостями» и «Русским вестником» М. Н. Каткова) представите-

лей русской консервативной прессы 1870-х годов. Почти все опубликованные к настоящему времени работы по «Гражданину», основанные на анализе архивных материалов (за исключением статьи И. А. Прониной «Последний год “Гражданина”» [10] и недавней нашей работы «Когда был опубликован фельетон Ф. М. Достоевского “Тритон”? (Из цензурной истории еженедельника “Гражданин” в 1878 г.)» [7]), посвящены весьма непродолжительному (один год и четыре месяца) периоду редакторства Ф. М. Достоевского в журнале либо процессу основания «Гражданина» В. П. Мещерским в 1872 году. При всей значимости редакторской деятельности и активного авторского участия Ф. М. Достоевского в «Гражданине» в 1873 – начале 1874 года отметим, что после оставления знаменитым романистом редакторской должности издание продолжало оставаться средоточием консервативной и отчасти славянофильской общественной мысли русской столицы; в 1874–1878 годах в «Гражданине» сотрудничали писатели Н. С. Лесков, А. Н. Майков, Д. Д. Кишенский, ученые-гуманитарии А. С. Будилович, А.-Г. К. Киркор, Е. А. Белов, видные публицисты И. С. Аксаков, Т. И. Филиппов, Н. Н. Страхов и др. Эпизодически публиковался в «Гражданине» в этот период и Ф. М. Достоевский. Значение «Гражданина» в русской журналистике 1870-х годов обуславливает необходимость проведения источниковедческих исследований, касающихся периода редакторства В. Ф. Пуцыковича в журнале. Такие исследования в настоящее время лишь начались и пока ограничивались изучением

документов из архивов цензурных инстанций – С.-Петербургского цензурного комитета и Главного управления по делам печати МВД [7], [10]. Опубликованные ныне материалы отдела рукописей Staatsbibliothek zu Berlin в сопоставлении с документами ведомственного архива Главного управления по делам печати позволяют

уточнить роль В. Ф. Пуцыковича как нового «хозяина» журнала; последний из документов освещает драматичный и важный в истории «Гражданина» эпизод неудачной борьбы редактора-издателя журнала осенью 1878 года за предотвращение финансового краха издания и его принудительной продажи в чужие руки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Редакционный архив газеты-журнала “Гражданин” (1872–1879 гг.)» № 17-04-00619-ОГН.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Год и месяц смерти В. Ф. Пуцыковича впервые точно указаны В. А. Викторovichем в 2007 году в биографической статье об этом журналисте для словаря «Русские писатели. 1800–1917» [2: 183]. В биографических справках о В. Ф. Пуцыковиче в научных изданиях более раннего времени и даже в некоторых работах позднейшего периода год смерти журналиста указан ошибочно (1909 – см.: Достоевская А. Г. Воспоминания / Примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М.: Худож. лит., 1981. С. 511; Зохран И. Попытка установления вклада Достоевского в редактирование статей сотрудников газеты-журнала «Гражданин» с учетом цензуры того времени. Постановка проблемы // Достоевский и журнализм. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 148) или приблизительно («после 1912» – см.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. 2. Л.: Наука, 1986. С. 355; Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 611).
- ² В указании архивного шифра ошибка или опечатка. Должно быть: Slg. Darmstaedter.
- ³ См.: Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2.1.717. Л. 5–6. В письме А. А. Александрову от 22 января 1897 года Пуцыкович указывает несколько меньшее число потерянных С. Ф. Шараповым писем И. С. Аксакова: от десяти до пятнадцати, см.: РГАЛИ. Ф. 2.1.717. Л. 17.
- ⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 2.1.717. Л. 5.
- ⁵ Последняя работа подготовлена при участии В. Л. Бабина.
- ⁶ Staatsbibliothek zu Berlin. Slg. Darmst. 2 m 1846: Dostoevskij F. M. Bl. 1.
- ⁷ См.: РГАЛИ. Ф. 2.1.717. Л. 18–19об.
- ⁸ Должность редактора «Гражданина» Ф. М. Достоевский уступил В. Ф. Пуцыковичу немного ранее, чем полномочия издателя, – 20 апреля 1874 года [4: 479].
- ⁹ Staatsbibliothek zu Berlin. Slg. Darmst. 2 m 1846: Dostoevskij F. M. Bl. 1. Варадинов Николай Васильевич (1817–1886) – цензор, член Совета Главного управления по делам печати в 1865–1883 годах; замещал начальника ведомства в его отсутствие. По образованию юрист, доктор права и доктор философии.
- ¹⁰ Лонгинов Михаил Николаевич (1823–1875) – литератор, историк литературы, начальник Главного управления по делам печати в 1871–1874 годах.
- ¹¹ Staatsbibliothek zu Berlin. Slg. Darmst. 2 m 1846: Dostoevskij F. M. Bl. 2. Богушевич Юрий Михайлович (1835 или 1836–1901) – экономист, библиограф, журналист, правитель дел канцелярии Главного управления по делам печати в начале – середине 1870-х годов.
- ¹² Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 267.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л.: Наука, 1986. С. 308.
- ¹⁵ См.: РГИА. Ф. 776.5.1871.95. Ч. 1. Л. 155–159, 193–193об. В. А. Викторovich относит выкуп В. Ф. Пуцыковичем издательского залога к 1877 году [2: 184].
- ¹⁶ Staatsbibliothek zu Berlin. Slg. Darmst. 2 m 1850: Lo<n>ginow M. N. Bl. 1–1₂.
- ¹⁷ См. заключение юрисконсульта МВД П. Т. Китицына от 15 июля 1878 года по иску Д. И. Калугина к В. Ф. Пуцыковичу – РГИА. Ф. 776.5.1871.95. Ч. 1. Л. 265–268.
- ¹⁸ Засецкая Юлия Денисовна (1835–1882) – благотворительница, сторонница учения английского проповедника-сектанта лорда Редстока (Г.-О.-У. Уолдигрейва), дочь поэта Д. В. Давыдова. Была знакома с Ф. М. Достоевским и В. Ф. Пуцыковичем, но авторского участия в «Гражданине» практически не принимала.
- ¹⁹ В подлиннике ошибочно: не.
- ²⁰ Успенский Михаил Иванович (1819–1884) – известный петербургский нотариус, к услугам которого обращались Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов и другие литераторы.
- ²¹ Staatsbibliothek zu Berlin. Slg. Darmst. 2 m 1846: Dostoevskij F. M. Bl. 3–3₂.
- ²² См.: РГИА. Ф. 776.5.1871.95. Ч. 1. Л. 301об.
- ²³ См.: Там же. Л. 300.
- ²⁴ См.: Там же. Л. 301об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б а б и н В. Л. Личный архив В. Ф. Пуцыковича в Staatsbibliothek zu Berlin // Достоевский и современность: Материалы XXIV Международных Старорусских чтений 2009 года. Великий Новгород, 2010. С. 3–8.
2. Викторovich В. А. Пуцыкович Виктор Феофилович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 183–185.
3. Достоевский Ф. М. Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. / Атрибуция и научный комментарий доктора филологических наук В. Викторovichа // Знамя. 1996. № 11. С. 151–177.
4. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. Т. II. СПб.: Академический проект, 1994. 587 с.
5. Отливанчик А. В., [Бабин В. Л.] Достоевский в неизданной корреспонденции В. Ф. Пуцыковича 1899–1911 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 19. СПб.: Наука, 2010. С. 429–442.

6. Отливанчик А. В. Достоевский и В. Ф. Пуцкович: к истории взаимоотношений // Достоевский и современность: Материалы XXIV Международных Старорусских чтений 2009 года. Великий Новгород, 2010. С. 200–209.
7. Отливанчик А. В. Когда был опубликован фельетон Ф. М. Достоевского «Тритон»? (Из цензурной истории еженедельника «Гражданин» в 1878 г.) // Неизвестный Достоевский. 2018. № 3. С. 106–128 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1540979130.pdf (дата обращения 12.12.2018). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3681.
8. Переписка Ф. М. Достоевского и В. Ф. Пуцковича (1873–1880) / Подготовка текстов писем и примеч. В. С. Зинковой и А. И. Солоповой // Неизвестный Достоевский. 2016. № 4. С. 119–273 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482240857.pdf. (дата обращения 12.12.2018). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2881.
9. Письма Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому / Публикация Р. Г. Гальпериной, Г. Л. Боград // Русская литература. 1984. № 2. С. 164–166.
10. Пронина И. А. Последний год «Гражданина»: К истории отношений правительственной цензуры и консервативной печати // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2006. № 11. С. 23–30.

Otlivanchik A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MATERIALS FROM THE EDITORIAL ARCHIVE OF *THE CITIZEN* JOURNAL OF V. F. PUTSYKOVICH IN STAATSBIBLIOTHEK ZU BERLIN*

The article defines the significance of the materials from the Berlin archive of the Russian publicist V. F. Putsykovich for the source studies of *The Citizen* journal (edited by V. F. Putsykovich in St. Petersburg in 1874–1879). The documents identified in the manuscript fund of Staatsbibliothek zu Berlin, which were once part of *The Citizen's* editorial office archive, are published as part of the article and analyzed in the context of thematically close materials from the departmental archive of the highest censorship instance in pre-revolutionary Russia – the General Directorate of the Press of the Ministry of Internal Affairs. The scope of authority of V. F. Putsykovich as *The Citizen's* editor and publisher is clarified. The contract of October 10, 1878 between V. F. Putsykovich and Yu. D. Zasetzkaya on the redemption of the last cash deposit, which ensured the publication of *The Citizen*, is analyzed in detail; the conclusion of the contract is interpreted as an attempt by V. F. Putsykovich to prevent the financial collapse of the publication and its sale by auction.

Key words: *The Citizen* journal, archive, V. F. Putsykovich, F. M. Dostoevsky, Yu. D. Zasetzkaya, General Directorate of the Press of the Ministry of Internal Affairs

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project “The editorial archive of the journal/newspaper *Grazhdanin* (*The Citizen*) (1872–1879)” No 17-04-00619-OGN.

REFERENCE

1. Babin V. L. Personal archive of V. F. Putsykovich in Staatsbibliothek zu Berlin. *Dostoevsky and the Modern Age: Materials of the 24th International Old-Russian Readings 2009*. Veliky Novgorod, 2010. P. 3–8. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. Putsykovich Victor Feofilovich. *Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*. Moscow, 2007. Vol. 5. P. 183–185. (In Russ.)
3. Dostoevsky F. M. Newly Attributed Articles. 1872–1874. (V. Viktorovich, Attribution and Commentary). *Znamya*. 1996. No 11. P. 151–177. (In Russ.)
4. The chronicle of Dostoevsky's life and works: In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg, 1994. 587 p. (In Russ.)
5. Otlivanchik A. V., [Babin V. L.] Dostoevsky in the unpublished correspondence of V. F. Putsykovich (1899–1911). *Dostoevsky: Materials and Research*. St. Petersburg, 2010. Vol. 19. P. 429–442. (In Russ.)
6. Otlivanchik A. V. Dostoevsky and V. F. Putsykovich: the history of their relations. *Dostoevsky and the Modern Age. Materials of the 24th International Old-Russian Readings 2009*. Veliky Novgorod, 2010. P. 200–209. (In Russ.)
7. Otlivanchik A. V. When was the feuilleton *Triton* by F. M. Dostoevsky published? On the censorship history of the weekly journal “*Grazhdanin*” (*The Citizen*) in 1878. *The Unknown Dostoevsky*. 2018. No 3. P. 106–128. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1540979130.pdf (accessed 12.12.2018). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3681. (In Russ.)
8. Correspondence of Fyodor Dostoevsky and V. F. Putsykovich (1873–1880). *The Unknown Dostoevsky*. 2016. No 4. P. 119–273. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482240857.pdf (accessed 12.12.2018). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2881. (In Russ.)
9. Letters of N. N. Strakhov to F. M. Dostoevsky (R. G. Galperina, G. L. Bograd, Ed. and Comm.). *Russkaya Literatura*. 1984. No 2. P. 164–166. (In Russ.)
10. Pronina I. A. The last year of the weekly journal “*Grazhdanin*” (*The Citizen*): On the history of relations between the government censorship and the conservative press. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4*. 2006. No 11. P. 23–30. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.11.2018

ЛЕННАРТ ЛЁННГРЕН

профессор эмеритус, Университет г. Тромсё (Тромсё, Норвегия)
lennart.lonnngren@gmail.com

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВАЛЕНТНОСТИ

В статье используется семантический граф – узлы, объединенные стрелками, – для представления валентностных отношений, причем не только между словами, как принято считать, а между всеми видами языковых знаков, включая флексивные морфемы, супrasegmentные знаки (интонацию, порядок слов) и даже полностью имплицитные знаки. Не все знаки занимают узлы в семантическом графе. Некоторые знаки опустошенные, лишние, например предлог *от* во фразе *зависеть от чего-либо*. Важным инструментом для установления статуса каждого знака является графический изоморфизм двух эквивалентных структур. В плане означающего один знак может быть инкорпорирован в другой знак. Этот факт обозначается угловыми скобками, например: <чита>тель, богач<е>. Каждый знак рассматривается как атомарная единица. Семантически слово *читатель* не составлено из морфем *чита-* и *-тель*; два знака *читать* и *читатель* занимают разные узлы в графе. Особое внимание обращается на валентностную рамку глагола. Некоторые производные структуры рассматриваются как результат расширения рамки: превращения сирконстантов в актанты. Еще двум областям уделено внимание: процессу субстантивации и межъязыковому изоморфизму.

Ключевые слова: валентность, семантический граф, языковой знак, инкорпорация

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине прошлого века, особенно в 60-х и 70-х годах, наблюдался большой интерес к формализации семантических отношений. На Западе было кратковременное процветание генеративной семантики (см. [5]). Среди славянских лингвистов ведущей стала модель Смысл ⇔ Текст (МСТ), подробно изложенная в монографии И. А. Мельчука [2]. Используемый в настоящей статье метод представления имеет общие черты с МСТ, которая послужила отправной точкой для наших размышлений. Но есть и большие различия между двумя подходами. МСТ содержит ряд уровней, в том числе уровень семантического представления. В нем используется свободный граф, состоящий из узлов и объединяющих их стрелок (дуг). В узлах помещены чисто смысловые единицы, лишенные «физического» облика. Мы используем похожее формальное семантическое представление. Однако односторонних семантических единиц (сем) мы не признаем; считаем, что поиски семантических примитивов (см. [6]) оказались тщетными. Поэтому «наши» узлы заняты двухсторонними единицами – языковыми знаками разных типов.

В модели МСТ семантические и синтаксические структуры нелинейные; линейные цепочки начинаются только с морфологического уровня. Однако фонемные языковые знаки образуют линейные структуры, на которых удобно отображать семантические соотношения в виде стрелок. Супrasegmentные и имплицитные знаки линейными, конечно, не являются, но им можно назначить условное место в цепочке. Например,

языковой знак INV (инверсия) можно поставить в конце цепочки: *лет пять INV*.

При нашем подходе основным стержнем в языке признается семантическая зависимость. Она пронизывает все двухсторонние структуры, от отдельных слов до текстов. Таким образом, семантическая зависимость стирает барьер между синтаксисом и морфологией, а также между синтагматикой и парадигматикой. Вместо многочисленных уровней МСТ оперируем лишь двумя: односторонним (звуковым) и двухсторонним (уровнем языковых знаков), причем для семантического анализа существенен только второй из них.

ПРЕДИКАТНЫЕ VS ПРЕДМЕТНЫЕ ЗНАКИ

Под валентностью здесь подразумевается способность языкового знака подчинять себе другой знак отношением семантической зависимости. Валентностью обладают только некоторые знаки; их назовем предикатными. Знаки, лишенные данной способности, назовем предметными. В паре *рост* : *растение* первый член является предикатным, второй – предметным. Предикаты обозначают ситуации (факты) в широком смысле, включая свойства, состояния, процессы, события, действия, отношения. Предметные знаки обозначают именно предметы, тоже в очень широком смысле. Сюда относятся не только физические явления, включая вещества, совокупности и места, но и точки и отрезки во времени, геометрические фигуры и т. п.

Традиционно валентность приписывается только знаменательным лексемам, прежде всего глаголам. Мы данное свойство понимаем

более широко: семантической зависимостью связаны любые языковые знаки. Рассмотрим, однако, сначала знаки на уровне слова. Их соотношение с частями речи выглядит так: предикатными являются глаголы, прилагательные, наречия, числительные, предлоги и союзы. Предметными являются междометия и местоимения *кто* (с дериватами). Среди прочих местоимений и среди существительных представлены слова обоих типов, но только предметными являются имена собственные.

Ниже увидим, что знаки иногда не реализуют свой семантический потенциал, то есть не обозначают ни фактов, ни предметов. Они могут в известных контекстах оказаться «опустошенными» или «лишними».

Существительные, выполняющие функцию предиката, преимущественно производные, образованы от слов другой части речи. Но неизводных существительных тоже немало: многие из них семантически соотнесены с другими предикатами. Здесь можно назвать слово *страх*, сопоставимое с глаголом *бояться*, слово *цена*, сопоставимое с глаголом *стоить*, и специальный случай *цвет*, сопоставимый с гипонимами-прилагательными *красный*, *синий* и т. п. Чужие слова могут иметь такую соотнесенность со словами языка-источника, например *система*, *структура* (ср. *строй*, *строение*). Иногда есть морфологическая соотнесенность с русским глаголом, который, однако, надо считать вторичным по отношению к отвлеченному существительному, например *подвиг* – *подвизаться*, *анализ* – *анализировать*, *флирт* – *флиртовать*.

Кстати, предикат *рост* не всегда синонимичен глаголу *расти*; ср. *Рост мальчика – ровно метр*. Данный предикат здесь обозначает не процесс, а свойство (меру). Зато существительное *вес* всегда синонимично мотивирующему его глаголу *весить*; оба слова обозначают меру.

Некоторые слова, прежде всего *начало* и *конец*, могут быть восприняты в обеих категориях, хотя разграничение функций не всегда очевидно; ср., с одной стороны, однозначно предикатное *ответственность за начало войны* и, с другой – *в конце улицы*, где обозначено место. Пространственный контекст предполагает перспективу наблюдателя. Без такого условия употребляются слова *середина* и *часть*.

Как предикаты трактуем, в частности, единицы измерения; к разным категориям относим *литр (молока)* и *кусок (дерева)*. Предикатными считаем также названия метеорологических процессов типа *дождь*, *ветер*, *буря*. К предметным относим обозначения распространяющихся физических явлений, например *свет*, *звук*, *молния*, *гром*. Но надо признать, что расстояние невелико до таких предикатов, как *сияние*, *звон* и *грохот*. Эти сложные, почти пограничные случаи надо отличать от явной двусмысленности таких

слов, как *мир*, *роман* и *цель* (последнее, например, в словосочетании *цель поездки*). Ср. также двусмысленность шведских слов *färg* («цвет» vs «краска»), *sång* («пение» vs «песня») и *växt* («рост» vs «растение»).

Молодежь, несомненно, предметное слово, как и *детвора*. *Детство* тоже предметное слово; оно обозначает период жизни (*его детство* ≈ *его первые годы*). Слово *молодость* часто употребляется так же, как *детство*, но есть и предикатное употребление: *Он завидует моей молодости*.

Слова типа *брат*, *друг*, *жена*, *самка*, *детеныш*, конечно, предметные, но вызывают представление об отношениях между существами (в том числе о родстве). Ср. также слова типа *сосед*, *граница*, которые вызывают представление о пространственном отношении. Иногда такие отношения имеют названия: *дружба*, *соседство*.

Многие производные существительные расщеплены на предикатное и (вторичное) предметное значения, например *богатство*, *руководство*, *изобретение*, *ранение*, *остановка*, *парковка*. Ср., например, *до полной остановки автобуса* и *на остановке автобуса*.

Дихотомия предикатный / предметный распространяется и на сложные слова. Например, *снегопад* является предикатным, а сходный по морфемному составу *водопад* – предметным. Кроме того, как уже отмечено, эти понятия применимы не только к уровню слова. В существительном *снегопад* морфема *снег* представляет собой предмет, подчиненный предикату *падать*. В обстоятельстве *вечером* окончание творительного падежа является предикатом, синонимичным предлогу *в* в словосочетании *в этот вечер*. В указании *Здесь не курят* окончание глагола обозначает неопределенное лицо, значит, является предметным. Инверсия (супрасегментный знак) во фразе *лет пять* – одноместный предикат, синонимичный слову *приблизительно*. В предложении *Что делаешь?* вопросительная интонация обозначает акт речи (*Я спрашиваю тебя...*).

ХОЗЯЕВА И АКТАНТЫ

Как уже было сказано, валентностью обладают только предикаты. По отношению к непосредственно подчиненным знакам предикат можно назвать хозяином. Подчиненный знак называется актантом. Актант заполняет одну из валентностных позиций хозяина. Совокупность таких позиций при некотором предикате называется актантной рамкой. Предикаты могут находиться в независимой или зависимой позиции; в последнем случае сами являются актантами. Предметные знаки всегда находятся в зависимой позиции, то есть являются актантами.

В синтаксисе различаем ингерентные и реляционные категории: части речи и члены предложения. Аналогичным образом можем

к ингерентной семантической категории относить предикаты и предметы, а к реляционной (ролевой) – хозяев и актанты. Ниже, однако, будем чаще вместо термина «хозяин» употреблять термин «предикат», ведь хозяин всегда является предикатом.

Нередко словообразовательная структура слова – индикатор актуальных валентностных отношений. Так, *соль* является актантом предиката *солить*, а *расти* – предикатом, подчиняющим себе актант *растение*. Предметное слово *краска* обозначает третий (кто/что/чем) из актантов предиката *красить*. Но картина может быть гораздо сложнее. Слово *весы*, словообразовательно соотносимое с глаголом *весить*, является актантом имплицитного предиката *использовать*. Помимо инструмента *весы*, этот предикат имеет еще два актанта, а именно агенса, то есть производитель действия *использовать*, и цель, выраженный глаголом *взвешивать*.

Нет предикатов, полностью лишенных актантов, но актантные позиции могут быть синтаксически незаполненными и даже незаполнимыми. В предложении *Дождь идет* предикат *идет* имеет три актанта: синтаксически нереализуемый первый актант (что? – *вода*, точнее, *капли воды*) и реализуемые актанты откуда? и куда? (*из этого облака*, *на нашу палатку*). Как известно, в других языках данный процесс более типично выражается глаголом с формальным подлежащим (*il pleut, es regnet*) или без него (ит. *piove*, чешск. *prší*), но и здесь позиция первого актанта обычно незаполнима, если речь не идет о другом веществе, чем вода; ср. шв. *askregn* «соседание пепла».

Не совсем ясно максимальное число разных (не сочиненных) актантов при одном предикате, но в следующем примере их, без сомнения, четыре: *Она переставила вазу со стола на окно*. Перемещение допускает еще и актант перлатив (путь), например *идти по улице*; *Они послали его домой через Белоруссию*. Число актантов может увеличиваться за счет уточнения или редупликации, например: *Он поехал в Москву – Он поехал к тете в Москву*; *Я знаю только, что он очень умный – О нем я знаю только, что он очень умный*. Как редупликацию можно, пожалуй, также рассматривать значение взаимности: *Он переписывается с другом*.

В более абстрактном плане можно соотнести актантные рамки еще одним способом. Можно считать, что стативная «локализация», например *на столе*; *утром*, в динамическом контексте расщепляется на «отправную точку» и «цель»: *со стола на окно*; *с утра до вечера*. Аналогичным образом стативный «объект» может расщепляться на «материал» и «результат», например: *превратить воду в вино, построить дом из камня*. Объект стативных ситуаций локализации или посессивности может расщепляться на два объек-

та в результате замены, например *поменять дом на квартиру*.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ГРАФ

Валентностную структуру удобно показать при помощи семантического графа, где узлы объединены стрелками, идущими от предиката к непосредственно подчиненному актанту. Такой граф в состоянии показать структуры разных уровней: слова, словосочетания, предложения и тексты. Приведем пример, а именно граф, представляющий словосочетание *открытие Америки Колумбом*:

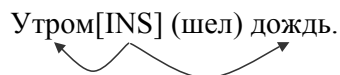
Этот граф содержит только три узла. Но граф, представляющий соответствующее предложение, уже более сложный:

Добавлены два предиката, оба в квадратных скобках. Такие скобки используются для наглядного обозначения флексивных морфем и супraseгментных знаков в том случае, когда они имеют узловой статус (об этом понятии см. ниже). Морфемный предикат [PRET] соотносит событие *открыть* с супraseгментным предикатом акта речи, на письме представленным знаком препинания, точкой (для большей наглядности добавлены буквы FS, full stop). Данный предикат имеет три актанта («я говорю тебе, что X»), из которых синтаксически реализуется только объектный. Заполнять эти позиции могут разные знаки; например, при эмфатическом варианте *Америку открыл Колумб* стрелка объекта направлена на *Колумб*. Предикат акта речи обслуживает не только категорию времени, но и другие знаки с дейктической функцией. Например, он заполняет вторую актантную позицию предикатов *теперь* и *прошлый*.

Вторым актантом морфемного предиката времени может быть другая точка отсчета, чем акт речи. Так обстоит дело в придаточном предложении и причастном обороте, например *открывший Америку Колумб*.

В дальнейшем изложении два рассмотренных выше предиката уже не будут учтены. Поэтому наш следующий пример, *Утром шел дождь*, представлен простым графом:

Двухместный предикат [INS] соотносит процесс *дождь* с отрезком времени *утро*.

Глагол *идти* в приведенном примере заключен в скобки (обыкновенные), так как он не

занимает узла в графе. Такую единицу называем неузловой.

Неузловой статус особенно характерен для флексийных морфем. Типичными примерами являются падежные окончания подлежащего и дополнения. В предложении *Он курит* окончание *-ит* имеет двойственную функцию: узловую (настоящее время, с расщеплением на узуальность и актуальность) и неузловую (согласование с подлежащим). В словосочетании *открытие Колумбом Америки* неузловыми являются не только окончания, но и деривационный суффикс в слове *открытие*.

В приведенном примере неузловыми морфемами являются указание лица при форме *шел* и указание падежа при форме *дождь*. В графе неузловые единицы на уровне слова заключаем в скобки, а на уровне морфемы оставляем без обозначения.

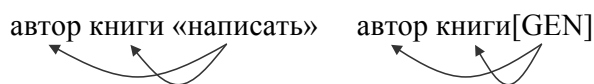
К неузловому знаку в принципе неприменимо противопоставление предикат / предмет. У знаменательных слов узловая функция первичная и часто единственно возможная, поэтому в случае неузлового употребления принято говорить о делексистализации; это касается, например, глагола *вести* в примере *Ведут войну* ($\approx$ *Воюют*). Об опустошенности таких слов свидетельствует тот факт, что их выбор – специфика каждого языка; ср. *задать вопрос*, англ. *ask a question*, шв. *ställa en fråga*, исп. *hacer una pregunta*. Дихотомия узловой / неузловой лежит в основе каламбура *Я пользуюсь успехом у женщин, но я им не пользуюсь*.

Правда, существует хотя бы один русский глагол с исключительно неузловой функцией, а именно *оказать* (*помощь, влияние*). Возможна также номинализация: *оказание помощи*. При глаголах *нанести* (*удар, визит*) и *подвергать* (*критике*) неузловая функция преобладает (но ср. *нанести покрытие, подвергать опасности* – здесь глагол узловой). Исключительно неузловая функция присуща также союзу *что*.

Местоимение *что* всегда узловое, но в предикатном значении сочетается с неузловым глаголом. Ср. двусмысленность следующего вопроса: *Что ты делаешь?* – *Корзину*; *Что ты делаешь?* – *Курю*. Во втором диалоге глагол *делать* неузловой.

Идентификация в структуре неузловых знаков позволяет сохранить важный принцип: изоморфизм представлений языковых структур. Так, изоморфными графами представлены члены таких пар, как *люблю* – *я люблю*, *влияет* – *оказывает влияние*, *красный платок* – *платок красного цвета*, *Он любит спорт* – *Он любитель спорта*. В каждой паре более длинная конструкция содержит неузловой знак: окончание *-ю*, глагол *оказывать*, непроизводное существительное *цвет* и производное существительное *любитель*.

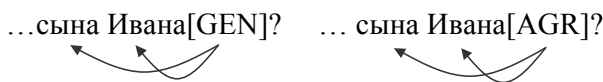
Существует и обратное явление: постулирование имплицитных узловых знаков. Иногда это единственный возможный способ, иногда есть альтернативные решения. Например, словосочетание *автор книги* можно анализировать двумя способами (имплицитность обозначается кавычками):

Значит, можно ввести имплицитный предикат «написать» или сделать флексийную морфему узловой. Принят следующий принцип: в первую очередь помещаем значения в имеющиеся эксплицитные сегменты, и только при отсутствии таких сегментов постулируем имплицитные знаки. Но надо отдавать себе отчет в том, что признание родительного в словосочетании *автор книги* узловым знаком приведет к повышению семантической расплывчатости данного падежа (подробное описание валентностных свойств падежей см. в [3]). Ядро узлового родительного – это значения посессивности и партитивности, например *машина отца* и *кусочек хлеба*, причем с последним значением граничит неузловой родительный актант, подчиненного количественному предикату, например *литр молока, шесть яиц*.

В словосочетании *автор книги*, а также в конверсивном словосочетании *картина Репина* гипероним родительного – «создать». Могут реализоваться другие значения, например «лечить»: *врач президента*, «использовать»: *орудие труда*, «где/когда/как долго»: *место встречи, день приезда, минута молчания*.

В предложении *Знаешь сына Ивана?* именное словосочетание двусмысленное. В нем осуществляется посессивная или предикативная связь ([AGR] – согласование по падежу):

В связочном предложении *День их приезда* – *среда* слово *день* неузловой, лишний; ср. *Они приедут в среду*. Но словосочетания *цель визита, причина провала* ведут себя по-другому. Если их таким же образом преобразуем в предложения, ср. *Цель визита – консультации* и *Причина провала – неопытность*, слова *цель* и *причина* уже не актанты, а хозяева, причем две их актантные позиции заполнены. Родительный теряет статус предиката.

ИНКОРПОРАЦИЯ

Ни один знак не может быть частью другого знака. Все знаки атомарны; сложных знаков нет. Другое дело, что в пределах слова означающее одного узлового знака может находиться внутри означающего другого узлового знака; это явление

называем инкорпорацией и обозначаем угловыми скобками. Например, инкорпорация глагола *читать* в производное существительное *читатель* обозначается следующим образом: <чита>тель. Слово *читатель* как языковой знак не содержит знак *читать*; эти два знака занимают разные узлы, связанные отношением валентности. *Читатель* – это первый актант (агенс) предиката *читать*. Таким же образом слово *ноша* занимает вторую актантную позицию предиката *носить*.

Определить значение таких знаков легко. Сложнее бывает со словом-предикатом. В глаголе <суш>ить инкорпорирован предикат *сухой*. Значение глагола – «делать»; ср. толкование «делать сухим». Значение глагола <сол>ить, где инкорпорирован предметный знак *соль*, – «прибавлять». После выноса инкорпорированного знака в отдельный узел в узле слова остается «выхолощенное» значение. В случае глаголов – это, как мы видим, своего рода гиперонимы. То же касается и отвлеченных существительных; ср. *бессонница* с гиперонимом *расстройство*. В словосочетании *состояние невесомости* семантически дублирован гипероним *состояние*; значит, или главное слово, или определение можно заключить в скобки. Родительный здесь неузловой.

Производные наречия и прилагательные имеют выхолощенное значение другого типа. В наречие <дом>а инкорпорирован знак *дом* (в отличие от словоформы *дома*). Это наречие обозначает локализацию; ср. англ. *at home*. Такое же значение нередко имеют прилагательные; ср. *лесная тропинка*, *вечерняя прогулка*. Конверсивное отношение выражает, например *солёная вода*, *спальный вагон*. Но возможны и другие значения: «изготовить» (*золотое кольцо*), «использовать» (*посудомоечная машина*). Нужное значение устанавливается при помощи трансформ с более эксплицитными предикатами, например *тропинка в лесу*, *вода с солью*, *кольцо из золота*, *машина для мытья посуды*.

Производные слова могут быть лишены инкорпорации. Например, *свежий* и его синтаксический дериват *свежесть* – синонимы, поэтому занимают в графе один и тот же узел. Подобные пары образуют *получить* – *получение*, *быстрый* – *быстро*. Существуют, кроме того, редкие синонимические пары, в которых не изменяется синтаксическая рамка, например *больной* – *болеет*.

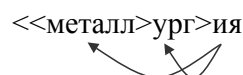
В словосочетании *производитель действия* в главное слово не инкорпорирован глагол *производить*, так как он здесь неузловой, в отличие, например, от того же мотивирующего глагола в словосочетании <производи>тель товара.

Может быть инкорпорирован более чем один сегмент; ср. <тело><храни>тель. Здесь представлены три узла: *тело* (объект), *хранить* (действие) и *телохранитель* (агенс). Последнее слово в семантическом графе представлено отрезком,

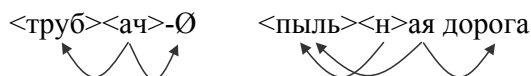
находящимся вне инкорпорации; именно к этому отрезку направлена стрелка агенса. Если инкорпорацией охвачена вся основа, единственным сегментом, находящимся вне инкорпорации, является окончание, в том числе и нулевое:

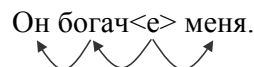
Возможна повторная инкорпорация, то есть инкорпорация внутри инкорпорации. Так обстоит дело с предикатным словом *металлургия*, где второй актант (*металл*) инкорпорирован в первый (*металлург*):

В приведенных выше примерах суффиксы неузловые. Но существуют и узловые суффиксы (для более подробного описания см. раздел «Узловые форманты» в [4]). Они часто сами по себе семантически неопределенные, но их значение можно установить по контексту, например: <труб><ач>-Ø (-ач- = «играть»), <пыль><н>ая дорога (-н- = «много»). Графы выглядят так:

Но некоторые узловые суффиксы имеют вполне определенное значение. Сюда относятся суффиксы, при помощи которых образуются сравнительная и превосходная степени прилагательных. Они тоже выделяются угловыми (не квадратными) скобками:

Эти суффиксы, а также их аналитические соответствия *более*, *наиболее*, *самый* выхолощают значение прилагательных; ср. непротиворечивость предложения *Он бедный, но богаче меня*. Если речь идет об измеряемых качествах, то для данного значения есть специальные названия: *рост*, *возраст*, *вес*, *величина*, *глубина*, *толщина*. Но слово *богатство*, например, такого значения не имеет. Названия шкал встречаются и в других конструкциях, ср. *река шириной в двадцать метров*. В шведском языке в подобных контекстах употребляются прилагательные: *en tre centimeter lång nål* «игла длиной в три сантиметра».

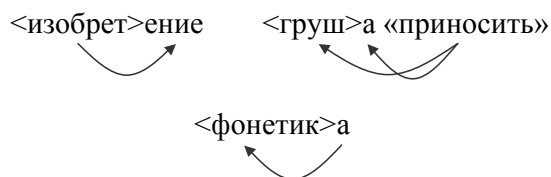
При помощи инкорпорации можно также трактовать многозначность: распадение одного слова на две лексемы. Покажем это на трех примерах. Первый пример – упомянутое уже производное существительное *изобретение*. Как синтаксический дериват, то есть с предикатным значением, слово передается без инкорпорации. Во вторичном, предметном, значении

существительное занимает вторую актантную позицию инкорпорированного предиката *изобрести*: <изобрет>ение. Ср. также уже упомянутую пару шведских слов *växt* («рост») и <väx>т («растение»), оба образованные от глагола *växa* («расти»).

Второй пример – непроизводное слово *груша*, которое, как известно, может обозначать фрукт или «дерево, приносящее этот плод». Обе лексемы предметные. В отсутствии эксплицитного предиката приходится постулировать имплицитный: «приносить».

Третий пример, слово *фонетика*, определяется так: 1. Изучение звукового строя; 2. Сам этот строй. Значит, данное слово распадается на две предикатные лексемы, гиперонимами которых являются «изучение» и «строй» соответственно.

Вот как могут быть представлены предметное *изобретение*, *груша* в значении «грушевое дерево» и *фонетика* в значении «изучение звукового строя»:

А вот еще один пример из испанского языка: двусмысленное слово *sangría*, образованное от *sangre* («кровь»), в значении «кровопускание» имеет неузловой суффикс *-i-* (<sangr>iа), в значении же «вид питья» – узловой суффикс (<sangr><i>a): питье по цвету напоминает кровь.

В некоторых случаях допускаем упрощение применения инкорпорации. Так, в примере *Он едет домой* наречие оставляем без указания инкорпорации, хотя по аналогии с представлением *Он едет (в) Москву* наречие должно было бы иметь неузловой статус: *Он едет (<дом>ой)*. В словосочетании *колокольный звон* есть только один предикат: *звон*; ср. *звон колокола* и *Колокол звонит*. Прилагательное занимает только один узел (предметный), и поэтому существительное, от которого оно образовано, не выделяется. Так же поступаем с примерами типа <внутри>партийные конфликты; ср.: *конфликты внутри партии*. В такую позицию могут попасть и местоимения адъективного склонения: в словосочетании *наш уход* притяжательное местоимение соответствует личному в предложении *Мы ушли*. Покажем разницу между позицией предиката и позицией предмета:

Наш дом имеет такую же структуру, как <нап>ин дом, с той только разницей, что название владельца не инкорпорированно, а имплицитно.

ВАЛЕНТНОСТНАЯ РАМКА ГЛАГОЛА

Самый мощный и эксплицитный носитель валентности – это, несомненно, глагол. Среди синтаксически подчиненных конститuentов традиционно различают сильно и слабо управляемые. Вторые иногда называют сирконстантами (или детерминантами). Ими обозначаются место, время, причина, условие и т. п. Такие компоненты вводятся в синтаксическую структуру посредством дополнительного предиката, который обычно по отношению к глаголу выполняет роль хозяина.

Очень богатой рамкой обладают переходные глаголы перемещения. Кроме агенса и объекта есть, как уже было отмечено выше, три актанта, обозначающие точки в пути: аблатив, аллатив, перлатив (ср. чешск. *odkud / kam / kudy*). Ю. Д. Апресян утверждает, что глагол *перевозить* имеет не менее семи актантных мест, одно из которых занимает «инструмент / средство» (например, *на поезде*) [1: 20]. Как альтернативное решение, предпочитаемое здесь, можно рассматривать предлог *на* как экспонент самостоятельного предиката «использовать». Это значит, что фраза *на поезде* является сирконстантом. Семантически глагол *перевозить* выполняет функцию третьего актанта («цель») предлога *на*.

Точное определение актантной рамки глагола и ее разграничение от сирконстантов – не всегда легкая задача. Среди синтаксических конститuentов особенно многофункциональна предложная фраза. Рассмотрим, как она себя ведет в разных контекстах и чем обусловлен ее статус.

Бесспорные актанты видим в конструкциях типа *верить в Бога*, *думать о покупке*, *надеяться на успех*. Выполнены два условия: опустошенность предлога и обязательность заполнения позиции. Предлоги неузловые.

Статус актанта обеспечен, если выполнено только второе из названных условий. Но для того, чтобы неопустошенный предлог можно было признать неузловым, он должен быть предсказуемым, неинформативным. Предлог пространственного значения может сохранять первичное значение ориентации (*сидеть на диване*, *подлезть под диван*) или употребляться конвенционально (*хранить вещи на чердаке*).

Правда, если глагол имеет явно опустошенный характер, на него можно перенести неузловой статус, например: *Книга (находится, лежит) на полке*. Кроме этого случая, узловой статус предлога актуален еще в двух. Первый случай – это непредсказуемый предлог при сохранении статуса актанта, например *жить под Москвой*, *положить подушку под диван*. Второй случай видим в примере *проснуться на диване*, где предложная фраза является сирконстантом; предикат *на* прикрепляет событие к месту. Покажем соответствующие представления:

Он живет под Москвой.

Он проснулся на диване.

Надо признать, что первый граф допускает «ошибку»: требуемая предикатом *жить* предметность актанта выполняется только опосредованно. По поводу второго графа отметим, что не важно, предсказуем предлог или нет. Вместо пространственного могут быть реализованы другие значения: *проснуться на рассвете, перевозить уголь на поезде, умереть от голода*.

Глаголы восприятия *видеть* и *слышать* имеют только два актанта, но допускают сирконстанты со значением направления, например *видеть из окна ворону* и *слышать из подвала грохот*. Но конфигурации разные: предлог *из* в первом примере является хозяином глагола *видеть*, во втором – существительного *грохот*. Второй пример явно восходит к конструкции без номинализации и без направленности предлога: *слышать, как в подвале что-то грохочет*. В соответствующей позиции глагол *видеть* допускает только предлог без направленности: *видеть на крыше ворону*. Эту конструкцию вряд ли можно считать производной, хотя существует слабо эквивалентное *видеть, что на крыше – ворона*. Кстати, при глаголе *видеть* могут совмещаться оба типа сирконстанта, как показывает следующий граф:

Из окна он видел на крыше ворону.

Очевидна производность глагола *застроить*, который, несомненно, мотивирован более простым глаголом *построить*. Ср. следующие конструкции:

На пустырях построены дома.

Пустыри <за>строены домами.

В актантную рамку глагола *застроить* втянуто «место». Конструкции, однако, не эквивалентны. Прямому дополнению глагола *застроить* присуще значение «полного охвата» (≈ «весь»). Экспонентом данного одноместного предиката здесь признается префикс *за-*.

Оставим предложные фразы и рассмотрим некоторые другие распространения. Функцию предикатов сирконстантов могут иметь флексивные морфемы. Значение «как долго» часто выражено узловым винительным падежом. В следующей паре видим трансформацию,

сходную с приведенным выше преобразованием *построить – застроить*:

Он жил там год[ACC]. Он <про>жил там год.

Пердуративный способ действия глагола *прожить* влечет за собой расширение актантной рамки. Значение предиката <про> близко к прилагательному *целый* или – при множественном числе существительного – наречию *подряд*.

Легко познаваемые сирконстанты находим у глаголов перемещения, а именно конституэнты, которые не входят в хорошо известную актантную рамку:

Он вернулся (<стар>иком)[INS].

Он пришел попрощаться[INF] (с) нами.

Здесь представлены значения «когда» и «чтобы / цель» соответственно. Ср. изоморфные конструкции: *Когда он вернулся, он был уже стариком*; *Целью его прихода было попрощаться с нами*.

Не все обязательные конституэнты являются актантами, среди них есть и хозяева глагола. Речь идет о наречиях *хорошо*, *плохо* и об отрицании. Ср: *чувствовать себя плохо*; *Мне хорошо работается*; *Мне нездоровится*.

Как было отмечено по поводу предиката *дождь*, актантные позиции могут часто быть нереализованными или нереализуемыми. Тот факт, что возможно употребление переходного глагола без своего дополнения, например *Он читает*, не значит, что данный предикат стал одноместным. Глагол *найти* трехместный, несмотря на то, что третий актант можно опустить: *найти ключи (на тумбочке)*. В предложении *Он использовал стамеску* отсутствие упоминания цели синтаксически вполне нормально, но семантическая неполнота, скорее всего, устранена в контексте. Цель также регулярно названа в конструкциях, где предикат «использовать» выражен не глаголом, а, например, предложом: *стрелять из ружья*, окончанием: *бить кнутом*, орудие труда, суффиксом: *отвертка*, огнетушитель или прилагательным: *снегоуборочная машина*.

СУБСТАНТИВАЦИЯ

Обычно субстантивация изменяемых слов понимается как результат замены парадигмы исходного слова на парадигму существительного, например *приемная врача*. Мы здесь расширим данное понятие, включая также случаи сохранения парадигмы, например *Из них пришли только пять*.

В рамках принятой здесь системы представления это изменение трактуется как образование

существительного от предиката другой части речи – прилагательного, местоимения или числительного. Существительное занимает позицию актанта. Вот как выглядят графы приведенных примеров:

Анализ первого примера соответствует толкованию «комната, где врач принимает (пациентов)». Граф второго примера показывает, что *пять* имеет два актанта. Предлог *из* здесь неузловой, в отличие от примера *Из остальных пришли только рабочие*.

Во многих конструкциях роль второго актанта выполняет фраза с предлогом *из*. Но есть еще одна возможность – беспредложный родительный. Он появляется в двух случаях; оба касаются числительных.

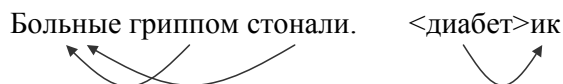
Первый случай – это название даты. *Первое мая* можно крайне эксплицитно переформулировать так: «первое число из чисел месяца мая». В следующем графе добавлено определение *прошлого года* как иллюстрация различной функции двух появлений родительного падежа («а.р.» = акт речи):

Ср. этимологию таких названий, как *четверг*, *September*.

Второй случай касается количественных числительных. Сравните конструкции *три машины* и *Машин – три*. Различие в форме существительного объясняется тем, что в первой конструкции форма единственного числа заполняет позицию первого актанта, а во второй конструкции форма множественного числа заполняет позицию второго актанта числительного. Реализация второго актанта в форме родительного падежа без предлога осуществляется только в рамках предложения и только с препозицией существительного. Если реализуются оба актанта в одной структуре, второй актант принимает нормальную, описанную выше форму: *семь шведов из десяти*.

Субстантивации может подвергаться прилагательное *больной*, например <Болън>ые *стонали*. Но в расширенной конструкции *Больные гриппом стонали* инкорпорация отсутствует. Это объясняется тем, что добавление предиката *грипп* сделало его гипероним *больной* лишним, то есть неузловым. А в слове *диабетик*, произведенном от слова *диабет*, названного гиперонима вообще нет. Покажем графы двух последних примеров:

МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИЗОМОРФИЗМ

Семантическая эквивалентность подтверждается изоморфизмом графов. Этот «тест» применим и между языками. Начнем с того, что сравним прозрачное слово с непрозрачным заимствованным синонимом, например *языкознание* и *лингвистика*. Усмотрение инкорпорации сегмента *лингв* предполагает, разумеется, некоторое знакомство с языком-источником, в данном случае латинским.

Русское слово *открывалка* (вариант: *открывашка*) и финское *avain* «ключ» (от *avata* «открывать») отличаются высоким, но не полным, изоморфизмом. Их различает семантическое наполнение одного узла: действие *открывать* направлено на объект *банка*, а действие *avata* – на объекты типа *ovi* «дверь», *lukko* «замок». Ключи, правда, используются не только для отмыкания, но и для замыкания, но морфемная структура финского слова намекает на то, что первая функция важнее.

Проанализируем, наконец, известное изречение из *Нового Завета*, Матф. 22:21. Приведем его в греческом оригинале и в переводах на латинский, русский и шведский языки (с опущением частиц):

Ἀποδοτε ... τὰ Καίσαρος Καίσαρι καὶ τὰ τοῦ Θεοῦ τῷ Θεῷ.

Quae sunt Caesaris Caesari et quae sunt Dei Deo.

...отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу.

...given... kejsaren vad kejsaren tillhör, och Gud vad Gud tillhör.

Бросается в глаза, что в латинском варианте вместо глагола используется узловой дательный. Подобный прием возможен и в русском языке; на самом деле, первая часть данной цитаты часто передается именно так: *Кесарю кесарево* (или *Кесарево кесарю*). Это максимально сжатое выражение.

Другое различие касается значения «принадлежать». Здесь греческий и латинский варианты используют узловой родительный, русский – притяжательное прилагательное, а шведский – глагол *tillhöra*. Актант данного предиката выражен или местоимением (указательным в греческом, относительным в латинском и шведском), или – в русском – при помощи субстантивации прилагательного.

Полный изоморфизм графов покажем на примере двух структурно отдаленных друг от друга переводов, а именно шведского и русского (последний в «сжатом» варианте; оба с одинаковым порядком актантов):

Given kejsaren vad kejsaren tillhör.

Кесарю[DAT] <<кесар>ев>о.

Разумеется, сходный анализ получает и продолжение цитаты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Та разновидность исследований, о которой здесь шла речь, уже давно не привлекает лингвистов. Насколько известно, не было принято других попыток пересмотра модели Смысл ⇔ Текст в избранном нами направлении.

Вполне оправданно возражение, что чисто валентностное описание слабо отражает многие важные аспекты языка, например

фразеологизмы, актуальное членение предложения, референтность существительных и роль пресуппозиций. Но такой крайне комплексный объект, как человеческий язык, требует много-стороннего подхода. Космос мы научились наблюдать через весь электромагнитный спектр. Таким же образом язык надо изучать, применяя все доступные нам орудия. Именно к созданию такого орудия автор настоящей статьи стремился здесь и в ряде предыдущих работ, более ранние из которых, естественно, теперь в известной степени неактуальны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола // Словарь. Грамматика. Текст. М.: Институт русского языка РАН, 1996. С. 13–43.
2. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей Смысл ⇔ Текст. М.: Наука, 1974. 314 с.
3. Лённогрен Л. Русские падежи сквозь призму валентности // *Poljarnyj Vestnik. Norwegian Journal of Slavic Studies*. 2013. Vol. 16. P. 1–22.
4. Лённогрен Л. Морфологическая производность // *Poljarnyj Vestnik. Norwegian Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 21. P. 56–73.
5. Lakoff G. Instrumental Adverbs and the Concept of Deep Structure // *Foundations of Language*. 1968. Vol. 4. No 1. P. 4–29.
6. Wierzbicka A. Semantic Primitives. Frankfurt am Main, Athäneum, 1972. 235 p.

Lönngren L., The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

THOUGHTS ON VALENCY

This paper employs semantic network – nodes united by dependency arrows – to represent valency relations. These relations obtain not only between words, as is generally held, but between all kinds of linguistic signs, including flexional morphemes, suprasegmental signs expressed by intonation and word order and also totally implicit signs. Not all signs occupy nodes in the network; certain signs are empty or superfluous, for instance the preposition *on* in the phrase *depend (on) something*. An important tool to establish the status of each sign is graphic isomorphy holding between representations of equivalent structures. On the expression plane, signs may be incorporated into other signs. This is indicated by means of angular brackets, for example <read>er; rich<er>. Every sign is regarded as an atomic unit. Semantically, *reader* is not composed by the morphemes *read* and *-er*; the two signs *read* and *reader* occupy separate nodes. Special attention is paid to the valency frame of verbs. Some derived structures are regarded as a result of widening the valency frame by transforming adjuncts into complements. Other fields elaborated at some length are the process of substantiation and isomorphy of expressions belonging to different languages.

Key words: valency, semantic network, linguistic sign, incorporation

REFERENCES

1. Апресян Ю. Д. The dictionary of government and collocations of Russian verbs. *Vocabulary. Grammar. Text*. Moscow, 1996. P. 13–43. (In Russ.)
2. Mel'chuk I. A. A study in the theory of the "Meaning ⇔ Text" linguistic models. Moscow, 1974. 314 p. (In Russ.)
3. Lönngren L. Russian cases through the prism of valency. *Poljarnyj Vestnik. Norwegian Journal of Slavic Studies*. 2013. Vol. 16. P. 1–22. (In Russ.)
4. Lönngren L. Morphological derivation. *Poljarnyj Vestnik. Norwegian Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 21. P. 56–73. (In Russ.)
5. Lakoff G. Instrumental Adverbs and the Concept of Deep Structure. *Foundations of Language*. 1968. Vol. 4. No 1. P. 4–29.
6. Wierzbicka A. Semantic Primitives. Frankfurt am Main, Athäneum, 1972. 235 p.

Поступила в редакцию 22.10.2018

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ИЗМЕСТЬЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики гуманитарно-педагогического института, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Российская Федерация) iz-irina@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕТОПИСНОЙ ПОВЕСТИ «СѦ ОУБЬЄНЬИ БОРИСОВѦ»

Рассматриваются языковые средства передачи пространственно-временных отношений в летописной повести «СѦ оубьєньи БорисовѦ». Материалом исследования послужил текст Лаврентьевской летописи, были привлечены работы В. И. Борковского, С. А. Бугославского, С. П. Обнорского, Д. С. Лихачева, А. Н. Ужанкова, А. А. Шахматова и других ученых. Доказано, что пространство в повести организовано по вертикальной и горизонтальной осям. На горизонтальной оси противопоставлены центр и периферия: грешник исторгается на периферию, за пределы пространства, а святые (их мощи) занимают положение в центре. Для этого летописец в сюжетно-композиционном построении текста выделяет основные действующие лица (*Борисъ, Глебъ, Ярославъ, Святополкъ, Передьслава, дружина* и др.) и географию происходящих событий (*Кыєвъ, Вышегородъ, Смоленскъ, реки Волга и Лъта, церковь Святого Василия*). Указателями духовного пространства выступают определения *помысль Каиновъ* и *образъ Владычень*. Цветовые коды святости (*светъ*) и греха (*тьма*) служат обозначением границы. В повести земной мир не получает цветовой характеристики, а мир небесный передан символически: *свет, светлый, светозарный, златозарный*. Формы глаголов прошедшего времени позволяют отразить смену событий земной жизни (*Святополкъ съзва, приде, рече* и др.), мир небесный как вневременное пространство воплощен формами глаголов настоящего времени (*еста, рекуще, сияющая, просвещающая* и др.). Замысел летописной повести имел целью не только сообщить читателю о событиях борьбы за княжеский престол, определить, как земной мир связан с небесным, но раскрыть божественную сторону мира и ввести читателя в молитвенное состояние.

Ключевые слова: пространство и время в древнерусской картине мира, горизонтальная и вертикальная оси, земной и божественный мир, центр и периферия, цветовые коды, постпозиция и препозиция определений, глагольные формы

Изучение языка «Повести временных лет» (далее ПВЛ) имеет длительную историю, известны фундаментальные труды П. А. Лавровского, М. А. Колосова, Е. Ф. Будде, Н. П. Некрасова, Е. Ф. Карского, В. И. Борковского и других ученых¹, которые рассмотрели фонетические особенности Повести, описали графическую систему, дали характеристику морфологическому строю памятника, его синтаксическим особенностям. На протяжении всего XX века продолжается изучение лексического состава ПВЛ в работах С. П. Обнорского, А. С. Львова, Ф. П. Филина, О. В. Творогова, М. М. Копыленко и др.² Борисоглебский цикл, в который входит летописная повесть «СѦ оубьєньи БорисовѦ»³, рассмотрен в русле текстологических разысканий М. Х. Алешковским [2], С. А. Бугославским [4], Л. Мюллером [15], А. В. Поппэ [8], А. Н. Ужанковым [11], [12], А. А. Шахматовым [14] и др. Д. С. Лихачев [6] определил приемы поэтики художественного времени и художественного пространства в древнерусской литературе. О пространственно-временной картине мира в русской средневековой культуре писали Ю. М. Лотман [7], А. М. Ранчин [9], В. Д. Черный [13] и др.

Рассматривая Борисоглебский цикл, А. М. Ранчин показал, что

текст «Сказания...» организован по двум пространственным осям – горизонтальной и вертикальной. На горизонтальной оси противопоставлены центр и периферия: великий грешник исторгается на периферию и за пределы «своего» пространства, а святые (их мощи) занимают положение в центре. В вертикальном измерении контрастируют верх (земной, Вышгород, и небесный – престол Господа и место пребывания душ страстотерпцев и их отца) и низ (ад, место вечных мучений Святополка) [9: 35].

Центр и периферия, продвижение героев повести «СѦ оубьєньи БорисовѦ» по вертикальной и горизонтальной осям переданы всеми языковыми средствами текста. Видимый мир первоначально находится на первом плане, он определен сюжетно-композиционным построением повести, в котором обозначены действующие лица (*Борисъ, Глѣбъ, Ярославъ, Святополкъ, Передьслава, дружина, втрокъ, слугы, поварь* и др.) и география происходящих событий: земля русская – *Кыєвъ, Вышегородъ, Смоленскъ, реки Волга и Лъта, цркъвь стаѣ Василия*. П. Лавровский обратил внимание на тот факт, что при

употреблении падежей для слов, обозначающих место, «находим гораздо более определительности», чем при употреблении слов, выражающих понятие времени⁴. Сообщение о действующих лицах сопровождается уточняющей характеристикой родства, социального положения, физического или душевного состояния, часто при помощи притяжательных местоимений: «ѡцѣмъ своимъ», «ѡтрокы своими», «рабомъ своимъ», «ѡ брата своего», «братолюбѣмъ своимъ», «руцѣ свои», «ѡдрѣ своимъ», «дѣию мою», «мѣтву мою» и др. Личное пространство героев конкретизируется двойным определением: притяжательные местоимения соотносятся с полными прилагательными или существительными, которые подчеркивают отличительный признак: «лице твое ангѣлское», «брате мои любимыи», «брата своего старѣшаго», «брата моего Бориса»; обозначается как социально значимое: «кнзѣмъ нашимъ», «дружина ѡтна», «столѣ ѡтни», при этом всегда получает нравственную оценку «сборъ злобивыхъ», «звѣрьѣ дивии», «Сѣполкъ же ѡканьныи» и стремится к небесному «Бѣ нашему», «свершенье Бжѣ».

Определения, стоящие в постпозиции, выполняют не только функцию уточнения «ѡтрокы Борисовы», «корабль Глѣбовъ», «ѡтроци Глѣбови», «поварѣ же Глѣбовъ», «снѣ Оугрескъ», определения используются как символы-указатели духовного пространства, в котором противопоставлены «помысль Каиновъ» и «ѡбразъ Влѣдчнъ», «ликы мчѣньскыѣ», «ликы стѣхъ».

Автор повести прибегает к препозиции определений, чтобы не только ввести устойчивую и известную характеристику (Вышегородскыѣ боларыцѣ), но указать границу между греховным и Божественным. Как только возникает преступный замысел, вводится оппозиция «ѡканьныи Сѣполкъ» – «блѣжныи Борисъ», которая обозначает направление: Святополкъ движется в сторону греха и забвения, Борис и Глеб – к Богу и почитанию⁵. Обозначенная граница между земным и небесным передается местом определений: препозиция «свою дѣию» («безаконье нечестье бо *свою дѣию* емлютъ») выполняет типичную номинативную функцию без эмоционально-логического выделения; постпозиция определения «дѣию мою», «мѣтву мою», «болѣзнь мою» в молитвенном плаче Бориса («яко не ѡправдится предѣ тобою всакъ живыи . . . яко погна врагъ *дѣию мою*») выполняет выделительную функцию, передавая внутреннюю напряженную борьбу. Борис лишается жизненного пространства («яко ѡбидоша ма оунци тучни. и сборъ злобивыхъ ѡсѣде ма»), борьба внутреннего порядка выражена призывом: «Гси Бѣ мои на та упоѡахъ и сгси ма». Определения, находясь в постпозиции, несут в себе обобщающее значение, их выразительность повышается.

Преломление земного в небесное поддержано сменой уточняющих определений в метафорические, которые позволяют создать обобщенный образ горнего мира и дать оценку злодеянию, при этом местоположение определений (в препозиции или постпозиции) уравновешенно, определения выполняют характерологическую функцию: «нбснаа житѣла», «нбсныа ѡбители» – «в сѣлѣхъ нбсныхъ»; «бжѣстнами лучами» – «дхмъ божѣственнымъ»; «цѣлѣбныа даръ» – «воды живоносныа»; «стѣхъ заповѣди», «стаѣ Василья» – «каплами кровными стѣми»; «единомысленаа служитѣла» – «верста единоѡбразна» и др. Зло обозначено символически: «ѡ злобѣ силныи», «стрѣсти злыа» – «лукаваго змиа», «супротивнаго дѣявола», «золѣ члѣвкъ» – «члѣвкъ золѣ».

Духовное восхождение оформлено с помощью пространственного предлога-послелога *ради*: «грѣхъ ради нашихъ», «спсѣныа ради нашего». В. В. Колесов подчеркивает, что значение причины содержится в целом сочетании [5: 653]⁶.

Цветовые коды святости (свѣтъ) и греха (тьма) определяют пространственные границы. «Свет» и «тьма» являются основными антиномиями Священного Писания⁷, в повести цветное описание красоты и величия божественного мира обозначено символически: Бжѣими свѣтлостями, «свѣтлѣи звѣздѣ», «светозарное слѣнце», «свѣтъ разумныи», «в мѣстѣхъ златозарныхъ»⁸. Подчеркнуты черты божественного мира: безграничность («радости бесконечныи»), беспредельность («свѣтоносная любѣ нбснаа»), невыразимость («свѣтъ неиздреченыиѣмъ», «неиздреченною радостью»), наполненность любовью и добром («раискую пищу», «свѣтилника предѡбраа», «заступника теплаа»). В повести мир земной не имеет цветовой характеристики, но подчеркнута тьма, покрывающая землю. Святые братья, «тму ѡгонаща», защищают землю русскую. Мир небесный передан световым описанием, имеющим значение «святой, божественный». В похвале Борису и Глебу, благодаря многократному повтору «радуитася», свето-цветовая характеристика (светозарный, светоносный, свет разумный, златозарный, светозарное солнце) функционально насыщена: «всегда тму ѡгонаща», «стрѣсти злыа ицѣлающа», «бѣсы ѡгонаща», «ицѣленьѣ подаста». Соотнося поступки героев с событиями Ветхого и Нового заветов, автор повести подводит читателя к постижению мира духовного. «Сравнение в древнерусской литературе поддается не мироощущением, а мировоззрением» [6: 153]. В семантической структуре текста грех обозначен как безаконье, «помысль Каиновъ» и ограничен тьмой: «Сѣполкъ же приде ночью Вышегороду», «послании же придоша на Лѣто ночью».

Пространственно-временная картина повести динамична, лексический повтор позволяет не только сформировать устойчивый облик

действующих лиц и передать развитие событий («такъ братья ихъ бѣша с Борисомъ. и Борису же възвратившюся съ вои»; «рѣша же юму дружина вѣдѣти. се дружина оу тебе вѣдѣти»; «се любимъ Борисомъ ... югоже любляше повелику Борисъ» и др.), но обеспечить взаимосвязь между внешним миром и внутренним, земным и небесным: «примѣи стрѣти грѣхъ ради нашихъ . тако и мене сподоби прияти стрѣти», показать, как формируется образ святых и происходит движение к небесному: «Борисъ . вънець приеми ѿ Хса Ба съ праведными. причетъся съ прѣркъы и апсѣлы. с ликы мчнчѣскими водвара сѣ»; (Глеб) «и приа вънець вшедъ въ нбсныя вбители».

Динамичный характер событий подчеркнут текстообразующей усилительной частицей *же*, которая события повести соотносит друг с другом (Сѣополкъ *же* – они *же*, Борисъ *же* – дружина *же* и т. п.), наречиями с временными и пространственными значениями, например: к Борису «послании придоша на Лѣто ночью . и подступиша ближе», убийство свершается не сразу. Борис успевает пропеть заутреню, Псалтырь и Канон, помолвившись, «возлеже на вдрѣ своемъ», после нападения он еще жив, и только по дороге один из варягов пронзает сердце Бориса. Весть о смерти брата и грозящей опасности настигает «Глѣба на Смадинѣ в насадѣ». Глебу остается время только на короткую молитву, больше похожую на плач. Послании «внезапу придоша», «абые ... вбнажиша в оружье», они должны были «вборзѣ реззати Глѣба». Пространственно-временные координаты гибели братьев оказываются различными.

Временной план повести определен глагольными формами повествовательного аориста, которые имеют различные оттенки действия: сначала передают череду свершившихся событий и замысел преступления (Свѣтополкъ *же* сѣде, съзва, приде, призва, речѣ), затем убийство и его последствия (послании *же* придоша, подступиша, слышаша, нападоша, прободоша, избиша, усѣкнуша, вбрѣтоша, повезоша). В тексте отражено не только согласование по форме (например, Свѣтополкъ речѣ – послании нападоша), семантически глагольные формы единственного и множественного числа аориста передают результат совместного законченного действия: Свѣтополкъ и послании ѿ Сѣополка связаны злодеянием.

По отношению к Борису и Глебу семантически формы ед. и мн. числа аориста подчеркивают оппозицию: по одну сторону находятся братья, по другую – воины, дружина, посланные, окаянные. Глаголы чувственного действия характеризуют душевное состояние братьев (Борисъ плакаса, помолиса, Глѣбъ възпи плачаса, радовашеса), которое дополнительно описано формами, отражающими различную степень вероятности или

возможности действия, например, размышления о необходимости сделать выбор: «се ми буди въ вѣдѣ мѣсто» (Борис), «быхъ ... видѣлъ лице твое ангѣлское . оумерлъ быхъ», «быхъ приахъ» (Глеб). Принятие братьями решения передано составным глагольным сказуемым (аористом в сочетании с инфинитивом), появляется дополнительное модальное значение перехода к новому действию, основное смысловое значение передано инфинитивом: нача пѣти (заутреню, псалтырю, канунъ), сподоби прияти (Борис), нача молитиса (Глеб). Так, по отношению к братьям использованы формы аориста единственного числа внутреннего действия, что позволило расширить пространственно-временные рамки происходящих событий, передать душевное состояние братьев. Глаголы в форме множественного числа отражают физические действия посланных по отношению к братьям (нападоша, прободоша, повезоша, положиша и др.). Возникает разнонаправленность сменяющих друг друга событий.

Если Свѣтополкъ и посланные связаны преступлением, то Бориса и Глеба объединили смирение и любовь, как начало пути к святости. Единение братьев передано формой анафорического двойственного числа наст. вр. «въ идеальномъ “вечномъ”» [5: 324] значении (есть заступника Русьстѣи земли, радуитаса, молитаса, покорита, сподобита, подаета и др.), усилено действительным причастием наст. вр. (ѿгонаща, молашаса, сияюща, ицѣляюща, просвѣщающа, напающа). Констатация фактов в аористе сменяется длительным настоящим временем, которое получает в похвале братьям вневременное символическое значение вечности.

Благодаря восхождению к светоносной небесной любви люди русские получили возможность иметь «цѣлебныя дары»: «ицѣлѣнье . хромымъ ходити . слѣпымъ прозрѣнье . болашимъ цѣлбы . вкованымъ разрѣшенье . темницамъ ѿверзенье . печальнымъ оутѣха . напастнымъ избавление». Небесное и земное сходятся в молитвенном служении: Борис и Глеб, как заступники земли Русской и светильники сияющие, молятся «къ Влѣдѣ . въ своихъ людехъ». Автор повести призывает и представляет: «тѣмъ же и мы должни есмы хвалити достойно стрѣпца Хса . молашеса прилѣжно к нима».

Замысел летописной повести имел целью не только сообщить читателю о событиях борьбы за княжеский престол, но показать божественную сторону мира, ввести в молитвенное состояние. Д. С. Лихачев подчеркивал, что в Древней Руси чтение

приближалось к исполнению обряда, часто непосредственно переходило в обряд, древнерусский читатель «участвует» в чтении, как участвует молящийся в богослужении [6: 93, 252].

Таким образом, пространственно-временная картина летописной повести организована

различными грамматическими и лексическими средствами языка, которые позволяют показать земной мир, ограниченный географическими границами, временными рамками, где события имеют начало, развитие и завершение; где про-

исходит нравственный выбор героев; показать божественный мир, открывающийся взору читателя благодаря комментариям летописца, ссылкам на Священное Писание, молитвенному плачу и похвале страстотерпцам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. Лавровский П. О языке северных русских летописей. СПб., 1852. 163 с.; Колосов М. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XIV столетие. Варшава, 1872. 192 с.; Будде Е. Из занятий по языку Лаврентьевского списка Начальной летописи // Филологические записки. 1889. Вып. 1. С. 1–24; 1891. Вып. 3. С. 25–26; Некрасов Н. П. Заметки о языке «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку // Известия Отделения русского языка и словесности. 1896. Т. 1. С. 832–927; 1897. Т. 2. Кн. 1. С. 104–174; Карский Е. Ф. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи // Известия АН СССР по русскому языку и словесности. 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 1–754; Борковский В. И. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку // Труды Комиссии по русскому языку АН СССР. 1931. Т. 1. С. 1–91.
- ² См. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (По материалам летописей) // Ученые записки Ленинградского педагогического института. 1949. Т. 80; Копыленко М. М. О фразеологии «Повести временных лет» // Вопросы языкознания и методики преподавания иностранных языков. Алма-Ата: Казахстан, 1965. С. 158–173; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1975. 367 с. и др. Ученые проанализировали функционирование старославянской и русской лексики в древних памятниках, определили зависимость словоупотребления в летописях не только от жанра, но и «от индивидуальной судьбы каждого старославянизма в древнерусском литературном языке» [10: 210]. П. Лавровский особое внимание обратил на употребление слов, «нередко потерянных в современном языке»⁴. О. В. Творогов подчеркнул, что «любой фрагмент ПВЛ представляет собой сложную мозаику из специфических русизмов и старославянизмов на фоне нейтральной, общей обоим языкам лексики» [10: 209].
- ³ Сѣ оубьньи Борисовѣ // Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. С. 132–139.
- ⁴ Лавровский П. О языке северных русских летописей. СПб., 1852. С. 96, 99.
- ⁵ Обращено внимание исследователей на внутреннюю семантическую оппозицию: блаженный Борис – святой Глеб, определяющую историю становления и развития почитания братьев. См.: [2], [3], [4], [8] и др.
- ⁶ «Ради – падежная форма от слова, родственного глаголу радѣти “заботиться”» [5: 652]. «Причина – идеальный род, в состав которого входят повод, условие, начало и прочие виды проявления причинности, включая и основополагающий вид “пространство”» [5: 652].
- ⁷ «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет» (Ис. 9:2).
- ⁸ «Как золото – “абсолютная метафора” света, так свет – “абсолютная метафора” Бога: “Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы”» (1 Ин 1:5) [1: 411]. Форма *злато*- употреблена в символическом значении божественного света (*златозарный*), в случае *злату велику* содержится лишь указание на металл и изделие из него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 404–425.
2. Алешковский М. Х. Русские Глебоборисовские энколпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство: художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972. С. 104–125.
3. Биленкин В. «Чтение» преп. Нестора как памятник «глебоборисовского» культа // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 47. СПб., 1993. С. 54–64.
4. Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. М.: Языки славянской культуры, 2007. 672 с.
5. Колосов В. В. История русского языка: Учеб. пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2005. 672 с.
6. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979. 360 с.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
8. Поппэ А. В. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 54. СПб., 2003. С. 304–336.
9. Ранчин А. М. Вертоград Златословный: древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 576 с.
10. Творогов О. В. К вопросу об употреблении старославянизмов в «Повести временных лет» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 208–214.
11. Ужанков А. Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 28–50.
12. Ужанков А. Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий (Окончание) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1 (3). С. 37–49.
13. Черный В. Д. Зримые образы слова (истoki, функции и выразительные возможности древнерусских изображений) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11 / Общество исследователей Древней Руси; Отв. ред. М. Ю. Люстров. М.: Языки славянской культуры: Прогресс-традиция, 2004. 912 с.
14. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М.: Академический проспект; Жуковский: Кучково поле, 2001. 880 с.
15. Gröber B., Müller L. Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik. München, 1977–1979. Bd. 1. Vol. 1–2.

Izmestjeva I. A., Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation)

LANGUAGE MEANS OF DISPLAYING SPATIO-TEMPORAL RELATIONS IN THE CHRONICLE *О ОУБЪЕННІИ БОРИСОВЪ*

The article considers the linguistic means of displaying space-time relations in the annalistic chronicle *About Murdering Prince Boris* (*О оубъеннѣ Борисовѣ*). The text of the Laurentian Chronicle served as the research material, studies by V. I. Borkovsky, S. A. Bugoslavsky, S. P. Obnorsky, D. S. Likhachev, A. N. Uzhankova, A. A. Shakhmatov and other scholars were used. It has been proved that the space in the story is organized along the vertical and horizontal axes. On the horizontal axis, the center and the periphery are contrasted: the sinner is moved to the periphery, beyond the limits of space, while the saints (their relics) occupy the position in the centre. For this purpose the chronicler distinguishes the main characters (*Boris, Gleb, Yaroslav, Svyatopolk, Peredslava, družhina*, etc.) and the geography of the events (*Kiev, Vyshgorod, Smolensk, the Volga and the L'ta rivers, St. Basil's Church*) in the plot and composition structure of the text. The spiritual space is indicated by the definitions of *the Cain's thoughts* and *the Lord's image*. The colour codes of holiness (*light*) and sin (*darkness*) serve for the boundary designation. In the story the terrestrial world is not given any colour characteristics, and the divine world is rendered symbolically – as *light* or *radiant*. The past forms of verbs reflect the change in the events of the terrestrial life, while the divine world as a timeless space is embodied by the present forms of verbs. The idea of the chronicle story was not only to inform the reader about the events of the struggle for the princely throne, to determine how the terrestrial world is connected with the divine one, but to reveal the divine side of the world and prompt the reader into a prayerful state.

Key words: space and time in the Old Russian picture of the world, horizontal and vertical axes, terrestrial and divine worlds, centre and periphery, colour codes, postposition and preposition of definitions, verbal forms

REFERENCES

1. Averincev S. S. Gold in the system of symbols of the early Byzantine culture. *Poetics of the early Byzantine literature*. St. Petersburg, 2004. P. 404–425 (In Russ.).
2. Aleshkovskij M. H. Russian encolpions devoted to Princes Boris and Gleb from 1072–1150. *Ancient Russian art: art culture of pre-Mongolian Russia*. Moscow, 1972. P. 104–125 (In Russ.).
3. Bilenkin V. Reading by Reverend Nestor as a monument of the cult of Princes Boris and Gleb. *Proceedings of the Department of the Old Russian Literature*. Vol. 47. St. Petersburg, 1993. P. 54–64. (In Russ.).
4. Bugoslavskij S. A. Textology of Ancient Russia. Vol. 2. Old Russian literary works about Boris and Gleb. Moscow, 2007. 672 p. (In Russ.).
5. Kolesov V. V. History of the Russian language: Textbook. St. Petersburg, Moscow, 2005. 672 p. (In Russ.).
6. Likhachev D. S. Poetics of Old Russian literature. Moscow, 1979. 360 p. (In Russ.).
7. Lotman Ju. M. Inside the thinking worlds. Human – text – semiosphere – history. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.).
8. Poppe A. V. Earthly death and heavenly triumph of Boris and Gleb. *Proceedings of the Department of the Old Russian Literature*. Vol. 54. St. Petersburg, 2003. P. 304–336. (In Russ.).
9. Ranchin A. M. The Golden-Worded Garden: Old Russian book culture in the interpretations, analysis and reviews. Moscow, 2007. 576 p. (In Russ.).
10. Tvorogov O. V. On the use of the Old Church Slavic words in *The Tale of Bygone Years*. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow, Leningrad, 1963. Vol. 19. P. 208–214. (In Russ.).
11. Uzhankov A. N. Holy martyrs Boris and Gleb: the history of canonization and hagiography. *Ancient Russia. Issues of medieval studies*. 2000. No 2. P. 28–50. (In Russ.).
12. Uzhankov A. N. Holy martyrs Boris and Gleb: the history of canonization and hagiography (final part). *Ancient Russia. Issues of medieval studies*. 2001. No 1 (3). P. 37–49. (In Russ.).
13. Chernyj V. D. Visible images of the word (sources, functions and expressive possibilities of old Russian images). *Hermeneutics of the Old Russian literature*. Issue. 11. Moscow, 2004. 912 p. (In Russ.).
14. Shakhmatov A. A. Studying Russian chronicles. Moscow, 2001. 880 p. (In Russ.).
15. Gröber B., Müller L. Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik. München, 1977–1979. Bd. 1. Vol. 1–2.

Поступила в редакцию 29.05.2018

ТАТЬЯНА СТАНИСЛАВОВНА БОРИСОВА

кандидат филологических наук, PhD, доцент факультета русской филологии и славяноведения, Афинский национальный университет имени И. Каподистрии (Афины, Греция)

borisova@slavstud.uoa.gr

ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ПОЭТИКИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Статья посвящена анализу особенностей воспроизведения поэтических средств византийской гимнографии в ранних славянских переводах. Исследование проводилось на материале церковнославянского перевода Антифонов Великой Пятницы по пятнадцати южно- и восточнославянским спискам XI–XIV веков из богослужебных сборников (триодей и стихирарей), разделенным нами на четыре хронологически последовательные редакции. Диахронный подход, основанный на сопоставлении вариантов различных редакций, позволил выделить поэтические средства византийских гимнографов, правильной передаче которых славянские переводчики и редакторы уделяли особое внимание при переводе и последующем переписывании и редактировании текста. К ним относятся синтаксический параллелизм, лексические повторы и паронимия как корневых морфем, так и аффиксов. Были выделены две редакции, отличающиеся более высокой в сравнении с другими степенью передачи образных средств: редакция, восходящая к первому славянскому переводу, и редакция, появившаяся в результате Афонской sprawy. Данные редакции по-разному подходят к переводу поэтического текста: если создатель первой редакции пытается не механически перенести образные средства оригинала, но создать подобные им в тексте перевода, то справщик Афонской редакции стремится совместить дословную точность с точностью поэтической. Результаты исследования позволяют лучше представить процесс формирования поэтического арсенала церковнославянского языка.

Ключевые слова: церковнославянская книжность, византийская гимнография, переводы богослужебных текстов, Антифоны Великой Пятницы, историческая поэтика, паронимия, паронимия, синтаксический параллелизм

Общеизвестно, что поэтические языковые средства русского и других славянских языков, входящих в ареал *Slavia Orthodoxa*, формировались под непосредственным влиянием византийских образцов. Однако конкретный механизм этого культурного и языкового переноса, осуществлявшегося путем перевода на церковнославянский язык и последующей языковой и культурной ассимиляции византийских текстов, остается до сих пор практически неисследованным [4: 187]. Цель настоящей работы – прояснить некоторые аспекты и этапы данного процесса на материале церковнославянского перевода одного из шедевров византийской гимнографии – единственного во всем годовом богослужении цикла из 15 антифонов разных гласов, исполняющихся на утрени Великой Пятницы в промежутках между чтением 12 Евангелий Святых Страстей¹ [9: 208–224].

Для изучения поэтической структуры данного церковнославянского текста был применен использовавшийся нами ранее метод диахронного сравнительного анализа поэтики переводных славянских гимнов [2], [7]. Суть этого метода состоит в сопоставительном рассмотрении степени передачи художественно-образительных средств в различных редакциях и списках на

ранних этапах истории славянского текста [2: 42–43]. Известно, что в древней церковнославянской книжности, существовавшей в рукописной форме, текст не имел фиксированного вида, но был представлен множеством вариантов, содержащихся в различных рукописных традициях [6: 7]. Некоторые из этих вариантов возникали вследствие ошибок переписчиков рукописей, другие были результатом сознательных исправлений, вносимых в текст писцами и редакторами. В случае переводных гимнографических текстов церковнославянский текст неоднократно исправлялся по греческому оригиналу произведения [10: 131–133]. Диахронный подход к переводному славянскому тексту, представленному в рукописной традиции, предполагает не только реконструкцию исходной формы данного текста, но также и воссоздание всех изменений, произошедших в нем за время его истории, и объяснение их возможных причин в сопоставлении с рукописной традицией греческого оригинала произведения. Таким образом, при диахронном рассмотрении славянский текст приобретает и еще одно – временное – измерение, а мы, наблюдая за жизнью перевода, получаем возможность проследить за развитием церковнославянского языка в целом. Данный

подход, который может быть использован при изучении различных аспектов переводного текста, приобретает особую важность при рассмотрении его поэтической структуры. Именно он дает исследователю возможность посмотреть на текст не сквозь призму современных ему поэтических категорий, но с позиций средневекового книжника, оценить различные его элементы – в нашем случае поэтические – на основании его оценочной шкалы, с точки зрения того, что сам создатель или читатель данного текста понимали под поэтичностью. Важность данных сведений особенно велика для средневековой церковнославянской книжности, от которой до нас дошло немного теоретических трудов по поэтике и риторике.

Диахронное рассмотрение поэтики переводных славянских текстов обязательно должно отталкиваться от результатов текстологического исследования, выявляющего взаимоотношения различных славянских списков, хронологическую последовательность появления редакций текста и связи церковнославянского перевода и греческого оригинала. В данном случае оба исследования, проводившиеся параллельно, основывались на следующих 15 славянских списках XI–XIV веков из различных рукописных богослужебных сборников:

Южнославянского происхождения:

1. Триодь постная и цветная (*Шафариковская*), конец XII – начало XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F. п. I. 74 (далее *Шафар.*),
2. Триодь постная и цветная, первая половина XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F. п. I. 68 (далее *F. п. I. 68*),
3. Триодь постная и цветная (*Загребская*), XIII в., Загребский Архив, Скопия, IV d 107 (далее *Загреб.*)²,
4. Триодь постная и цветная (*Орбельская*), XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F. п. I. 102 (далее *Орбел.*)³,
5. Триодь постная и цветная, конец XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F. п. I. 92 (утрачены листы, на которых содержались антифоны с шестого (второй тропарь) до одиннадцатого (предпоследний тропарь)) (далее *F. п. I. 92*),
6. Триодь постная и цветная, конец XIII в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Хлудова, шифр 133 (далее *Хлуд. 133*),
7. Триодь постная и цветная, 1328 г., Национальная библиотека Сербии, Белград, шифр 645 (далее *НБС 645*),
8. Триодь цветная, 1359, рукописное собрание монастыря Святой Екатерины на Синае, шифр Slavonic 24 (далее *Slav. 24*),
9. Триодь цветная, 1392, Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Хлудова, шифр 134 (далее *Хлуд. 134*).

Восточнославянского происхождения:

1. Триодь постная и цветная (*Триодь Моисея Киянина*), конец XII – начало XIII в., Российский государ-

ственный архив древних актов (РГАДА), Москва, фонд 381, шифр 137 (далее *Киян.*),

2. Триодь цветная (*Синодальная*), русская, XI/XII в. и XIII в., Российский государственный архив древних актов (РГАДА), фонд 381, № 138,
3. Триодь цветная, нотированная, русская, кон. XII в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, Воскресенское собрание, шифр 27,
4. Стихирарь постный и цветной, русский, XII в., собрание славянских рукописей Хиландарского монастыря, шифр 307, цитируется по фототипическому изданию Р. Якобсона⁴, пропущенный лист между листами 41 и 42 с текстом антифонов – собрание Димитриевского, шифр 44 (Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург),
5. Стихирарь постный и цветной, нотированный, русский, XIII в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Успенского, шифр 8,
6. Стихирарь постный и цветной, нотированный, русский, конец XII – начало XIII в., Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Москва, фонд 381, шифр 147.

Греческий оригинал текста привлекался для сопоставления по используемым в современной богослужебной практике триодям⁵, а также по изданию А. Паподопулоса-Керамеуса⁶.

Сопоставление состава тропарей антифонов списков, а также разночтений между списками позволило выделить следующие хронологически последовательные редакции славянского текста:

- 1) древнейшая славянская редакция, вероятно, восходящая к первому корпусу славянских переводов византийской гимнографии, в наиболее полном виде представленная в *F. п. I. 68* и *Киян.* (далее *редакция А*),
- 2) редакция, вероятно, возникшая в результате первого этапа так называемой Преславской sprawy славянских литургических книг, отразившаяся в полном виде во всех восточнославянских списках, за исключением *Киян.*, а также в компиляциях с редакцией А в списках *Загреб.*, *НБС 645* и *F. п. I. 92.* (далее *редакция Б*),
- 3) редакция, отразившая второй этап Преславской sprawy и повлиявшая исключительно на болгарскую традицию. В относительно чистом виде сохранилась в *Хлуд. 133*, в компиляции с редакциями А и Б – в *Орбел.* и *Шафар.* (далее *редакция В*),
- 4) наконец, редакция, появившаяся в результате масштабной sprawy всех славянских богослужебных книг, проведенной на горе Афон в конце XIII века, рассмотренная по спискам *Slav. 24* и *Хлуд. 134.* (далее *редакция Г*).

Фрагменты текста для сопоставительного анализа выбирались по следующим параметрам:

1. Наличие данного фрагмента текста (точнее, тропаря, его содержащего) во всех указанных выше редакциях. Необходимо отметить, что рассматриваемый цикл антифонов окончательно сформировался в форме, зафиксированной в современных греческих богослужебных книгах, лишь к концу X века, сохраняя значительные расхождения в количестве и составе тропарей в ранних византийских рукописных традициях [9: 217–220]. Эти различия отразились и в церковнославянской книжности вплоть до XV века. Больше всего различий присутствует в богородичных тропарях, завершавших каждый антифон. Поэтому богородичные, а также другие тропари, отсутствующие в одной или нескольких редакциях, не включались в анализируемый материал.

2. Наличие в греческом оригинале рассматриваемого фрагмента различных поэтических средств. На данном этапе исследования мы анализировали следующие фонетические, морфологические, лексические и синтаксические образные средства:

- а) паронимазия – использование двух или более этимологически неродственных слов сходного звучания, но различного значения [8: 26–27];
- б) паронимия – поэтический повтор двух или более различных слов с одинаковыми морфемами [8: 26]; в рамках данного образного средства далее выделяются:
 - повторы корневой морфемы;
 - повторы деривационного префикса;
 - повторы суффикса и/или флексии (гомеоптотон или гомеотелевт) [1: 234–240];
- в) лексический повтор – намеренное повторение в образных целях одного и того же слова в одной или различных грамматических формах;
- г) синтаксический параллелизм – повторение сходных синтаксических конструкций [8: 29–41].

Всего было проанализировано 11 фрагментов из 10 антифонов. Результаты сопоставительного анализа представлены ниже.

1. Антифон 1, тропарь 3.

Греческий оригинал: Τὰς αἰσθήσεις ἡμῶν, καθαρὰς τῷ Χριστῷ παραστήσωμεν, καὶ ὡς φίλοι αὐτοῦ, τὰς ψυχὰς ἡμῶν θύσωμεν δι' αὐτόν, καὶ μὴ ταῖς μερίμναις τοῦ βίου, συμπνιγῶμεν ὡς ὁ Ἰούδας, ἀλλ' ἐν τοῖς ταμείοις ἡμῶν κράζωμεν... – синтаксический параллелизм, усиленный гомеоптотон (παραστήσωμεν – θύσωμεν – συμπνιγῶμεν – κράζωμεν) и троекратным лексическим повтором местоимения ἡμῶν. Редакция А: чувѣства наѣа чиста хрѣи прѣдѣставимъ и ѿко дровъзи его дѣше наѣе положимъ его ради а не печальми житни-

скими съ оудавимъ се ѿко же иудѣ нѣ въ храмѣ наѣемъ възъпиемъ... – сохранение синтаксического параллелизма и гомеоптотона, ослабленного наличием возвратной формы (оудавимъ се), лексический повтор местоимения ослаблен употреблением различных грамматических форм. Кроме того, буквально неточный перевод множественного числа единственным (ἐν τοῖς ταμείοις ἡμῶν – въ храмѣ наѣемъ) создает новый гомеоптотон (наѣемъ – възъпиемъ). В редакциях Б и В данная неточность исправляется, за исключением этого текст не претерпевает существенных изменений. В редакции Г замена возвратного глагола на возвратное местоимение (оудавимъ се – оудавимъ себе) усиливает параллелизм и гомеоптотон, приближая поэтическую структуру перевода к оригиналу.

2. Антифон 2, тропарь 1.

Греческий оригинал: Ἐδραμε λέγων ὁ Ἰούδας, τοῖς παρανόμοις γραμματεῦσι. Τί μοι θέλετε δοῦναι, καὶ γὰρ ὑμῖν παραδώσω αὐτόν; ἐν μέσῳ δὲ τῶν συμφωνούντων, αὐτὸς εἰσθήκεις ἁοράτως συμφωνούμενος. Καρδιογνώστα, φέισαι τῶν ψυχῶν ἡμῶν. – сочетание двух паронимий: повтора префикса (παρανόμοις – παραδώσω) и корня (δοῦναι – παραδώσω) – с лексическим повтором форм одного слова (συμφωνούντων – συμφωνούμενος). Редакция А: тече гѣе иудѣ кѣ беззаконънымъ книгочиамъ чѣто ми хошете дѣти и азъ вамъ прѣдамъ его срѣдѣ же свѣщаваше ищущи хъ самъ стоиши невидимо свѣщамъ срѣдчевѣдѣче гѣи помѣлюи нас – лексический повтор сохранен (свѣщаваше – свѣщамъ), однако из двух паронимий оригинала сохраняется только одна – корневая дѣти – прѣдамъ. Взамен утраченной создается новая корневая паронимия срѣдѣ – срѣдчевѣдѣче. В редакциях Б и В данные образные средства не меняются. В редакции Г справщиком вносятся лексические изменения (взамен пары свѣщаваше – свѣщамъ употребляется продажцихъ – продаемъи), которые не только сохраняют лексический повтор, но и делают более явными звуковые повторы славянского текста (прѣдамъ – посрѣдѣ – продажцихъ – продаемъи).

3. Антифон 4, тропарь 1.

Греческий оригинал: Σήμερον ὁ Ἰούδας, καταλιμπάνει τὸν Διδάσκαλον, καὶ παραλαμβάνει τὸν διάβολον, τυφλοῦται τῷ πάθει τῆς φιλαργυρίας, ἐκπίπτει τοῦ φωτός, ὁ ἐσκοτισμένος, πῶς γὰρ ἡδύνατο βλέπειν, ὁ τὸν φωστῆρα πωλήσας, τριάκοντα ἀργυρίων, ἀλλ' ἡμῖν ἀνέτειλεν ὁ παθὼν ὑπὲρ τοῦ Κόσμου, πρὸς ὃν βοήσωμεν. Ὁ παθὼν, καὶ συμπαθὼν ἀνθρώποις, δόξα σοι – синтаксический параллелизм первой фразы усиливается гомеоптотон (καταλιμπάνει – παραλαμβάνει) и паронимазией (Διδάσκαλον – διάβολον). Образная система остального текста тропаря, в основе

которой лежит метафорическое противопоставление света и тьмы, строится на четырехкратном (πάθει – ὁ παθὼν – ὁ παθὼν – συμπαθὼν) и двукратном (τοῦ φωτός – τὸν φωστῆρα) повторе корневых морфем. Редакция А: днесь иудѣ вставлѣть оучителѣ и приемлетѣ динавола вслѣпе похотию сребролюбивѣ ниспаде ѿ свѣта вмраченѣ како во можаше зрѣти продавъ свѣтило на трехъдесетѣхъ сребръницѣхъ нѣ намѣ всиааь страдавѣ за миръ кѣ немоу же възпиемъ страдавѣ за миръ и мѣлюи чѣлвкѣ слава тебѣ – славянский перевод сохраняет только синтаксический параллелизм и гомеоптотон (вставлѣть – приемлетѣ), а также паронимию свѣта – свѣтило. Греческая 4-членная паронимия с корнем πάθ- превращается в двухчленный лексический повтор слова страдавѣ. Однако начиная с редакции Б и вплоть до редакции Г происходит замена лексемы похотию на синонимичную страстиѣ, что усиливает данную паронимию еще одним третьим членом, существенно улучшая общую поэтическую структуру тропаря.

4. Антифон 5, тропарь 2.

Греческий оригинал: πάσχω γὰρ ὡς ἄνθρωπος, καὶ σῶζω ὡς φιλάνθρωπος – синтаксический параллелизм, усиленный корневой паронимией.

Редакция А: страждоу во яко чѣлвкъ и спасю же яко млсрдѣ – параллелизм сохраняется, однако паронимия теряется. Исправления, сделанные в редакциях Б и Г, восстанавливают паронимию оригинала. Ср. вариант редакции Г: страждѣ во яко чѣлвкъ и спасѣ яко члвкъ коловецѣ.

5. Антифон 6, тропарь 2.

Греческий оригинал: Σήμερον τῷ σταυρῷ προσήλωσαν, Ἰουδαῖοι τὸν Κύριον, τὸν διατεμόντα τὴν θάλασσαν ῥάβδῳ, καὶ διαγαγόντα αὐτοὺς ἐν ἐρήμῳ. Σήμερον τῇ λόγῃ τὴν πλευρὰν αὐτοῦ ἐκέντησαν... – лексический повтор (σήμερον) и паронимия префикса δια (διατεμόντα – διαγαγόντα). В славянском тексте, не имеющем разночтений между редакциями, данная паронимия не сохраняется, однако взамен ее предлагается другая с префиксом про- (проведшаго – проводоше). Ср. вариант редакции А: днесь на крѣстѣ пригвоздише иудеи гдѣ раздѣльшаго море жъзломъ и проведшаго въ поустѣни ихъ днесь копиемъ ребра его проводоше.

6. Антифон 7, тропарь 1.

Греческий оригинал: ...ἃ ἐδήλωσα ὑμῖν διὰ τῶν Προφητῶν μου, ἅδηλα καὶ κρύφια – корневая паронимия-антитеза (ἐδήλωσα – ἅδηλα) передается в славянских переводах только в редакциях Б и В: яже явѣхъ вамъ прѣркъѣ моими не явимаѣ таина. Ср. редакция А: яже гдѣхъ прѣркъѣ своими не явѣнаѣ таина, редакция Г: яже сказѣхъ вамъ прѣркъѣ моими везвѣстнаѣ таина.

7. Антифон 8, тропарь 2.

Греческий оригинал: ...καὶ κακοῦργον ἀντ' εὐεργέτου... – корневая паронимия-антитеза

(κακοῦργον – εὐεργέτου) передается всеми славянскими редакциями. Ср. редакция А: и злодѣѣ въ блгодѣлѣ мѣсто.

8. Антифон 9, тропарь 1.

Греческий оригинал: ...τὴν τιμὴν τοῦ τετιμημένου, ὃν ἐτιμήσαντο ἀπὸ υἱῶν Ἰσραὴλ... – дословно повторяет соответствующие евангельские слова (Матф. 27: 9), содержащие трехчленную корневую паронимию с корнем -τιμ-, которая передается всеми славянскими редакциями. Ср. редакция А: цѣноу цѣненнаго его же цѣнише ѿ снѣвъ излѣвъ.

9. Антифон 10, тропарь 1.

Греческий оригинал: μὴ φέρων θεάσασθαι, Θεὸν ὑβρίζομενον – паронимазия, которую не удается передать ни одной из славянских редакций. Ср. вариант редакции Б: не терпа зрѣти бггоу досаждаемоу.

10. Антифон 10, тропарь 2.

Греческий оригинал: Ὁ μαθητὴς ἡρνήσατο, ὁ Ληστὴς ἐβόησε. Μνήσθητί μου Κύριε, ἐν τῇ Βασιλείᾳ σου... – паронимазия (μαθητὴς – μνήσθητί) не передается ни одной из славянских редакций, дословный перевод соответствующих словоформ (оученикъ – помани) не имеет фонетического созвучия.

11. Антифон 15, тропарь 1.

Греческий оригинал: Σήμερον κρεμάται ἐπὶ ξύλου, ὃ ἐν ὕδασι τὴν γῆν κρεμάσας. Στέφανον ἐξ ἀκανθῶν περιτίθεται, ὃ τῶν Ἀγγέλων Βασιλεὺς. Ψευδὴ πορφύραν περιβάλλεται, ὃ περιβάλλον τὸν οὐρανὸν ἐν νεφέλαις... – поэтическая структура данного фрагмента, который по праву может быть причислен к вершинам византийской поэзии, строится на сочетании синтаксического параллелизма и гомеоптотона (κρεμάται – περιτίθεται – περιβάλλεται) и двух лексических повторов (κρεμάται – κρεμάσας и περιβάλλεται – περιβάλλον), противопоставленных по категории залога. Последний повтор усиливается паронимией префикса (περιτίθεται). Сочетанием гомеоптотона и паронимазии можно считать повтор окончаний -ων/-ον. Редакция А: днесь виситъ на дрѣвѣ повѣшенѣ землю на водахъ вънѣцъ трыновѣнъ носитъ црь англьскѣ ложною порфирию вблачитъ се вблачени небеса вблаци – сохранение параллелизма и гомеоптотона (виситъ – носитъ – вблачитъ), первый лексический повтор заменяется на паронимию (виситъ – повѣшенѣ), второй сохраняется (вблачитъ – вблачени). Теряется паронимия последнего повтора с предшествующим глаголом (носитъ), однако появляется новая паронимия с последующим существительным (вблачитъ – вблачени... вблаци). В редакциях Б и В образная структура отрывка не претерпела существенных изменений, за исключением замены глагола носитъ на взскаддають са. Однако в редакции Г этот же

глагол меняется на *облагает* сѧ, что восстанавливает утраченную паронимию оригинала и делает поэтические повторы фрагмента еще более яркими (*облагает* сѧ... *облачить* сѧ *одѣважи* нѣбо *облакы*).

Итак, сопоставительный анализ степени передачи поэтических средств (парономазии, паронимии, лексического повтора, синтаксического параллелизма) греческого оригинала в десяти текстовых фрагментах из Антифонов Великой Пятницы по 15 церковнославянским спискам XI–XIV веков, отражающим четыре редакции славянского перевода, показал следующее:

1. При переводе греческого гимнографического текста на церковнославянский язык, а также при редактировании славянского текста с использованием греческого оригинала переводчики и справщики, несомненно, обращали внимание не только на точную передачу содержания византийского текста, но и на перенесение в пространство другого языка его образно-поэтической структуры. Прежде всего переводчики и справщики следили за сохранением в переводе паронимии (фрагменты 1–4, 6–8, 11), лексических повторов (фрагменты 1, 2, 3, 5, 11) и синтаксического параллелизма (фрагменты 1, 2, 3, 4, 11) оригинала, в то время как первичные (не основанные на сходстве морфем) фонетические повторы (фрагменты 2, 3, 9, 10, 11) в абсолютном большинстве случаев передать в переводе им не удалось.

2. Творчески подходя к процессу перевода, переводчики и справщики не только механически переносили в перевод поэтические средства оригинала, но и создавали на их основе собственные фигуры в духе поэтики византийского текста (фрагменты 1, 2, 5, 11), обогащая его образную структуру. Как перенесенные, так и вновь созданные образные средства рассмотренных категорий сохраняются при последующих справах, что свидетельствует о соответствующем их восприятии книжниками и читателями средневековых текстов.

3. Особой поэтической чуткостью и талантом обладали создатели первого славянского перевода антифонов (редакция А) и Афонской редакции (редакции Г). Однако славянский текст отразил разное их отношение к переводимому оригиналу. Если создатель редакции А относится к византийскому тексту достаточно свободно, стремясь не к копированию, но скорее к сотворчеству во всем, что касается его образной структуры, временами используя метод парафраза [5: 738–739], то справщик редакции Г пытается совместить буквальную точность с точностью поэтической. Это ему во многом удается благодаря качественному новому состоянию церковнославянского языка, существенно обогатившему за прошедшие века свой лексический запас и образность. Именно по этому пути и пойдет в дальнейшем развитие церковнославянской поэтики, всегда опиравшейся на творческое переосмысление византийских образцов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дмитриевский А. Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц во святом Иерусалиме IX–X вв. Казань, 1894. С. 124–139.
- ² Црвенковска Э. Загрепски Триод. Сер.: Стари текстови. Т. VII. Скопие, 1999. С. 402–425.
- ³ Црвенковска Э., Макаријоска Л. Орбелски Триод. Сер.: Стари текстови. Т. X. Скопие, 2010. С. 306–310.
- ⁴ Jakobson R. *Fragmenta Chilandarica Paleoslavica*. A. *Sticherarium*. Ser.: *Monumenta Musicae Byzantinae*. Vol. V. Copenhagen, 1957. Л. 27v–48r.
- ⁵ Τριώδιον Κατανυκτικόν. Εν Βενετία, 1876. С. 373–377.
- ⁶ Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α. *Ανάλεκτα Ιεροσολυμιτικής σταχυολογίας*. Τ. Β'. Εν Πετρούπολει, 1897. С. 116–133.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
2. Борисова Т. С. К проблеме возникновения славянской церковной поэзии: воспроизведение поэтических средств в раннеславянских переводах византийской гимнографии // *Universum Humanitarium*. 2015. № 1. С. 40–57.
3. Борисова Т. С. Текстология церковнославянских переводов византийских гимнографических текстов по спискам Триоди постной XII–XV веков. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2016. 280 с.
4. Кривко Р. Н. Перевод, парафраз и метр в древних славянских кондаках, I: Метрика древней церковнославянской поэзии в исследованиях XIX–XX вв. // *Revue des études slaves*. 2011. Т. 82. № 2. С. 169–202.
5. Кривко Р. Н. Перевод, парафраз и метр в древних славянских кондаках, II: Критика, история и реконструкция текстов // *Revue des études slaves*. 2011. Т. 82. № 4. С. 715–743.
6. Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 217 с.
7. Borisova T. On the Problem of the Transmission and the Ensuing Adoption of Byzantine Acrostic in the Early Ecclesiastical Slavonic Translation of the Hymnography // *Fragmenta Hellenoslavica*. Vol. 2. Thessaloniki, 2016. С. 113–136.
8. Filonov Gove A. The Slavik Akathistos Hymn. Poetic elements of the Byzantine Text and its Old Church Slavonic Translation. München, 1988. 290 с.
9. Jav ier F. Πάθος και Ανάστασις: Ιστορική εξέλιξη της Βυζαντινής υμνογραφίας της Μεγάλης Βδομάδας και της Εβδομάδας της Διακαινησίμου. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 2007. 540 с.
10. Momi na M. Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11–14 Jahrhunderts. Vol. 1. Ser.: *Patristica Slavica*. München, 2004. 1002 с.

Borisova T. S., National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

DIACHRONIC ASPECT IN THE STUDY OF THE POETICS OF THE CHURCH SLAVONIC TRANSLATED HYMNOGRAPHIC TEXTS

The present paper deals with the process of formation of the poetic devices of the Church Slavonic language and literature. Specifically, the problems of the transmission of the poetic devices in the process of translating Byzantine hymnography to Church Slavonic were discussed. The investigation was performed on the material of the translation of 15 Antiphons from the Service of the Great and Holy Friday. The text was studied diachronically by the comparative analyses of the variants from different text versions from 15 North Slavonic and East Slavonic manuscripts (Triodion, Pentecostarion, Sticherarium) dating from the XI up to the XIV century. This approach helps to verify the attitude of the Medieval Slavic scholars towards the certain phenomena, as well as to provide a more complex picture. Comparing the rates of the transmission of different poetic devices one can easily see that the commonly transmitted devices include paregnemon (secondary sound repetition), lexical repetitions and syntactic parallelism. The results of the comparative analyses also helped to reveal two text versions which paid special attention to the poetic devices: the first Slavonic translation and the Athonite reduction, which used different approach to the Greek text poetical structure. The results obtained would definitely help us to understand the main characteristics of the Ecclesiastic Slavonic poetics of the primary period (XI–XIV centuries) from the point of view of the scholars contemporary with it.

Key words: Old Church Slavonic literature, Byzantine hymnography, translation of the liturgical texts, Antiphons from the Service of the Great and Holy Friday, historical poetics, paregnemon, paronomasia, syntactic parallelism

REFERENCES

1. Averintsev S. S. Poetics of early Byzantine literature. Moscow, 1997. 343 p. (In Russ.)
2. Borisova T. S. On the genesis problem of the Slavonic Ecclesiastical poetry: the transmission of the poetic devices in the early Ecclesiastical Slavonic translation of the hymnography. *Universum Humanitarium*. 2015. No 1. P. 40–57. (In Russ.)
3. Borisova T. S. Textology of Church Slavonic translations of Byzantine hymnographic texts based on the Triodion manuscripts of the XII–XV centuries. Novosibirsk, 2016. 280 p. (In Russ.)
4. Krivko R. N. Translation, paraphrase and metrics in Old Church Slavonic Kontakia. I: Metrics of Old Church Slavonic poetry: a critical survey of studies of the XIX–XX centuries. *Revue des études slaves*. 2011. Vol. 82. No 2. P. 169–202. (In Russ.)
5. Krivko R. N. Translation, paraphrase and metrics in Old Church Slavonic Kontakia. II: Textual criticism, textual history and reconstruction. *Revue des études slaves*. 2011. Vol. 82. No 4. P. 715–743. (In Russ.)
6. Panin L. G. History of the Church Slavonic language and linguistic textology. Novosibirsk, 1995. 217 p. (In Russ.)
7. Borisova T. On the problem of the transmission and the ensuing adoption of the Byzantine acrostic in the early Ecclesiastical Slavonic translation of the hymnography. *Fragmenta Hellenoslavica*. Vol. 2. Thessaloniki, 2016. P. 113–136.
8. Filonov Gove A. The Slavic Akathistos Hymn. Poetic elements of the Byzantine text and its Old Church Slavonic translation. Munchen, 1988. 290 p.
9. Javier F. Πάθος και Ανάστασις: Ιστορική εξέλιξη της Βυζαντινής υμνογραφίας της Μεγάλης Βδομάδας και της Εβδομάδας της Διακαινησίμου. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 2007. 540 c.
10. Momiina M. Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11–14 Jahrhunderts. Vol. 1. Cep.: Patristica Slavica. München, 2004. 1002 c.

Поступила в редакцию 17.10.2018

ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА ВОЛОШИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

oxanav2005@mail.ru

РОЛЬ САНСКРИТА В СТАНОВЛЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА

Статья посвящена выявлению роли санскрита в становлении лингвистической теории выдающегося российского языковеда Филиппа Федоровича Фортунатова. Показано решающее влияние санскрита на формирование методики сравнительно-исторического языкознания в работах Фортунатова, на учение о форме слова, на типологическую классификацию языков мира, сформулированную Фортунатовым, на описание грамматических классов слов и акцентологические законы. Несмотря на то что Фортунатов, как и другие ученые конца XIX века, призывал «снять санскритские очки», чтобы учитывать в своих исследованиях роль других языков мира, санскрит остается основой построения лингвистической теории Фортунатова, ведь первые опыты лингвистического анализа и выводы об устройстве языка были сделаны им на материале древнеиндийского языка.

Ключевые слова: санскрит, лингвистическая теория Ф. Ф. Фортунатова, сравнительно-историческое языкознание, лингвистическая типология

Любая лингвистическая теория строится путем осмысления и обобщения конкретного языкового материала, поэтому лингвистические концепции напрямую зависят от исследуемых языковых фактов, а включение в исследовательский аппарат нового материала неизбежно приводит к изменению теории. В частности, описание языка кави на острове Ява заставило В. фон Гумбольдта ввести в имеющуюся типологическую классификацию новый тип языков – инкорпорирующих, ведь своеобразное строение синтаксических структур этих языков не могло быть учтено и осмыслено в рамках старой типологической схемы, основанной исключительно на морфологическом критерии. В качестве еще одного примера можно отметить стремление американских лингвистов описывать строение языков индейцев Америки без оглядки на «образец», предписанный классическими европейскими языками, что заставило представителей американской науки о языке выступить против «европоцентризма» в языкознании.

Часто введение нового языкового материала способствует формированию новой лингвистической теории или целого научного направления. Известно, что становление сравнительно-исторического языкознания в начале XIX века связано с активным изучением санскрита и привлечением древнеиндийского языка в сферу филологических (и собственно лингвистических) исследований. Санскрит не случайно называют языком – катализатором процесса формирования компаративистики как науки. Благодаря привлечению санскритского материала стало очевидным родство

двух древних классических европейских языков – древнегреческого и латинского. Конечно, изучение языков античной цивилизации издавна входило в программу классической филологической подготовки, однако непосредственное сравнение двух языков не обнаруживало их родства из-за существенных расхождений в фонетике, грамматике и лексике. Привлечение санскрита как архаичного представителя индоевропейской семьи языков делало очевидным общее происхождение этих трех языков. В дальнейшем круг сравниваемых языков расширился за счет авестийского, готского, старославянского, литовского и др. – все эти языки стали объединяться в семью индоевропейских языков, благодаря чему выстроилась гигантская цепь родственных языков от санскрита и авестийского на Востоке до исландского и кельтских языков на Западе.

В контексте нашей работы важно напомнить, что именно санскрит стал эталоном, с которым поочередно сравнивались различные языки (например, в знаменитой работе Ф. Боппа¹ санскрит находится в центре сопоставительного исследования, с ним сравниваются латинский, греческий, авестийский и др.). Ведь санскрит – древнейший язык индоевропейской семьи, сохранивший множество архаичных черт в фонетике, грамматике и лексике, параллели которым находятся то в одном, то в другом индоевропейском языке. Таким образом, санскрит оказался в центре лингвистических изысканий, а кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков, основанная в Московском университете в 1863 году, в 1884 году была переименована в кафедру сравнительного языковедения и санскритского языка.

Задачей данной работы является обнаружение явного и скрытого влияния санскрита и принципов анализа языка, разработанных древнеиндийскими грамматистами, на теоретические построения виднейшего компаративиста, теоретика языка, основателя отечественной лингвистической школы – Филиппа Федоровича Фортунатова.

Интересом к санскриту как главному языку индоевропейской компаративистики объясняется тема диссертации молодого Ф. Ф. Фортунатова, который в 1875 году впервые издает, комментирует и переводит на русский язык древнейшую ведийскую самхиту – Самаведу-Араньяку². В приложении к диссертации автор обсуждает некоторые важнейшие проблемы современной ему компаративистики, критически разбирает точки зрения Ф. Боппа, А. Шрейхера, Г. Курциуса, А. Потта и других выдающихся ученых на некоторые спорные вопросы из области индоевропейской фонетики и грамматики, предлагает свои варианты ответов.

Важно отметить, что одной из основных характеристик лингвистической теории Фортунатова является цельность (или, говоря языком XX века, системный подход к описанию языковых явлений). Это особенно важно учитывать, поскольку современников Фортунатова – европейских младограмматиков – последователи справедливо критиковали за атомизм, который заключался в изолированном описании отдельных языковых явлений без попытки свести разрозненные данные в общую теорию. Например, в качестве реакции на схематизм и явную упрощенность шлейхеровской реконструкции праязыка появился вариант младограмматиков, которые механически перенесли множество разнообразных звуков древних индоевропейских языков на праиндоевропейскую плоскость, что, очевидно, способствовало эклектике полученной реконструкции, «атомизму» отдельных звуков, часто существующих независимо друг от друга в гипотетическом пространстве праязыкового состояния. Были предприняты лишь две блестящие попытки реконструкции фонетической системы индоевропейского праязыка – это «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (1878) Фердинанда де Соссюра и теория сонантов Филиппа Федоровича Фортунатова³. Труд Соссюра был хорошо известен европейским и отечественным лингвистам, а вот теоретические положения Фортунатова не получили широкого распространения, возможно, из-за того, что Фортунатов весьма неохотно оформлял свои открытия в виде печатных текстов, предпочитая обсуждать результаты научных изысканий в формате устных дискуссий, университетских лекций и т. п.

Как известно, на протяжении всего XIX века компаративисты стремились реконструировать

систему вокализма индоевропейского праязыка, причем старая шлейхеровская точка зрения о наибольшей древности гласного *a* вытеснялась выводами младограмматиков о первичности *e* и *o* в праязыке. Фортунатов вслед за Шлейхером считает, что самым древним гласным звуком был краткий *a*, который, однако, уже не был однородным, но обладал разным качеством: он мог приближаться к *e* или к *o* двух видов⁴ или оставаться чистым *a* (соответственно $\check{a}^e$, $\check{a}^o$, $\check{a}^a$). Хотелось обратить внимание на то, что преувеличение Фортунатовым роли гласного *a* возникло, очевидно, под влиянием санскрита. Конечно, доминирующий характер гласного *a* в санскрите способствовал формированию представления о составе вокализма индоевропейского праязыка еще в «Компендиуме» Августа Шлейхера, а авторитетное мнение Шлейхера лишь с большим трудом под напором фактов к концу XIX века сменилось представлением об исконном *e* в системе праиндоевропейского вокализма.

Чрезмерная гиперболизация Фортунатовым места, занимаемого $\check{a}$ в фонетической системе индоевропейского праязыка, с одной стороны, не дала ему возможности поставить ряд принципиальных положений индоевропейской фонетики, а с другой стороны, привела его к такому тщательному ее рассмотрению, которое позволило ему выдвинуть далеко идущие гипотезы в некоторых конкретных областях индоевропейской фонетики [1: 98].

В частности, Фортунатов выдвигает гипотезу о существовании в праиндоевропейском языке иррациональной гласной $\check{a}$, которая выступала в двух разновидностях – слоговой и неслоговой.

Индоевропейское слоговое иррациональное $\check{a}$ частью оказывается родственным по происхождению с долгими *a* всех трех видов, то есть в случаях этого рода наблюдается чередование в словах долгих *a* всех трех видов со слоговым иррациональным $\check{a}$ в зависимости от известных фонетических условий, частью же индоевропейское слоговое иррациональное $\check{a}$ являлось в качестве так называемой соединительной гласной, существовавшей в словах в известных случаях между составными частями слова, между основой и суффиксом (эта гласная первоначально или возникла фонетическим путем, или же выделялась из окончания древней основы), и в этих случаях индоевропейское слоговое иррациональное $\check{a}$ не находилось в чередовании с долгим *a* всех трех видов [8: 26].

В разных индоевропейских языках индоевропейское слоговое иррациональное $\check{a}$ изменялось в разные гласные: в древнегреческом оно давало гласные α , ϵ или o , в латинском – краткий $\check{a}$ со всеми изменениями, свойственными этому звуку в латинской фонетике. Фортунатов пишет:

Для определения тех случаев, где греческие α , ϵ , o , латинское $\check{a}$ произошли из индоевропейского слогового иррационального $\check{a}$, а не из индоевропейского $\check{a}$ того или другого вида, важно сопоставление с древнеиндийским языком [8: 31].

Действительно, соответствие санскритского $\check{a}$ (pitár) греческому и латинскому α (πατήρ и pater)

вынуждает Фортунатова предположить общее происхождение этих гласных не от индоевропейского $\tilde{a}^a$, а от индоевропейского слогового иррационального a .

«Индоевропейское неслоговое иррациональное a существовало лишь в сочетании с плавными и носовыми согласными» [8: 25], поэтому неслоговая иррациональная гласная сыграла огромную роль в становлении фортуноватской теории сонантов. Как известно, в конце XIX века в работах К. Бругмана и Г. Курциуса была сформулирована идея о слогаобразующей функции сонантов – $i\ u\ r\ l\ m\ n$. Если перечисленные звуки находились в положении с ударными гласными (то есть в сильной позиции), сонанты выступали как согласные, а если находились в положении с безударными гласными, подвергаясь редукации, то приобретали слогаобразующую функцию, приближаясь к гласным. В отличие от К. Бругмана и Г. Курциуса, Фортунатов считал, что только гласные сонанты (i , u) превращаются в слабой позиции в гласные, другие же сонанты, приобретая слогаобразующие функции и приближаясь тем самым к гласным, не теряют свойства согласных звуков, образуя дифтонгические сочетания (гласных звуков с сонантами). В этих дифтонгических сочетаниях гласный не исчезает, а сохраняется в виде иррационального (краткого и неустойчивого) гласного, по-разному реализуемого в индоевропейских языках.

Нельзя не заметить, что такая реконструкция придает теории сонантов Фортунатова особую стройность и последовательность... Во всех рассматриваемых случаях мы имеем дело, согласно этой теории, только с дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями, которые различаются между собой от количества звука в сонантах и места ударения в слове [7: 50].

«Мы можем отметить еще одну существенную особенность фортуноватской теории сонантов, отличающую ее от общепринятой, а именно – ее органическую связь с акцентологией» [7: 50]. В статье «О сравнительной акцентологии литво-славянских языков» (1880) Фортунатов предложил рассматривать литовские дифтонгические сочетания с разной интонацией в связи с количественными различиями в древнеиндийском, древнегреческом и латинском языках. Фортунатов формулирует строгое соответствие литовских дифтонгических сочетаний $i\tilde{l}$, $i\tilde{r}$ с циркумфлексной интонацией санскритскому $\bar{r}$ (из кратких слоговых сонантов $\bar{r}$ и $\bar{l}$), а тем же сочетаниям с акутовой интонацией – санскритским $\bar{r}$, $\bar{l}$ (из долгих слоговых сонантов $\bar{r}$ и $\bar{l}$). Ср. санскритское $mṛta$ мертвый и литовское $mīrtas$, скр. $vṛka$ волк и литовское $vīlka$; с другой стороны, санскритское $pūrṇa$ полный и литовское $pilnas$. Разные типы интонации в литовском языке позволяют Фортунатову объяснить место ударения в полногласных сочетаниях в славянских языках: если в литовском общеиндоевропейский дифтонг

или дифтонгическое сочетание произносится с циркумфлексом – ударение ставится на первом гласном полногласного сочетания, а если с акутом – на втором ($vāṛnas$ – *вóрон*, $gārdas$ – *гóрод*; но $vāṛṇa$ – *ворóна*, $dēṛṇa$ – *долóнь* (*ладóнь*)). Очевидно, что Фортунатов приходит к выводу о том, что теория сонантов о дифтонгах и дифтонгических сочетаниях в индоевропейском праязыке должна быть дополнена акцентологическими характеристиками.

Таким образом, Фортунатов стремится дать системное описание и объяснение последовательному развитию языковых явлений не только в древних языках, но и в гипотетически реконструируемом праязыке. Звуковым и акцентным различиям в засвидетельствованных языках Фортунатов пытается найти объяснение, обращаясь к далекому общему прошлому родственных языков.

Реконструкция праязыка, как и объяснение исторического изменения фонетики и морфологии родственных языков, на протяжении всего XIX века опиралась на санскритский материал. Достаточно указать на сформулированный Фортунатовым в статье «Индоевропейские плавные согласные в древнеиндийском языке» (1896) закон об изменении в санскрите сочетания $l +$ зубной в церебральный (лит. *waltis праяжа*, *рыболовная сеть* > скр. *vaṭi веревка*; гот. *gult золото* > скр. *hāṭaka золото*). Сопоставление европейских языков с санскритом позволило Фортунатову восстановить для праиндоевропейского языка древнейший плавный согласный (Фортунатов обозначил его λ), из которого произошли впоследствии два плавных звука r и l . К такому выводу его подвели соответствия l в европейских языках санскритскому r : старосл. ПЛЪНЪ (ПЛЪНЪ) *полон*, *полный*, лит. *pilnas*, гот. *fulls*, но скр. *pūrṇa* *полный*. Очевидно, что материал санскрита активно использовался Фортунатовым в сравнительно-исторических исследованиях.

Однако к концу XIX века европейские компаративисты перестали рассматривать санскрит как язык, сохранивший наибольшее количество архаичных черт и ближе всех находящийся к индоевропейскому праязыку. Санскрит занял подбавляющее ему место в ряду других древнейших индоевропейских языков, при этом лингвисты подчеркивали не только свойственные санскриту архаичные черты, но и очевидные инновации. Хотя Фортунатов солидарен с европейскими компаративистами в попытке определения истинной (а не преувеличенной) роли санскрита при реконструкции индоевропейского праязыка и в выявлении путей исторического развития отдельных индоевропейских языков (он сам активно привлекает материал балтийских и славянских языков), явная или скрытая ориентация на санскрит очевидна.

В частности, в диссертационном сочинении Фортунатов горячо поддерживает гипотезу агглютинации Франца Боппа, согласно которой индоевропейское слово рассматривается как результат сложения двух типов корней – корня знаменательного слова и корня местоименного. Заимствованное Боппом из древнеиндийских грамматик представление о том, что санскритское слово представляет собой цепочку морфем, было положено в основу принципа морфемного деления слова и сопоставления не слов, но морфем родственных языков. Согласно представлениям древнеиндийских грамматистов, слово образуется путем присоединения к корню аффиксальных морфем, причем исходной единицей при синтезе словоформы является глагольный корень. Древнеиндийские грамматики традиционно сопровождалась списками таких корней (Дхату-патха). Бопп в своей грамматике также начинает изложение с рассуждения о корнях. По его мнению, издавна существовали корни двух типов – знаменательные и местоименные, синтез которых позволял образовать словоформу (глагольную или именную). Например, *идти*⁵ + я > *иду*, *идти* + ты > *идеешь* и т. п. Эта гипотеза агглютинации (ведь оформленное слово образовалось путем «приклеивания» (от лат. *agglutinatio*), присоединения двух типов корней друг к другу) предполагала доказательство происхождения глагольных и именных флексий в индоевропейских языках от личных или указательных местоимений. Доказать это положение Боппу (как и его последователям) так и не удалось, однако гипотеза агглютинации осталась интереснейшим предположением, завораживающей историей образования формы слова в праиндоевропейском языке.

Не углубляясь в разбор плюсов и минусов положений Боппа, хочется лишь подчеркнуть, что гипотеза агглютинации могла сформироваться в трудах европейского ученого под сильнейшим влиянием санскрита, и особенно положений древнеиндийской грамматики. Фортунатов пишет:

Учение Боппа о присутствии местоименных корней в глагольных окончаниях составляет для меня бесспорную истину... все возражения, которые представлялись до сих пор против теории агглютинации, дали, по моему мнению, только большую прочность этой теории и нимало не поколебали ее. Таким образом, я считаю совершенно верным то, что напр., форма *asmī* состоит из глагольного корня *as* в соединении с местоименным корнем, обозначающим первое лицо².

Исследователи неоднократно говорили о том, что знакомство с древнеиндийской методикой морфемного членения слова способствовало становлению сравнительно-исторического языкознания, так как именно обнаружение тождества глагольных флексий индоевропейских языков позволило европейцам говорить об общем происхождении этих языков, то есть объединить

их в семью родственных языков. Однако менее очевиден другой путь развития идей индийской грамматики в рамках европейской лингвистики – это формальная школа, основателем и выдающимся представителем которой и был Филипп Федорович Фортунатов. Именно представление о словоформе как цепочке последовательно соединенных морфем позволило выдвинуть форму слова во главу угла новой лингвистической теории. Слово оказывается синтезированным из различного типа морфем, каждая морфема имеет строго определенное место в словоформе (вот почему пропуск морфемы – грамматический ноль, впервые осмысленный именно в древнеиндийской грамматике, уже в конце XIX века получил новую интерпретацию в грамматической концепции Фортунатова). Замена той или иной морфемы в составе словоформы приводит к изменению не только формы слова, но и семантики (грамматической или лексической).

Постепенно в трудах Фортунатова складывается общая теория языка, в рамках которой он формулирует свое представление о строении и развитии языков мира. Представляется, что именно типологические особенности санскрита повлияли на формирование лингвистической теории Фортунатова. Мы разберем лишь три важнейших положения фортунатовской теории: учение о форме слова, принцип выделения частей речи и типологическую классификацию языков и покажем, что сильные и слабые стороны теоретических положений объясняются ориентацией на санскрит (уже плохо осознаваемой, сознательно отвергаемой, но тем не менее очень живучей) и опорой на морфемный критерий, унаследованный от древнеиндийских грамматик и преобразованный в контексте современной Фортунатову европейской лингвистики.

Представление древнеиндийских грамматистов о морфемном членении словоформы было положено Фортунатовым в основу **учения о форме слова**. По Фортунатову, форма слова основывается на членении слова на две части: основу и флексию (в терминологии Фортунатова это основная и формальная принадлежность). Форма слов – это

способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальной принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова, как существующей в другом слове или в других словах с другой формальной принадлежностью, т. е. формальная принадлежность слова образует данное слово, как видоизменение другого слова, имеющего ту же основную принадлежность с другой формальной принадлежностью [9: 116–117].

Членение слова на две части позволяет объединить слова в разные классы – с общей основой или общей флексией:

лис-а *стен-а*
лис-ой *стен-ой* и т. п.

Фортунатов пишет:

...всякая форма в слове является общою для слов с различными основами и вместе с тем всякая форма в слове соотносительна с другой, т. е. предполагает существование другой формы, с другой формальной принадлежностью, но с теми же основами слов, то есть с теми же их основными принадлежностями [9: 116–117].

Очевидно, что «Фортунатов выводил понятие формы из соотносительности грамматических элементов» [2: 94]. Такой подход позволяет выделить морфемы, из которых состоит слово, и объединить слова в перекрещивающиеся классы, которые будут объединять однокоренные слова, слова с одинаковыми суффиксами и флексиями. Системный подход позволил Фортунатову выделить нулевой аффикс (например, в форме существительного мужского рода единственного числа именительного падежа – *кот-ø*), поскольку перечисленные грамматические значения должны быть формально выражены, как выражены значения родительного падежа единственного числа того же слова флексией *-а*: *кот-а*. По мнению Фортунатова:

формальная принадлежность в словах может быть не только положительной, но и отрицательной. ... Не только присутствие известного аффикса в сочетании с основами служит для образования известной формы, но вследствие этого и отсутствие всякого аффикса при тех же основах в других словах образует также форму слов по отношению этих слов к словам, заключающим в себе те же основы в сочетании с аффиксами [9: 126].

Таким образом, представление о слове как цепочке разных типов морфем, заимствованное европейскими лингвистами из древнеиндийских грамматик, выделение морфемы как особой структурной единицы позволили сформулировать основные положения морфологии как краеугольного камня организации языка. Кроме того, именно морфема, позволяющая объединять слова с общим корнем, общим словообразовательным или словоизменительным аффиксом, дала возможность выявить системные (формальные и семантические) связи, заложив основу структурного подхода в лингвистике. Это же представление о форме слова, то есть о морфологической оформленности словоформы определенным типом флексий, было положено Фортунатовым в основу **классификации частей речи**.

Как известно, санскрит, как и многие древние индоевропейские языки, широко использует флексию синтетического типа для выражения разного рода грамматических значений. Морфологическое оформление было главным и наиболее очевидным критерием выделения частей речи в древних индоевропейских языках. Система имени и глагола в санскрите, греческом, латыни и старославянском языке четко противопоставлялись классами флексий. Т. Я. Елизаренкова писала о санскрите:

Семантико-грамматические разряды слов, или части речи, четко различаются на морфологическом уровне с помощью средств формо- и словообразования. Кардинальным является противопоставление имени и глагола. Имя и глагол резко разграничены с помощью разных серий флексии, основообразующих суффиксов и морфологических правил [6: 38].

Части речи, по Фортунатову, грамматические (точнее, морфологические) классы слов, ведь каждая из них имеет свой набор флексий – морфологических показателей грамматического класса⁶.

Присутствие в отдельных полных словах форм образует формальные, или грамматические, классы отдельных полных слов... [9: 137].

Фортунатов говорит о системе частей речи, унаследованной современными индоевропейскими языками от предшествующей эпохи общего праязыкового состояния:

В общеиндоевропейском языке в эпоху его распада различались следующие наиболее общие грамматические классы отдельных полных слов:

- 1) слова с формами словоизменения и
- 2) слова без форм словоизменения.

Первые, в свою очередь, подразделялись на известные грамматические классы по отношению к различиям в формах слов. В словах, имевших формы словоизменения, в общеиндоевропейском языке в эпоху его распада различались по отношению к таким формам: а) слова спрягаемые, глаголы в тесном смысле этого термина, т. е. слова, имевшие формы словоизменения, называемого спряжением, б) склоняемые слова, т. е. слова с формами словоизменения, называемого склонением, и в) прилагательные склоняемые слова, имевшие, кроме склонения, то словоизменение, которое называется «согласованием в роде» прилагательных слов, как обозначающих самостоятельные предметы мысли, именно признаки вещей, предметов, с другими словами, как с существительными, т. е. как с обозначающими самостоятельные предметы мысли... [9: 138].

Таким образом, согласно Фортунатову, в общем индоевропейском праязыке можно выделить 4 знаменательные части речи:

- 1) глаголы – слова, которые спрягаются, то есть имеют формы указания на число и лицо;
- 2) имена – слова, которые склоняются, то есть имеют формы указания на число и падеж;
- 3) прилагательные – слова, которые согласуются с именем существительным в роде, числе и падеже, то есть слова согласовательного класса;
- 4) неизменяемые слова.

Подобная классификация частей речи, как указывает сам Фортунатов, была создана на материале древних индоевропейских языков – языков с богатой морфологией, располагающей наборами флексий для разных частей речи.

Морфологическое оформление грамматических классов слов, основанное на учении о форме слова, вполне логично координирует с **типологической классификацией языков мира**, предложенной Фортунатовым.

Первый опыт типологической классификации языков, основанный на попытке великого Фридриха Шлегеля сравнить санскрит с другими языками мира в нашедшейся работе «О языке и мудрости индийцев» (1808), был, очевидно, несовершенен и нуждался в доработке. Выдающиеся ученые XIX века – А. Шлегель, В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер и другие разрабатывали типологическую классификацию языков. Фортунатов тоже предлагает свой подход к классификации языков мира по типу внутреннего (структурного) устройства. Он опирается на уже известные науке типы языков: корневые, флективные и агглютинативные, дополняя их еще одним типом – специально для семитских языков⁷, совмещающих, как ему представляется, черты флексии и агглютинации. Для нас интересно, что в основе классификации Фортунатова лежит морфологическая структура слова. Речь идет о том, что слово не просто членится на морфемы, но и демонстрирует разного типа связи между этими значимыми частями.

В значительном большинстве семейства языков, имеющих формы отдельных слов, эти формы образуются при посредстве такого выделения в словах основы и аффикса, при котором основа или вовсе не представляет так называемой флексии, или если такая флексия и может являться в основах, то она не составляет необходимой принадлежности форм слов и служит для образования форм, отдельных от тех, какие образуются аффиксами. Такие языки в морфологической классификации называют... **агглютинирующие** или **агглютинативные языки**... т. е. собственно склеивающие... потому, что здесь основа и аффикс слов остаются по их значению отдельными частями слов в формах слов как бы склеенными [9: 133].

В агглютинативных языках слово членится на основу и аффикс, которые представляют собой автономные, достаточно самостоятельные элементы. Для Фортунатова важно, что основа не имеет «флексии» (имеется в виду внутренняя флексия), то есть основа не допускает чередования гласных и/или согласных для выражения грамматического значения. Другими словами, основа не меняет свой фонемный состав в агглютинативных языках.

К другому классу в морфологической классификации языков принадлежат семитские языки; в этих языках... основы слов сами имеют необходимые... формы, образуемые флексией основ... хотя отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как и в языках агглютинативных... Я называю семитские языки **флективно-агглютинативными**... потому, что отношение между основой и аффиксом в этих языках такое же, как в языках агглютинирующих [9: 133–134].

Поскольку слово в семитских языках не могло быть отнесено ни к одному из предложенных старыми классификациями типов, Фортунатов вынужден был выделить еще один тип морфологического устройства – агглютинативно-флективный, занимающий промежуточное положение

между флективным и агглютинативным. В данном случае, с одной стороны, в семитских языках наблюдается самостоятельность основ и аффиксов, свойственная агглютинативным языкам, с другой стороны, корень (основа) в семитских словоформах неизбежно меняет фонемный состав из-за наличия трансфиксов – аффиксов, вставляемых в корень.

К... третьему классу в морфологической классификации языков принадлежат языки индоевропейские; здесь... существует флексия основ при образовании тех самых форм слов, которые образуются аффиксами, вследствие чего части слов в формах слов, т. е. основа и аффикс, представляют здесь по значению такую связь между собою в формах слов, какой они не имеют ни в языках агглютинативных, ни в языках флективно-агглютинативных. Вот для этих-то языков я и удерживаю название **флективные языки**... [9: 134].

В этих языках, очевидно, наличествуют «флексия основ» и особая тесная связь между основой и аффиксом. Фортунатов основывается на выводах относительно типологического статуса санскрита, дискуссия вокруг которого развернулась еще в начале XIX века – Фридрих Шлегель считал главным механизмом, характеризующим санскрит, именно внутреннюю флексию, то есть способность чередованиями корня выражать разные грамматические значения. Тогда как Франц Бопп стремился представить санскритскую словоформу как цепочку присоединяемых к корню аффиксальных морфем, при помощи которых выражалось грамматическое значение (и в этом смысле чередования звуков в корне воспринимались им как случайная, не имеющая отношения к главному грамматическому механизму помеха). Поэтому Бопп мало внимания уделял чередованиям звуков в морфемах, он их как будто не замечал. Фортунатов, будучи горячим последователем Боппа, признает очевидный факт грамматической значимости чередований в корне и даже использует наличие этого механизма в типологической классификации языков.

Наконец, есть такие языки, в которых не существует форм отдельных слов. К таким языкам принадлежат языки китайский, сиамский и некоторые другие. Эти языки в морфологической классификации называются языками **корневыми**... в корневых языках так называемый корень является не частью слова, а самим словом, которое может быть не только простым, но и непростым (сложным) [9: 134].

Языки, относящиеся к этому типу, вообще не имеют форм слов.

Мы видим, что понятие формы слова для Фортунатова явилось определяющим и при построении типологической классификации языков. Флективный тип, наиболее ярко представленный именно в санскрите, а также в древнегреческом, латинском и старославянском, позволил Фортунатову поставить понятие формы слова во главе формальной теории языка. Как мы смогли убедиться, опора на санскрит и выработанное на

его материале учение о форме слова позволили Фортунатову создать цельное, логически стройное и непротиворечивое учение о языке. Однако наряду с очевидными плюсами такое цельное учение обладало и минусами. Конечно, давно канули в прошлое восторги, с которыми Фридрих Шлегель и его последователи возносили санскрит на пьедестал образцового, самого совершенного языка, имеющего, по Шлегелю, безусловно божественное происхождение, санскрит давно занял подобающее ему положение наряду с другими древними индоевропейскими языками, в чем-то даже иногда уступая им. Однако подсознательная ориентация на санскрит ограничивала теоретические позиции Фортунатова. Учение о форме слова, в основе которого, как мы показали, лежало представление о членимости словоформы на морфемы, способствовало формированию подхода, предполагающего синтез слова из составляющих его частей (именно так из морфем разного рода у Фортунатова создаются основы разных грамматических форм в индоевропейских языках). Такой подход не был способен перекинуть мостик к синтаксису и семантике, даже хотя бы попытаться объяснить их устройство и функционирование. Именно поэтому ученики Фортунатова наиболее комфортно чувствовали себя в области морфологии (морфонологии) и фонологии, а синтаксис был наиболее уязвимой частью формального учения. Фортунатовский морфологический подход к грамматическим классам слов (и классификации частей речи) вызвал бурную дискуссию в отечественном языкознании (достаточно

указать на полемику Л. В. Щербы с Ф. Ф. Фортунатовым и М. В. Панова с Л. В. Щербой). Типологическая классификация, предложенная Фортунатовым, явно была рассчитана на наиболее известные науке XIX века языки с развитой морфологией, она была искусственно приспособлена к индоевропейским, тюркским и семитским языкам, а кавказские языки, малайско-полинезийские и другие не «втискивались в прокрустово ложе» морфологической классификации, здесь требовались другие критерии – синтаксические, семантические и т. п., которые неизбежно разрушили бы стройность фортунатовской конструкции. Даже инкорпорирующие языки, которые еще Гумбольдт в 30-е годы XIX века ввел в аппарат современной ему науки о языке, не нашли себе места в жесткой схеме Фортунатова.

Строгий логический подход, основанный на едином критерии – форме слова, способствовал цельности и непротиворечивости теории Фортунатова, но и неизбежно ограничивал, сужал горизонты его теоретических построений. Морфология (как учение о форме слова) оказалась в центре внимания как самого Фортунатова, так и его учеников и стала основой формирования фортунатовской формальной школы. В рамках нашей работы мы хотели показать, что пристальное внимание к морфологии, к форме слова было вызвано санскритом – языком с богатейшей морфологией, и, оказавшись в центре внимания компаративистов конца XIX века язык другой типологии – китайский или английский, возможно, лингвистическая теория была бы другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Bopp Fr. Über das Conjugations system der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachen. Frankfurt am Main, 1816.
- ² См. издание текста Самаведы Фортунатовым: Фортунатов Ф. Ф. *Sāmaveda-Āraṇyaka-Samhitā*. В Приложении несколько страниц из сравнительной грамматики индоевропейских языков. М., 1875. 254 с. Санскритская рукопись была выбрана Фортунатовым в качестве объекта диссертационного исследования не случайно, ведь пристальный интерес к санскриту требовал от европейских ученых изучения и публикации выдающихся произведений ведийской и древнеиндийской литературы (подробнее о диссертации Ф. Ф. Фортунатова см. [3]).
- ³ Сравнение двух теорий Ф. де Соссюра и Ф. Ф. Фортунатова о функции сонантов в фонетической системе индоевропейского праязыка приводится в замечательной статье С. Д. Кацнельсона [7].
- ⁴ «Индоевропейское *ā* оказывается родственным по происхождению с *ā̊*, то есть чередуется в словах, родственных между собой, с *ā̊*, откуда следует, что обе эти гласные произошли в индоевропейском языке из одной и той же гласной вследствие каких-то фонетических условий. Впрочем, в этом отношении в самом индоевропейском *ā̊* надо различать два вида, и только один из двух видов этой гласной оказывается в чередовании с *ā̊*, между тем как *ā̊* другого вида имело другое происхождение и не находилось в родстве с *ā̊*» [8: 26].
- ⁵ В нашем примере вместо глагольного корня выступает форма инфинитива.
- ⁶ Подробнее см. [5].
- ⁷ В данном случае мы наблюдаем яркий пример влияния исследуемого языкового материала на лингвистическую теорию (а именно, морфологическую классификацию языков). Инкорпорирующие языки, введенные в типологию еще В. фон Гумбольдтом, называются Фортунатовым как особое явление языкового устройства, но не включены им в морфологическую классификацию, отчасти потому, что инкорпорация выходит за рамки морфологической классификации, отчасти из-за недостаточной изученности инкорпорирующих языков европейскими учеными XIX века. Древнееврейский же, как древнейший библейский язык, привлекавший внимание ученых всего мира, нуждался в теоретическом осмыслении, от него невозможно было «отмахнуться», как от чукотского или баскского. Искусственность отведенного семитским языкам флективно-агглютинативного типа не вызывает сомнений – язык описывается в чуждых ему категориях, разработанных для индоевропейских и тюркских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин Ф. М. Вопросы сравнительно-исторического языкознания в работах Ф. Ф. Фортунатова // Русское языкознание конца XIX – начала XX века. М., 1976. С. 67–117.

2. Березин Ф. М. Некоторые собственно лингвистические взгляды Ф. Ф. Fortunatova // Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1968. С. 84–99.
3. Волошина О. А. Диссертация Ф. Ф. Fortunatova «Самaveda Aranyaka Samhita» в контексте развития индологии и компаративистики конца XIX века // Fortunatovskie chteniya v Karelii: Sb. докладov mezhduar. nauch. konf. (10–12 sentyabrya 2018 goda, g. Petrozavodsk). Petrozavodsk, 2018. T. 1. С. 26–31.
4. Волошина О. А. Стилистика научных работ Ф. Ф. Fortunatova (или почему наши студенты не читают Fortunatova) // Русский язык в школе и дома. 2018. № 9. С. 2–5.
5. Волошина О. А. Учение Ф. Ф. Fortunatova о частях речи в русском языке // Русский язык в школе. 2019. № 2. (В печати.)
6. Елизаренкова Т. Я. Санскрит // Языки мира: Индоарийские языки древнего и среднего периодов. М.: Academia, 2004. С. 25–69.
7. Кацнельсон С. Д. Теория сонантов Ф. Ф. Fortunatova и ее значение в свете современных данных // Вопросы языкознания. 1954. № 6. С. 47–61.
8. Fortunatov F. F. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка // Избранные труды: В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 5–256.
9. Fortunatov F. F. Сравнительное языковедение. Общий курс. УРСС. М., 2010. 184 с.

Voloshina O. A., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

THE ROLE OF SANSKRIT IN THE DEVELOPMENT OF F. F. FORTUNATOV'S LINGUISTIC THEORY

The article analyzes the role of Sanskrit in the formation of the linguistic theory of the famous Russian linguist F. F. Fortunatov. The author shows the influence of Sanskrit on the formation of the methodology of comparative historical linguistics in Fortunatov's works, on his famous teaching about the form of the word, on the typological classification of the world languages, formulated by Fortunatov, on his teaching about the grammatical classes of words and accentual laws. The article concludes that Sanskrit played a great role in the formation of Fortunatov's linguistic concepts.

Key words: Sanskrit, linguistic theory, comparative linguistics, linguistic typology

REFERENCES

1. Berezin F. M. Problems of comparative-historical linguistics in the works of F. F. Fortunatov. *Russkoe yazykoznanie kontsa XIX – nachala XX veka*. Moscow, 1976. P. 67–117. (In Russ.)
2. Berezin F. M. Some linguistic views of F. F. Fortunatov. *Berezin F. M. Ocherki po istorii yazykoznaniiya v Rossii (konets XIX – nachala XX v.)*. Moscow, 1968. P. 84–99. (In Russ.)
3. Voloshina O. A. F. F. Fortunatov's dissertation "Samaveda Aranyaka Samhita" in the context of Indology and comparative studies development in the late XIX century. *Fortunatovskie chteniya v Karelii: Sbornik dokladov mezhduarodnoy nauchnoy konferentsii (10–12.09.2018, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2018. Vol. 1. P. 26–31. (In Russ.)
4. Voloshina O. A. The style of F. F. Fortunatov's scientific works (or why our students do not read Fortunatov). *Russkiy yazyk v shkole i doma*. 2018. No 9. P. 2–5. (In Russ.)
5. Voloshina O. A. F. F. Fortunatov's doctrine of Russian parts of speech. *Russkiy yazyk v shkole i doma*. 2019. No 2. (In print.) (In Russ.)
6. Elizarenkova T. Ya. Sanskrit. *World languages: Old and Middle Indo-Aryan languages*. Moscow, 2004. P. 25–69. (In Russ.)
7. Kacnel'son S. D. F. F. Fortunatov's sonant theory and its significance in the light of modern science. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1954. No 6. P. 47–61. (In Russ.)
8. Fortunatov F. F. Lectures on Old Slavonic (Church Slavonic) phonetics. *Selected works: In 2 vols*. Moscow, 1957. Vol. 2. P. 5–256. (In Russ.)
9. Fortunatov F. F. Comparative linguistics. General course. URSS. Moscow, 2010. 184 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 25.09.2018

ЕЛЕНА РАФХАТОВНА ГУСЕВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rafhatovna@mail.ru

АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ МАРАХТАНОВ

заместитель директора Регионального центра новых информационных технологий, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
marahthanov@mail.petrso.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА «ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА И ОНОМАСТИКА КАРЕЛИИ» КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ МЕДИАРЕСУРС ПО КРАЕВЕДЕНИЮ*

Описывается опыт создания информационной системы (медиатеки) «Диалектная лексика и ономастика Карелии» / *Dialect lexis and onomastics of Karelia* (ДЛОК / DLOK), фундаментального цифрового архива данных. В базы данных вводится лексика, зафиксированная начиная с XVI века по настоящее время, что дает возможность изучить вопросы формирования лексической системы говоров Карельского Поморья, проследить динамику лексической и ономастической системы региона, выявить архаичные и вновь появившиеся элементы, определить пласт слов субстратного происхождения, а также установить изменения социального, экономического характера в истории региона, отраженные в слове. Медиатека представляет собой динамический электронный информационный ресурс «с открытым входом», позволяющий описывать материал в рамках различных лингвистических подходов: в дальнейшем предполагается создание не только лексических, но и текстовых баз данных, включение информации на аудио- и видеоносителях. Информационная система снабжена инструментами редактирования, поиска и визуализации данных в привязке к электронной карте Карелии и сопредельных областей. Входящие в медиатеку ДЛОК / DLOK базы данных могут служить примером для создания подобных систематизированных структур по другим регионам России. С 2017 года ведется разработка сектора «Карельское Поморье».

Ключевые слова: цифровая гуманитаристика, медиатека, диалектология, ономастика, история, Карелия

С целью сохранения и изучения историко-культурного наследия, представленного в речевой культуре Русского Севера – архаической зоне русских народных говоров и русского фольклора, территории тысячелетних контактов русского и прибалтийско-финского населения в прошлом и настоящем, Лаборатория лингвистического краеведения и языковой экологии (Лаборатория ЛКЭ) Института филологии и Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК) Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ начали работу над созданием информационной системы (медиатеки) «Диалектная лексика и ономастика Карелии» / *Dialect lexis and onomastics of Karelia* (ДЛОК / DLOK), которая представляет собой цифровой архив данных, включающий материалы по лексике Карелии и сопредельных областей (Обонежье, Мурманская, Архангельская области). Информационная система может использоваться не только в исследовательских, но и в образовательных, просветительских целях. Ее создание обусловлено необходимостью интеграции научных парадигм в образовательные и просветительские процессы: ссылки на цифровой архив

данных будут размещены на информационном портале «Русская диалектология» (Институт русского языка имени В. В. Виноградова, г. Москва), сайтах Национального архива Финляндии, Центра поморской культуры (г. Беломорск) и др. Работа по созданию информационной системы началась в 2017 году в рамках проекта «Медиатека: русские говоры Карелии» по Программе развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет».

1. МЕДИАТЕКА – ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ АРХИВ ДАННЫХ

Информационная система (медиатека) ДЛОК / DLOK включает языковые факты, извлеченные из памятников письменности XVI–XIX веков, фольклорных текстов, записи диалектной речи, выполненные в экспедициях за последние 60 лет. Медиатека снабжена инструментами редактирования, поиска и визуализации данных в привязке к электронной карте Карелии и сопредельных областей. При проектировании архитектуры цифрового архива учитывается возможность расширения системы за счет добавления новых типов

информационных объектов (например, топонимические данные, текстовые базы данных), новых объектов хранения (мультимедиа, фотографии артефактов и т. д.), новых полей электронных карточек. Информационная система разработана на базе YiiFramework 2 и СУБД MySQL и доступна по адресу <https://lexis.petrsgu.ru/>; в период активного информационного наполнения доступна в режиме ограниченного доступа; размещена на серверном оборудовании Петрозаводского государственного университета. Техническое обслуживание осуществляют специалисты Регионального центра новых информационных технологий (РЦНИТ) ПетрГУ.

2. ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ КАК СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МЕДИАТЕКИ

Использование компьютерных технологий как особого способа представления языковых единиц (нарицательных и проприальных) позволяет классифицировать материалы по разным основаниям: 1) лингвистическим (ономастический, семантический, формальный – словообразовательный, морфемный, структурный); 2) экстралингвистическим (география, хронология, источник). Данный прикладной аспект работы должен обеспечить в последующем эффективность лексикографической обработки материалов наряду с традиционными методами (описательным, компонентным, сопоставительным, сравнительным). В настоящий момент информационная система (медiateка) ДЛОК / DLOK включает три базы данных:

- 1) Русская диалектная лексика Карелии (автор – Е. Р. Гусева, исполнители – И. Н. Дьячкова, Л. П. Михайлова, Н. Г. Урванцева);
- 2) Историческая антропонимия Карелии по документам XVI–XVII веков (автор, исполнитель – И. А. Кюршунова);

3) Ономастикон сказок Карелии (автор, исполнитель – О. В. Семенова).

Базы данных, входящие в информационную систему ДЛОК / DLOK, могут служить примером для создания подобных систематизированных структур по другим регионам России. В рамках проекта «Медiateка: русские говоры Карелии» в 2017 году начата разработка сектора «Карельское Поморье»: в базы данных введены диалектные и ономастические сведения, связанные с этим регионом.

2.1. Электронная база данных «Русская диалектная лексика Карелии»

База данных предназначена для хранения информации о русской диалектной лексике, зафиксированной начиная с 60-х годов XX столетия в экспедициях по Карелии и сопредельным областям; включает материалы, хранящиеся в архиве Лаборатории ЛКЭ [1]: сведения тетрадью с диалектными текстами и картотек Карельского государственного педагогического института / университета / академии и ПетрГУ. Материалы до 2004 года вошли в «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» [4] (далее – СРГК), в базу данных они вводятся с пометой СРГК.

Важной составляющей работы является определение темы, к которой относится лексема, номера вопроса и номера района по Федеральной программе собирания сведений для «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ)¹. В базе данных имеются соответствующие поля. Звездочкой (*) отмечены поля, по которым можно осуществлять выборку материала. Информация о лексеме сопровождается сканом карточки с диалектным словом (см. карточку 1).

Карточка 1

Поля электронной базы данных

заголовочное слово (ударная гласная обозначена прописной буквой)* кЕчкара
грамматическая помета* -ы, ж. р.
фонетическая транскрипция [кёчкара]
значение слова морское дно, которое обнажается во время отлива
иллюстрация На отливе по Белому морю, по кЕчкаре бродят медведи. Камбала
закапывается в грунт, они откапывают. [Что такое кЕчкара?] Грунт на отливе.
информатор* Семенова Надежда Сергеевна
населенный пункт с. Нюхча
район Беломорский
регион* Карелия
год записи* 2018
ссылка на тетрадь с диалектными текстами* Т. 1, С. 15
фольклорное*
фразеологическая единица*
примечания аудиозапись
тема (по программе ЛАРНГ) 3
номер вопроса (по программе ЛАРНГ) -
номер района (по программе ЛАРНГ) 11
место хранения Картотека ПетрГУ
собиратель Гусева Е. Р.

В течение 2017 года в рамках проекта «Медиаатка: русские говоры Карелии» выполнены следующие работы:

- методом сплошной выборки извлечены карточки из картотеки «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» по Беломорскому, Кемскому, Лоухскому районам Карелии – 5512 ед.;
- сведения карточек СРГК внесены в электронные таблицы заданного формата (каждая единица описана через набор параметров, см. выше: поля базы данных) в программе редактирования таблиц Microsoft Office Excel, карточки СРГК сфотографированы – 2932 ед.;
- осуществлен импорт данных из электронных таблиц заданного формата в базу данных «Русская диалектная лексика Карелии» – 1000 ед.

Электронная база лексики русских говоров Карелии, включающая диалектные слова, функционирующие в речи жителей региона с середины XX века по настоящее время, дает возможность исследователю проследить динамику лексической системы, изменения социального, экономического характера в истории региона, отраженные в слове.

2.2. Электронная база данных «Историческая антропонимия Карелии по документам XVI–XVII вв.»

База данных, включающая материалы ИЛЛИМИК и Лаборатории ЛКЭ, предназначена для хранения информации по антропонимии Карелии XVI–XVII веков; для включения представленных в ней материалов в научный оборот с целью сопоставления способов номинации лица и мотивов его именования в делопроизводственных документах разных регионов Карелии; для выявления универсальных и специфических принципов номинации человека, обусловленных особым географическим положением Карелии в указанное историческое время и ее этническим составом; для использования основной единицы базы данных – антропонимической карточки – в вузовском процессе обучения (см. карточку 2).

В 2017 году в электронную базу данных введено 1237 ед. из картотеки антропонимов по Выгозерскому погосту из Писцовой книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. (ПКОП)².

Карточка 2

Поля базы данных

заголовочное слово (антропоним) Ярыгин
 статус именуемого крестьянин
 иллюстрация деревня на Суме реки Гридинская Шилникова: в ней Иванко Ростовцев да сын его Иванко, в ней Федко Малгин, в ней Истомка Ярыгин, в ней Сенка Гаврилов Попов, в ней Ульянко Семенов Попов...
 география:
 погост Выгозерский
 населенный пункт дер. на Суме реки Гридинская Шилникова
 источник и хронология:
 документ ПКОП
 дата 1583
 страница в источнике 160
 этимология апеллятивная основа
 мотив именования именование по отцу
 анализ структуры:
 реализация в тексте Истомка Ярыгин
 статус единицы прозвище в основе патронима
 модель двухкомпонентная
 формула Н+Н
 реконструкция производящей базы Ярыга
 форма патроним
 формант модификата -ин
 примечание

Ранее методика обработки и систематизации антропонимических материалов апробирована И. А. Кюршуновой в соавторстве с О. В. Черняковым при составлении электронной базы данных «Историческая антропонимия Карелии по документам XVI–XVII веков (по материалам Олонецкого погоста)» [3].

2.3. Электронная база данных «Ономастикон сказок Карелии»

База данных предназначена для хранения антропонимической информации (личных имен, прозвищ, фамилий и проч.), представленной в сказках, записанных на территории Карелии (см. карточку 3). В 2017 году в базу данных

введено 1000 ед. из беломорских сказок, рассказанных М. М. Коргуевым³. Последующее введение ономастического материала в научный оборот позволит исследовать проблемы имен собственных не только в номинативном аспекте

(анализ принципов, способов, мотивов номинации лиц), но и в этнолингвистическом (картина мира, отраженная в именнике), в идиостилистическом (особенности представления сказочных сюжетов разными сказителями и т. д.).

Карточка 3

Поля базы данных

имя в тексте чаревна Татьяна
официальное имя Татьяна
статус единицы антропоним
модель 2-компонентное
формула А+К
формант
контекст Усадил он на стул свою чаревну Татьяну и стал бабушке обьеснять, кто оне и как едут.
примечания
синтаксические особенности
сказитель Коргуев
регион Беломорье
год фиксации 1936
название сказки Как чарьского сына унес комнатный ероплан
выходные данные Т. 1, Кн. 1, С. 96

3. МЕДИАТЕКА – ДИНАМИЧЕСКИЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС

В 2018 году получен грант РФФИ на реализацию проекта «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XIV–XXI вв.)», целью которого является дальнейшее наполнение медиатеки контентом. Продолжается работа по введению диалектных сведений из картотек Карельского государственного педагогического института и Петрозаводского государственного университета, фольклорных источников – сказок М. М. Коргуева, Ф. Н. Свинына, исторических источников – «Соловецкого летописца»⁴. Осуществляется чтение, транслитерация и набор в современной кириллице архивных текстов деловой письменности в скорописи XVII века из фонда «Олонецкая воеводская изба»⁵, хранящегося в Научном архиве Санкт-Петербургского института истории РАН на базе ИЛЛМИК, создается полнотекстовая база данных из транслитерированных текстов XVII века, отражающих историческую лексику северной Карелии, в том числе Карельского Поморья.

Проект «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XIV–XXI вв.)» предполагает полевое обследование. Летом 2018 года состоялась комплексная экспедиция, цель которой – сбор диалектного, фольклорного, ономастического материала (села Беломорского района РК) [2]. Имеющиеся в лексикографических источниках сведения требуют вторичного обследования для выявления степени сохранности говора и обнаружения новых языковых фактов. В задачи экспедиции входили сбор лексики русских говоров по программе «Лексического атласа рус-

ских народных говоров»³; запись живой речи на аудио- и видеоносители с целью фиксации вербальных и невербальных средств общения; камеральная обработка записанной диалектной речи; фиксация русской локальной микротопонимии и антропонимии; фотографирование этнографических реалий и диалектоносителей; запись рассказов поморов о личной, семейной, трудовой жизни и событиях, проходивших в разные исторические периоды (после революции 1917 года, коллективизации, в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период и т. д.). Особое внимание было обращено на обрядовую лексику, связанную с мореплаванием, рыбным промыслом и морскими походами в Скандинавию. Проведена работа по каталогизации музейного фонда этнокультурного центра «Хламной сарай» в пос. Нюхча, что позволяет визуализировать диалектные лексемы и представить в виде фотографий материальных предметов быта в электронной базе данных «Русская диалектная лексика Карелии».

Итак, информационная система «Диалектная лексика и ономастика Карелии» / *Dialect lexis and onomastics of Karelia* (ДЛОК / DLOK) представляет собой динамический электронный ресурс «с открытым входом», то есть возможностью постоянного дополнения и корректировки лексикографического материала в базах данных с последующим картографированием – созданием электронных карт. В нее включаются языковые факты, извлеченные из исторических, фольклорных источников, записи диалектной речи за последние 60 лет, представленные как на бумажных (предполагается создание не только лексических баз данных, но и текстовых),

так и аудио- и видеоносителях, что позволяет описывать материал в рамках различных лингвистических подходов (системно-структурный; антропоцентрический: когнитология, прагма-

лингвистика, теория речевых жанров, лингвоперсоналогия и т. д.) и использовать в междисциплинарных исследованиях (лингвогеография, этнолингвистика, контактология).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810 «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI–XXI вв.)».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁴ Программа собирания сведений для «Лексического атласа русских народных говоров»: В 2 ч. / Отв. ред. И. А. Попов. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994.
- ⁵ Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг.: материалы по истории Карельской АССР / Акад. наук СССР, Археогр. комис.; Под общ. ред. М. Н. Покровского; Сост. А. М. Андрияшев. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. IV. 268 с. (Материалы по истории народов СССР / Акад. наук СССР, Археогр. комис. Вып. 1).
- ⁶ Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым / Под ред. А. Н. Нечаева. М.: Сов. писатель, 1938. 257 с.
- ⁷ Соловецкий летописец (текст по списку конца XVIII в. из фондов НБ РК) / Подгот. к публ. и текстол. коммент. Е. Н. Кутковой. Петрозаводск: Национальная библиотека РК, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://library.karelia.ru/Resursy/Rukopisnye_knigi/Letopisec_Soloveckij/ (дата обращения 01.10.2018).
- ⁸ Чернякова И. А. Полнотекстовая электронная документальная коллекция «Олонецкая воеводская изба» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://illmik.petsu.ru/illmik/Archive_2.html (дата обращения 12.10.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусева Е. Р. Об архиве лаборатории лингвокраеведения и языковой экологии Карельского государственного педагогического университета // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов: Материалы науч.-практ. семинара, г. Петрозаводск, 23–24 марта 2009 г. / Отв. ред. В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 2009. С. 22–34.
2. Гусева Е. Р., Андрианова А. Ю. Комплексная экспедиция «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI–XXI вв.)» // CARELiCA. 2018. № 2 (20). С. 52–61.
3. Кюршунова И. А., Черняков О. В. База данных по исторической антропонимии как ономастический тезаурус // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: Сб. материалов и исследований междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016. Кострома, 2016. С. 401–407.
4. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.

Guseva E. R., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Marakhtanov A. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

INFORMATION SYSTEM “DIALECT LEXIS AND ONOMASTICS OF KARELIA” AS A DYNAMIC MEDIA RESOURCE FOR LOCAL STUDIES*

The article describes the experience of creating an information system (media library) “Dialect Lexis and Onomastics of Karelia” (DLOK), a fundamental digital data archive. DLOK media library includes language facts extracted from written records of the period between the XVI and the XIX centuries, folklore texts, dialect recordings made during the expeditions over the past 60 years – data stored in the archives of the Laboratory of Regional Linguistic Studies and Language Ecology and the Research Laboratory for Local and Microhistory of Karelia at Petrozavodsk State University. The information system is equipped with tools for editing, searching and visualizing data in relation to the electronic map of Karelia and the adjacent areas. Currently, the system includes three databases: Russian dialect vocabulary of Karelia, historical anthroponymy of Karelia according to the documents from the XVI–XVII centuries, and onomasticon of fairy tales of Karelia. The databases included in the DLOK information system can serve as an example for creating similar systematized structures in other regions of Russia. The media library is a dynamic electronic information resource: in the future it is planned to create not only lexical, but also textual databases, including information on audio and video media, which will enable to describe the materials using various linguistic approaches.

Key words: digital humanities, media library, dialectology, onomastics, history, Karelia

* The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project No 18-012-00810 “Karelian Pomorye: lexis and onomastics (XVI–XXI centuries)”.

REFERENCES

1. Guseva E. R. The archive of the Laboratory of Regional Linguistic Studies and Language Ecology of Karelian State Pedagogical University. *Metodika polevykh rabot i arkhivnoe khranenie fol'klornykh, etnograficheskikh i lingvisticheskikh materialov: Materialy nauchno-prakticheskogo seminara, Petrozavodsk, 23–24 marta 2009*. Petrozavodsk, 2009. P. 22–34. (In Russ.)
2. Guseva E. R., Andrianova A. Yu. Complex expedition “Karelian Pomorye: lexis and onomastics (XVI–XXI centuries)”. *CARELiCA*. 2018. No 2 (20). P. 52–61. (In Russ.)
3. Kyurshunova I. A., Chernyakov O. V. Historical anthroponymy database as an onomastic thesaurus. *Gromovskie chteniya. Vypusk 3. Zhivoe narodnoe slovo i kostromskoy kray: Sb. materialov i issledovaniy mezhdunar. nauch. konf. Kostroma, 7–9 noyabrya. 2016 g.* Kostroma, 2016. P. 401–407. (In Russ.)
4. Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas. Issues 1–6. St. Petersburg, 1994–2005. (In Russ.)

Поступила в редакцию 16.10.2018

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЯКОБА

кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 1 института лингвистики и межкультурной коммуникации, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск, Российская Федерация)
irina_yakoba@mail.ru

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ПАРАМЕТРЫ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Увеличение влияния медийного дискурса на общественное сознание определяет *актуальность* изучения феноменологии и функционирования медийного пространства как транслятора ценностей и оценочной информации для конструирования социальной реальности, заданной заказчиком. Возникающая проблема технологического управления и манипулирования сознанием массового адресата может быть решена путем обнаружения когнитивно-дискурсивных средств, способствующих данным процессам. Целью статьи является выявление внешних и внутренних параметров технологии «Умной настройки» медийного дискурса. Ведущим методом исследования является интерпретативный анализ, основанный на принципах синергетики. В результате исследования обосновано выделение параметров, стоящих за дискурсом и проявляющихся в процессе дискурсивизации. В ряду внешних параметров дискурса выделяются: *аттрактивность ситуации, сила позиции адресанта, горизонт ожиданий адресата, режим коммуникации*. В ряду внутренних параметров дискурса выделяются: *аттрактивность сообщения, гармонизация, модализация, паттернизация, поликодовость, смысло-ритмические модуляции, тенсивность*. Показано, как аттрактивизация дискурса используется в рекламе для персуазивного воздействия на целевого адресата. Приведен пример действия аттракторов в рекламном медийном дискурсе. Демонстрируется феноменология действия *жесткой, мягкой и умной сил* в дискурсе согласно разработанной автором технологии «Умная настройка». Технология «Умная настройка» показывает, как конструируется дискурс в оптимальной приближенности к эффективному воздействию за счет настройки его силового потенциала. Характер «умной» настройки достигается гибким совмещением сил на ценностно приемлемой основе, как на контролируемое сознанием рационально-прагматическое, так и на подсознательное в человеке.

Ключевые слова: медийный дискурс, власть дискурса, внешний и внутренний параметр, «Умная настройка»

Медийный дискурс как инструмент трансляции ценностных сообщений эффективно воздействует на массовое сознание. Отмечено, что масс-медиа

фактически контролируют всю культуру, пропуская ее через свои фильтры... повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют таким образом все поле культуры [7].

При этом события и явления, оставшиеся за пределами внимания медийного пространства, не рассматриваются социумом как значимые. Медiateксты несут в себе оценочность и особую эмоциональность, при этом оценка проявляется ярко и активно [6: 145]. Отмечено, что предметные сферы медийного коммуникативного пространства являются аксиологически насыщенными и отражают центры социальной напряженности [2: 56].

Актуальность исследования параметризации медийного дискурса определяется логикой развития современной лингвистики на интегрирование достижений в русле когнитивной лингвистики, дискурсологии, лингвопрагматики, теории коммуникации, синергетики, семиотики по вектору определения языка в его феноменологии операто-

ра и креатора социальной реальности в коммуникации. Данный аспект видения языка отражается в формулировании ряда современных эпистем познания, к которым относится эпистема *власти и силы дискурса*, развивающаяся в русле энергетической концепции языка. Возникают вопросы, связанные с возможностями настройки дискурса: 1) каким образом усиливается роль медийного пространства и медийного дискурса, в котором происходят не только процессы информирования, но и конструирования событий, их оценивания, идеологизации [16: 15]? 2) какими способами возможно усиление роли языка в конструировании, моделировании реальности человека? Появляется необходимость уточнения характера медийного пространства и разработки проблемы потенциала дискурса в управлении медийной коммуникацией. В данном русле выделяется концептуальная тенденция, связанная с теорией речевого воздействия, к которой следует отнести теорию речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрль), теорию интенциональности (Г. П. Грайс, Дж. Сёрль), теорию аргументации (Ф. ван Ееремен, Р. Гроотендорст), теорию мифологизации (Р. Барт), теорию манипуляции и провоцирования (А. Грамши,

Э. Берн, Т. Адорно, Г. Маркузе, С. Кара-Мурза). В установочном плане в концепциях данного ряда разрабатывается положение об иллюкативной силе акта речи и фокусируется идея однонаправленного интенционального воздействия адресанта на публичного адресата, без акцентирования факта интеракционального отношения в коммуникации. Усиление положения об открытом характере языка и нелинейности коммуникации способствует развитию категории диалогичности дискурса (М. М. Бахтин, В. С. Библер), формирующей представление о коммуникативном пространстве как пространстве «между», определяющем конструирование смысла во встречных обменных процессах между адресантом и адресатом. Категория и теория диалогичности обогащаются теориями конверсационального анализа в презумпции следования максима-нормам общения (Г. П. Грайс), интеракциональной лингвистики, аутопоietической концепции, в которой язык трактуется как взаимная координация поведения в пространстве лингвистических символов (У. Матурана, Ф. Варела), концепциями об акциональности языка в его воздействующем потенциале, способствующем социальному конструированию действительности. Утверждается мысль не только о функциональном моделирующем, но и управляющем, мобилизующем потенциале дискурса (Р. О. Якобсон, Т. ван Дейк, Р. Блакар, М. Фуко, Г. Лассуэлл, Н. Д. Арутюнова, Е. И. Шейгал, van Leeuwen и др.) в процессах осмысления, оценивания и действия, приобретающих событийный характер в практике социального бытия. В концепции социального конструирования реальности [1] разрабатывается проблема социологии знания и языка в русле решения вопроса о том, как человек создает социальную реальность и как эта реальность создает человека.

Отвечая потребности в познании социальной реальности языка, разрабатывается проблема *власти дискурса*, которая, обладая статусом когнитивной метафоры синергийного плана, включает вопросы функционального, инструментального плана в языке (М. Фуко, Г. Лассуэлл, Ю. Хабермас, Р. Водак, Т. ван Дейк). *Власть дискурса* понимается как отношение силы в коммуникации – степени интенсивности производимого влияния и трактуется двояко: как власть, стоящая «за языком», и как власть «в самом языке» [14: 43], [15: 1–16]. В первом случае воздействующий потенциал дискурса определяется его обусловленностью центрами силы в социальном коммуникативном пространстве. Во втором случае производится

анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке [3: 287].

Уточняется, что

не выраженные прямо аргументы и туманные тексты подвергаются реконструкции, и содержащиеся в них скрытые значения раскрываются [3: 287].

Данное исследование направлено на уточнение и раскрытие власти как силы дискурса, которая регулирует и контролирует коммуникативно-дискурсивные процессы посредством настройки дискурса, критерием результативности которой выступает эффективность. Методом данного исследования является интерпретативный анализ когнитивной лингвистики и дискурс-анализ, в основании которых лежат синергетические принципы нелинейности (альтернативности), неустойчивости (динамичности) и незавершенности (открытости) [12: 75–88].

Потенциал *власти дискурса* направлен на управление коммуникацией, то есть попытку подчинения, взятия под контроль влияния на адресата с целью достижения доминирования в конкурентной коммуникации, а также достижение событийности. Событийность рассматривается как конструирование и/или изменение видения дискурсивного мира в сознании адресата в нужном ориентированном направлении и изменение в социальной практике – осмыслении, интериоризации, реагировании, поведении, действии. В этой связи возникают вопросы: каким образом осуществляется *власть дискурса*? Власть осуществляется субъектами дискурса, то есть инстанциями, стоящими за дискурсом, или процессом дискурсивизации, то есть властью самого дискурса? Ответ на поставленный вопрос состоит в следующем. *Власть дискурса* осуществляется за счет оптимальной технологической настройки дискурса, которая отражает как параметры, настроенные «за дискурсом», до начала его функционирования, отражающие деятельность субъектов, так и параметры самой феноменологии дискурса в траектории его реализации в коммуникации. Способом моделирования силового влияния дискурса является параметризация. Термин «параметризация» определяется как выявление измерений – параметров континуума, с помощью которых устанавливается когнитивная «наладка» модели [8]. Искомый способ настройки представляет собой технологию «Умная настройка» (ТУН) и определяется посредством выявления и раскрытия регулирующих настройку сил, параметров и механизмов в медийном пространстве [13: 106]. ТУН исследуется в динамике реализации дискурса, характеризует его в оптимальной приближенности к эффективному воздействию: доминированию дискурсивной формации как позиции в коммуникативном пространстве за счет настройки его силового потенциала. Приспособляемость, гибкость ТУН по отношению к адресату, хронотопу и другим факторам и условиям соотносится со свойствами любых нелинейных динамических систем в синергетике:

...приспособляемость (к изменениям параметров внешней среды) и пластичность поведения – два основных свойства нелинейных динамических систем [10].

Как было отмечено выше, потенциал *власти дискурса* как эффективной дискурсивной технологии определяет его событийный, трансформирующий потенциал воздействия. Управление коммуникацией связано с интерпретативно-оценочными процессами и фильтрами, когнитивной системой адресанта и целевого адресата, постоянно включенного в разные коммуникативные среды; сетевой и централизованной структурой; степенью эффективности дискурса в траектории его реализации. В данном ракурсе рассмотрения настройки дискурса особое значение приобретает характеристика «умный»: умная система, умная настройка, умная сила, умный знак, означающая способность выполнять процессы и добиваться результатов относительно автономно, за счет своей высокой технологичности, технологической настройки. Одной из наиболее важных характеристик «Умной настройки», как и нелинейной динамики, выступает поливариантность протекания процессов, основанная на нелинейности [5]. Необходимо отметить, что «Умная настройка» не может быть объяснена только рационально, логически, напротив, иррациональные и даже противоречивые параметры достижения эффективности преобладают. Установленные параметры систематизируются по двум показателям: 1) по принадлежности к факторам, задействованным до момента реализации дискурса или в ходе дискурсивизации: *внешние и внутренние параметры* [11: 37], выводным синергичным потенциалом которых является сила дискурса; 2) по характеру силы дискурса: *мягкая, жесткая, умная силы*.

Внешние параметры ТУН, отражающие власть, стоящую «за дискурсом», зависят от сознательной, целенаправленной стратегической деятельности адресанта, влияют на адресата-интерпретатора в восприятии и осмыслении, ориентируют его интерпретативные когнитивные процессы в нужном направлении конструирования понимания, притяжения точки зрения, видения мира. В ряду внешних параметров отметим: 1) *аттрактивность* ситуации, чреватой рисками для будущего; 2) *силу позиции адресанта*, определяющей его силу в коммуникативной ситуации и силу его влияния, управления ситуацией, например статусность, авторитетность, харизматичность; 3) *горизонт ожиданий* адресата, точки зрения на ситуацию, что облегчает прохождение когнитивных фильтров; 4) реализуемый субъектом *режим коммуникации* – истинно диалогический или формально диалогический, открывающий диалог сознаний, или закрытый, монологический. В качестве примера объекта, обладающего властью, стоящей за дискурсом, приведем доминанцию английского языка в мире, а именно его стандартного британского варианта [14: 55–58]. Ассоциируясь с авторитетными и обладающими властью структурами, организующими управление – правительство, администрация, закон,

религия, образование и т. д., – стандартизированный английский начал становиться языком политической и культурной силы [14: 56]. К нему стали относиться как к «правильному» английскому, который косвенно отражает стиль жизни, моральные устои и пр. его носителей – доминирующего капиталистического класса. Считается, что те, кто говорит на этом классовом диалекте (Received Pronunciation), имеют выгодное преимущество среди рабочего класса, так как перед ними открываются возможности найти лучшую работу и занять более высокие должности.

Внутренние параметры ТУН, отражающие *власть, исходящую от самой дискурсивизации*, придают силу дискурсивной позиции, то есть силу продвигаемой точки зрения, которая конструирует дискурс в интеллектуальном коммуникативном пространстве. Такие параметры ТУН влияют на адресата синергично, во взаимодействии, совмещенности, в согласии или вне его рациональной рефлексии, воздействуют на глубинное ценностное, эмоциональное измерение его когнитивной системы, а также на бессознательное, выходящее на уровень смысло-жизненных ценностных концептов адресата. Выделяются следующие внутренние параметры: аттрактивность, гармонизация, модализация, паттернизация, поликодовость, смысло-ритмические модуляции, тенсивность [13: 16–18].

Синергичность, как связующий элемент, усиливает потенциал выявленных параметров и разных инструментов, способствуя эффективности коммуникации. Особую значимость для настройки дискурса имеет синергично осмысляемый параметр *аттрактивности*. Под аттрактивностью понимается качество дискурса, возникающее благодаря аттракции. Аттрактор – способ продвижения смысла, упорядочивающий ситуацию когнитивной неопределенности, онтологически присущей коммуникативному дискурсивному пространству и конструированию дискурсивного мира [9: 13]. Таким образом, аттракторы призваны активизировать при восприятии и интериоризации когнитивные процессы, концентрируя синергию воздействия путем настраивания, высвечивания разных граней, например игры со смыслом на фоне контрастного сценария дискурсивизации. Рассмотрим в качестве примера дискурса, претендующего на аттрактивность, рекламные видеоролики одного из провайдеров сотовой сети¹. Средняя длительность роликов – около 30 секунд, что предполагает максимально формульное и аттрактивное исполнение. Сюжеты роликов основываются на упорядочении ситуации продвижения данного провайдера в конкурентном пространстве посредством аттракторов. К их числу относятся: 1) название ролика, например «Месяц в подарок», «Фикус», «Мушкетеры», «Дисконнект», «Настоящий безлимит», «Техника укрощения цен», «Капитан безлимитность»;

2) прецедентного типа сценарий «супер-героя», победно решающего проблему в оппозиции к глуповатой барышне, олицетворяющей «другой Интернет»; 3) «говорящее» цветообозначение (акцентированная контрастная семиотика цвета: полосы желтого и черного цветов противопоставляются ярко-розовому цвету); 4) повторяющийся дискурсивный перформатив-слоган, финализирующий ролик: *Билайн. Просто. Удобно. Для тебя!* Аттрактивизация медийного рекламного дискурса происходит посредством активизации аттракторов, креативно сконструированных адресатом, динамично трансформирующихся на протяжении всей траектории рассматриваемого дискурса. Следовательно, аттрактивизация создает необходимую привлекательность дискурса, способствует эффективности коммуникации, конструируя дискурс. Актуализируя аттракторы, адресант может управлять дискурсом, привлекать внимание адресата, сдвигать фокус внимания, направлять ход мыслей адресата.

Понятие «силы» рассматривается как способность вызвать процессы катализа и выступить в качестве аттрактора в семиозисе, соотносится с градацией потенциала, степенью воздействия в терминах *жесткой, мягкой и умной сил* в дискурсе. *Жесткая сила* как воздействующий потенциал дискурса реализует управление коммуникацией путем преодоления предполагаемого сопротивления адресата: не открывая диалогический режим коммуникации; представляя безальтернативную, категорическую квалификацию дискурсного топика; усиливая субъектную эпистемическую модальность в аргументации базового тезиса. *Мягкая сила* как воздействующий потенциал дискурса реализует управление коммуникацией на основе открытия диалогического режима общения (не прибегает к безальтернативным утверждениям, квалификациям, оцениванию, проекциям); преодоления когнитивных фильтров путем приспособления к когнитивной системе целевого адресата, в соответствии с идентифицирующими ценностными концептами и ориентирами. *Умная сила* как воздействующий потенциал дискурса реализует управление коммуникацией на основе согласования целевых ориентиров ожидания адресата, его идентификационных концептуальных ориентиров, выходящих на эмоционально-аффективный уровень, возможностей задействования аргументов интеллектуальной ценности и факторов вне рациональной рефлексии.

Отметим, что качество «умности» силы дискурса определяет фактор целевого адресата. Он может породить двойственную характеристику дискурса с точки зрения силы влияния. Например, дискурс Трампа, сконцентрированного вокруг концепта-идеи «Америка превыше всего». Для его нецелевого адресата дискурс этот явно жесткий, а вот для целевого, проецируемого

адресата-дестинатора – вполне «умный», он полностью приспособлен, отвечает ожиданиям его целевого адресата, полностью проходит его фильтры, предлагая столь долго ожидавшуюся ценностную платформу, ориентир деятельности президента США – интересы и целевые установки «среднего американца» – основного электората Трампа. Рассмотрим пример множественной интерпретации ситуации политического медийного дискурса, в которой можно наблюдать действие дискурсивных сил в разных интерпретациях. Так, 20.02.2019 года после того, как президент РФ Владимир Путин огласил послание Федеральному собранию, в ходе которого глава государства традиционно излагает свою оценку положения дел в стране и видение основных задач на перспективу, в СМИ разных стран появились статьи, интерпретирующие данное выступление с разной степенью жесткости или мягкости. Сначала представим первоначальный фрагмент видеозаписи выступления В. В. Путина², которое длилось 87 минут. Выбранный фрагмент на тему одностороннего выхода США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности длится с 72-й по 84-ю минуту. На 77-й минуте президент произнес следующее высказывание:

(1) Россия будет вынуждена создать и развернуть виды вооружений, которые могут быть использованы не только в отношении тех территорий, с которых для нас будет исходить соответствующая прямая угроза, но и в отношении тех территорий, где находятся центры принятия решений о применении угрожающих нам ракетных комплексов³.

Данный дискурс определяется нами как умный, сконструированный УС по следующим критериям. 1) Целью продвижения в дискурсе является управление траекторией дискурса для оптимизации коммуникации: объяснение своей позиции и своих действий при моделировании будущего. Для этого используются различные грамматические ресурсы будущего времени, согласительного наклонения реального типа (*будет вынуждена, будет исходить*), модализация (*могут быть*). 2) Содержание имеет аттрактивный характер, касается безопасности мирового масштаба. Сдвиг интеллектуального и аргументативного пути концептуализации и оценивания происходит посредством лингвокогнитивных механизмов фокусирования и фреймирования. Вуализация смысла происходит посредством эвфемизации номинаций и номинативных конструкций. Непрямое наименование и обобщение без конкретизации объекта обнаруживает языковую игру с целью побудить адресата к домысливанию и способствует смягчению ситуации напряжения (*территорий, центры принятия решений*). 3) Концептуальный сценарий фреймируется как достижение взаимовыгодного результата – мира. 4) Транслируемые ценности

определяются как достижение консенсуса, эффективного сотрудничества при свободе выбора:

(2) Россия не намерена – это очень важно, я повторяю это специально – Россия не намерена первой размещать подобные ракеты в Европе. Если же они действительно будут произведены и поставлены на европейский континент, а США такие планы имеют, во всяком случае, мы не слышали обратных заявлений, то это резко обострит ситуацию в сфере международной безопасности, создаст для России серьезные угрозы... (3) Россия хочет иметь полноценные, равноправные и дружеские отношения с США. Россия никому не угрожает, а все наши действия в сфере безопасности носят исключительно ответный, а значит, оборонительный характер. Мы не заинтересованы в конфронтации и не хотим ее, тем более с такой глобальной державой, как Соединенные Штаты Америки. (4) ...Мы готовы к переговорам по разоруженческой тематике, но стучаться в закрытую дверь больше не будем. Подождем, пока и наши партнеры созреют, осознают необходимость равноправного диалога по этой теме.

5) В ряду инструментов, конструирующих УС, выявлены стратегии визуализации, моделирования возможного мира, механизмы фреймирования, фокусирования, представленные выше.

Рассмотрим реакции западных СМИ на послание президента РФ. Речь Путина в американской газете представили как агрессию и воинственный выпад:

(5) President Vladimir Putin said Russia would target the U.S. with new advanced weapons if Washington deploys intermediate-range missiles in Europe, a threat that appeared aimed at holding the line but leaving open the possibility of negotiations after the breakdown of a nuclear treaty⁴.

Данный дискурс определяется нами как жесткий, сконструированный ЖС по следующим критериям. 1) Целью продвижения в дискурсе является максимальная степень воздействия. Само название статьи кратко, но жестко фреймирует ситуацию в заданных рамках агрессии и конфронтации:

(6) *Putin Ratchets Up Nuclear Warning Against U.S.*

2) Содержание характеризуется однозначным, иррациональным подведением к конечному выводу – Россия проявляет агрессию и готовится к войне. В статью инкорпорировано черно-белое видео длительностью 3 мин. 47 сек., рассказывающее о договоре 1987 года, который Россия будто бы нарушила обманным путем:

(7) A historic nuclear agreement between the U.S. and Russia is on the brink of collapse. The U.S. has accused Russia of cheating on the treaty... [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://m.wsj.net/video/20190201/013119rusmissile/013119rusmissile_v2_ec664k.mp4.

3) Концептуальный сценарий фреймируется как агрессия и обман со стороны России, нарушение договора и производство ракет средней дальности. Активация стратегии мобилизации обусловлена использованием милитаристских лексем угрожающего воздействия (*Nuclear Warning, new advanced weapons*). Фреймирование си-

туации, в которой интенсифицируется угроза безопасности страны (*threat*), указание на действия «обидчика-агрессора» (*Russia would target, aimed at holding the line*) происходят посредством активации механизмов позиционирования «мы – хорошие, они – враги» и имажинеринга в подвиде драматизации, когда ситуация визуализируется как преувеличенно опасная; происходит нагнетание негативных эмоций по отношению к какому-либо объекту (факту, событию, человеку, коллективу, государству, народу и т. д.). 4) Транслируемые ценности определяются как контроль над ситуацией, превосходство над другими. Подразумевается, что США имеют право монтировать и контролировать военные установки в Европе, управляя ими со своей территории (*Washington deploys intermediate-range missiles in Europe*). В то время как зеркальные действия оппонентов трактуются как угроза, противостояние (*a threat that appeared aimed at holding the line*). 5) В ряду инструментов, конструирующих ЖС, выявлен спин-докторинг как механизм, который основан на намеренном необъективном изложении события или факта, когда доказательства не предоставляются, а сам конструкт принимается без тщательного доказательства и обоснования, потому что адресат настроен поверить в конструируемую ложь, которая подтверждает его желания и надежды.

Рассмотрим фрагмент статьи, озаглавленной «*Russia may be forced to aim weapons at Washington, suggests Putin*», британской газеты *The Guardian*⁵. Данный дискурс определяется нами как мягкий, сконструированный МС по следующим критериям. 1) Целью продвижения в дискурсе является привлечение внимания посредством конструирования аттрактивного сообщения о резонансном актуальном событии. 2) Содержание имеет предположительный характер, заголовок сконструирован посредством модализации, выраженной модальностью возможности (*may be forced*) и сдвига оценки, выраженной осторожно и мягко, на что указывает глагол *suggest*, имеющий семантику запроса и выдвижения идеи. 3) Концептуальный сценарий фреймируется как конструирование авторитетной позиции, обладающей всей важной информацией и готовой ею поделиться. Важным является характеристика объективности представления информации, отсутствие оценочных слов и мнений, но в то же время присутствует модализация без категорической тональности:

(8) 'Centres of decision making' will be targeted if west deploys new missiles in Europe; (9) "Russia will be forced to create and deploy types of weapons, which can be used not just against those territories, from which the direct threat will come, but also against those, where the centres of decision-making for using these missile systems will come," the Russian president said.

4) Транслируемые ценности определяются как дружелюбность ко всем участникам конфликтной коммуникации, конформизм и попытка разобраться в проблеме. Ссылка на исторические

факты и ход текущих событий позволяет представить собственную интерпретацию ситуации рационально обоснованно и логически выстроено, учитывая обе позиции:

(10) The treaty, concluded by Ronald Reagan and Mikhail Gorbachev, banned the development and deployment of land-based missiles with a range of 500–5,500 km and was widely credited with banishing nuclear missiles from Europe. The US, led by the national security adviser, John Bolton, suspended the treaty this month amid claims that Moscow had secretly developed a cruise missile that violated the agreement. Russia denies this.

Интенция смягчить впечатление от темы волевого противостояния выражается в выведении из фокуса внимания и переключении на более нейтральные вопросы в конце аналитического обзора:

(11) The speech, seen as Russia's version of the State of the Nation address, was largely focused on the economy. Putin, whose popularity ratings are at a five-year low, promised increased public spending, lower taxes for families and better living conditions for Russians.

5) В ряду инструментов, конструирующих МС, выделим стратегию самопрезентации, механизм позиционирования в подвиде дистанцирования, который указывает на стремление к нейтральной оценочности коммуникантов, стремление логично и рационально представить ситуацию, не занимая чью-либо сторону. Используется для уравнивания позиций оппонентов, параллельно поднимая собственную значимость в глазах адресата. Механизм дефокусирования используется для выведения из фокуса внимания коммуникантов «нежелательных» свойств референта и приводит в отдельных случаях к перекаатегоризации как понижению ранга когнитивной выделенности элементов семантики языковых единиц и выражений, то есть их переход из первичного фокуса во вторичный фокус или в имплицитный фон. Частичное или полное вы-

ведение из фокуса внимания негативной оценки объекта осуществляется по ходу переконструирования его образа и создания его более «приятной» или более диффузной «картинки».

Итак, эффективному управлению коммуникацией и социальному контролю в медийном пространстве способствует технологическое синергичное задействование внешних и внутренних параметров, сил и механизмов, что определяется в технологии «Умная настройка» дискурса. Характер «умной» настройки воздействия достигается гибким совмещением сил воздействия на ценностно приемлемой основе как на контролируемом сознанием рационально-прагматическом уровне, так и на подсознательном в человеке: архетипическом, эмоциональном и психофизиологическом, например с опорой на воображение и смысло-ритмические модуляции медиатекста.

Моделирование внешних и внутренних параметров дискурсивизации становится возможным в координатах технологического взаимодействия на основе положения о силе за языком (внешние параметры) и силе в самом языке (внутренние параметры). В первом случае воздействующий потенциал дискурса определяется его обусловленностью центрами силы в социальном коммуникативном пространстве. Во втором случае выявляется власть самого дискурса как управления коммуникацией посредством управления дискурсом. ТУН характеризует дискурс в его оптимальной приближенности к эффективно-му воздействию: доминированию дискурсивной формации как порождению новых смыслов в коммуникативном пространстве.

Дальнейшее исследование параметров ТУН целесообразно в плане расширения сфер, объектов и сущности сил влияния в дискурсах разного типа и вида, в том числе в лингвоконцептуальном и лингвокультурологическом планах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рекламный ролик Билайн «Месяц в подарок» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/CP9xDKtPZow> (дата обращения 07.06.2017).
- ² Послание Владимира Путина Федеральному собранию 2019. Полная версия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ltv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/poslanie-federalnomu-sobraniyu/poslanie-vladimira-putina-federalnomu-sobraniyu-2019-polnaya-versiya> (дата обращения 21.02.2019).
- ³ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения 21.02.2019).
- ⁴ Putin Ratchets Up Nuclear Warning Against U.S. Wall Street Journal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/putin-ratchets-up-nuclear-warning-against-u-s-11550668465?ns=prod/accounts-wsj> (дата обращения 21.02.2019).
- ⁵ Roth A. Russia may be forced to aim weapons at Washington, suggests Putin. The Guardian [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2019/feb/20/russia-may-be-forced-to-aim-weapons-at-washington-suggests-putin> (дата обращения 21.02.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. на рус. яз. Е. Руткевич. М., 1995. 323 с.
2. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в масс-медийном коммуникативном пространстве // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2. С. 55–63.
3. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 286–291.
4. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: Пер. с англ. М.: Либроком, 2013. 344 с.

5. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994. 236 с.
6. Малиарчук-Прошина У. О. К вопросу о роли медиатекстов как трансляторов ценностной информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 145–150.
7. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 406 с.
8. Параметризация / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 118–123.
9. Серебренникова Е. Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 13–18.
10. Синергетика. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/6876> (дата обращения 05.01.2019).
11. Хакен Г. Синергетика / Пер. с англ. В. И. Емельянова. М.: Мир, 1980. 404 с.
12. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985. 424 с.
13. Якоба И. А. Лингвокогнитивные параметры дискурса в технологии «Умная настройка». Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2017. 189 с.
14. Fairclough N. L. Language and power. London: Longman, 1989. 259 p.
15. Sik Hung Ng, Fei Deng. Language and Power. The Oxford research encyclopedia, communication. Oxford University Press USA, 2016. 26 p. Available at: <http://communication.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-436> (accessed 05.01.2019).
16. Van Dijk T. Ideology: A multidisciplinary Approach. SAGE, 1998. 384 p.

Iakoba I. A., Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation)

OUTER AND INNER PARAMETRES OF MEDIA DISCOURSE SMART TUNING

The increase in the influence of media discourse on public consciousness determines the relevance of studying phenomenology and the functioning of media space as a translator of values and evaluative information for constructing social reality given by the sponsor. The emerging problem of technological control and manipulation of the consciousness of the mass addressee can be solved by detecting cognitive-discursive means that promote these processes. The purpose of the article is to identify the inner and outer parameters of the media discourse “Smart Tuning” technology. The leading research method is interpretive analysis based on the principles of synergetics. The study results substantiated the selection of the parameters behind the discourse and manifested in the process of discourse. Among the outer parameters of discourse, the following ones stand out: the attractiveness of the situation, the strength of the addresser’s position, the recipient’s horizon of expectations, and the mode of communication. Among the inner parameters of discourse, there are: the attractiveness of the message, harmonization, patterning, sense-rhythmic modulations, modalization, multimodality, and tension. It is shown how discourse attraction is used in advertising for the persuasive impact on the target addressee. An example of the action of attractors in advertising media discourse is given. The phenomenology of the action of hard, soft, and smart powers in discourse is demonstrated according to the “Smart Tuning” technology developed by the author. The “Smart Tuning” technology shows how the discourse is constructed in optimal proximity to the effective impact by adjusting its power potential. The nature of the “smart” tuning is achieved by a flexible combination of powers on a value-acceptable basis, both on the rational-pragmatic, controlled by the consciousness, and on the subconscious in a person.

Key words: media discourse, discourse power, outer and inner parameter, “Smart Tuning”

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. Social reality construction. Treatise on the sociology of knowledge. (E. Rutkevich, Russian Trans.). Moscow, 1995. 323 p. (In Russ.)
2. Vikulova L. G., Serebrennikova E. F. Structures of modeling of value reference points of the discourse of social reality in the mass-media communicative space. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Language theory. Language education*. 2014. No 2. P. 55–63. (In Russ.)
3. Vodak R. Critical linguistics and critical discourse analysis. *Political linguistics*. 2011. No 4 (38). P. 286–291. (In Russ.)
4. Deik T. A. van. Discourse and power. Representation of dominance in language and communication. Trans. from English. Moscow, 2013. 344 p. (In Russ.)
5. Kniazeva E. N., Kurdiymov S. P. The laws of evolution and self-organization of complex systems. Moscow, 1994. 236 p. (In Russ.)
6. Maliarchuk-Proshina U. O. The role of media texts as translators of value information. *Proceedings of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2016. Vol. 2 (68). No 4. P. 145–150. (In Russ.)
7. Mol A. Sociodynamics of culture. Moscow, 1973. 406 p. (In Russ.)
8. Parametrization (V. Z. Demiankov). *Concise dictionary of cognitive terms*. (E. S. Kubryakova, Ed.). Moscow, 1996. P. 118–123. (In Russ.)
9. Serebrennikova E. F. Axiological parametrization of social discourse. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*. 2013. No 3 (24). P. 13–18. (In Russ.)
10. Synergetics. Humanitarian Encyclopedia. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/6876> (accessed 05.01.2019). (In Russ.)
11. Khaken G. S. Synergetics. (V. I. Emelianova, Trans. from Eng.). Moscow, 1980. 404 p. (In Russ.)
12. Khaken G. Synergetics. Hierarchies of instabilities in self-organizing systems and devices. Moscow, 1985. 424 p. (In Russ.)
13. Iakoba I. A. Linguocognitive parameters of discourse in “Smart Tuning” technology. Irkutsk, 2017. 189 p. (In Russ.)
14. Fairclough N. L. Language and power. London: Longman, 1989. 259 p.
15. Sik Hung Ng, Fei Deng. Language and power. The Oxford research encyclopedia, communication. Oxford University Press USA, 2016. 26 p. Available at: <http://communication.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-436> DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.436 (accessed 05.01.2019).
16. Van Dijk T. Ideology: a multidisciplinary approach. SAGE, 1998. 384 p.

Поступила в редакцию 14.01.2019

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА АФАНАСЬЕВА

преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии, Петрозаводский государственный университет; аспирант сектора языкознания Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

anastasia20085@mail.ru

ТОПОНИМНЫЕ МОДЕЛИ СЯМОЗЕРЬЯ ДЛЯ НАЗЫВАНИЯ
НИЗИННОГО РЕЛЬЕФА*

В образовании топонимов наиболее востребованной на фоне других семантических групп лексики является географическая терминология, в том числе характеризующая низинный рельеф. В статье рассматриваются топоосновы Сямозерья, которые отображают низинный рельеф (*Alho-*, *Alango-*, *Kurzu-*, *Uitto-*, *Lyöžy-*), с целью выявления приоритетов топонимической системы при выборе термина в качестве топоосновы. Параллельно решается задача языковых и этнокультурных связей Сямозерья в разное время. Для этого рассматриваются этимологические истоки терминов: среди них есть как исконные прибалтийско-финские лексемы, так и заимствования разного времени. Анализируются также ареалы и стоящие за ними этноязыковые процессы. Показано, что каждый из терминов отличается своими семантическими оттенками и возрастом, а его топонимическая активность обусловлена в значительной степени характером использования места, описываемого термином. Актуальность и новизна исследования состоят в применении ареально-типологической методики анализа топонимического материала для решения этноисторических задач. Доказывается, что Сямозерье было прочно связано с карельским Приладожьем, через территорию которого проникали и финские, и ранние русские заимствования. Источником для исследования послужили данные научной картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН, а также Топонимического архива Финляндии. Активно использовались словари карельского и финского языков, как толковые, так и этимологические.

Ключевые слова: карельская топонимия, топонимные модели, ареал, Карелия, карелы-ливвики, географический термин

В исследовании топонимии важно понимание типологии именования: какая лексика используется топонимией, а какая отвергается, а также – как она встраивается в структуру названия. Универсальным для топонимических систем разных языков является активная роль в них географической терминологии, отражающей существующие в природе разновидности ландшафта. Исследования в области прибалтийско-финской топонимии убедительно показывают ее востребованность как в сложных, так и простых по структуре образованиях [10], [12: 38], [13: 26]. Особенно показательны простые с точки зрения структуры образования, которые нередко выражены ландшафтными терминами, находящимися на периферии языкового сознания, уже уходящими или даже ушедшими из активного использования. Такие топонимы служат источником для реконструкции утраченных лексем с ландшафтной семантикой.

В статье рассмотрены топонимы, которые образованы от географических терминов, характеризующих низинные формы ландшафта. В целом в топонимии терминология, обозначающая низинный рельеф, менее востребована, чем терминология, характеризующая возвышенный

ландшафт. Это связано с тем, что отрицательные формы рельефа играют менее существенную роль в практической деятельности, а также в ориентации на местности по сравнению с положительными, которые являются ориентирами, к ним, как правило, привязаны поселения и сельскохозяйственные угодья и т. д. В данном исследовании на обширном топонимическом материале, хранящемся в топонимической картотеке ИЯЛИ КарНЦ РАН, выявляются мотивы закрепления в географических названиях терминов низинного ландшафта.

Академический 6-томный толковый словарь карельского языка *Karjalan kielen sanakirja* (далее ККС) зафиксировал в Сямозерье до десятка терминов, характеризующих разные формы низинного рельефа. Каждый из них отличается своими семантическими оттенками. Среди них *alango* 'ложбина, лощина, долина; сырой отлогий естественный луг на берегу озера или реки; поле, оставленное под покос', *alandeh* 'низина', *alavikko* 'низина, участок земли в ямах', *alho* 'болотистое место, пригодное для покоса; отдаленный покос; луг; низина', *kurzu* 'сырая низина, заросшая кустарником или низкорослыми

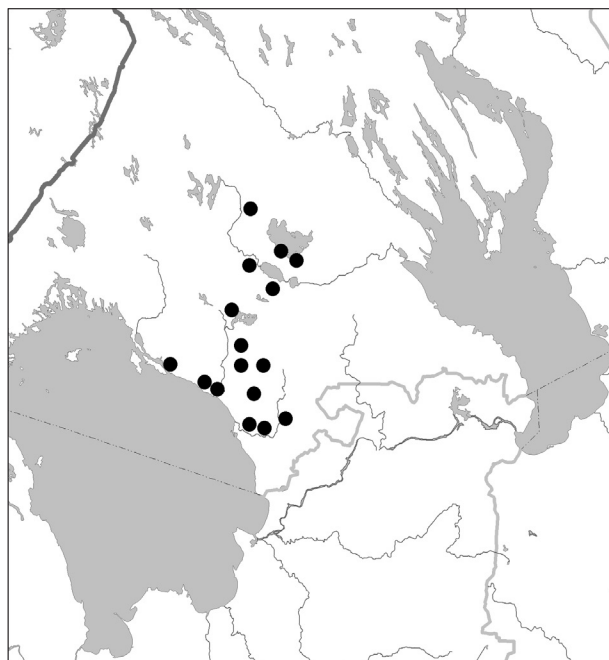
деревьями; бурелом, поросший кустарником', *lodmu* 'ложбина или долина между двумя возвышенностями; низина; сырое место; торфяные ямы на болоте; впадина', *logo* 'ложбина между возвышенностями, по дну которой в межсезонье течет ручей; низина; крупная яма', *lyöžu* 'топь на болоте; сырое, мягкое место; болотистое место, зарастающее осокой; лужа', *orgo* 'овраг; низина с водой', *ulahtes* 'небольшое по размеру низинное место', *vadaikko* 'низина (болотистая), поросшая низкорослым кустарником' [9]. Топонимическая активность их разнится. Одни из терминов не отразились в топонимии вовсе, некоторые же оказались относительно востребованы. Для ответа на вопрос о причинах такой разницы выбрано пять ландшафтных терминов, которые рассмотрены как с точки зрения их этимологических истоков, ареального бытования в прибалтийско-финском языковом мире, так и в плане топонимического функционирования. Анализ основан на ареально-типологической методике исследования, которая разработана и активно используется на прибалтийско-финском топонимическом материале [4], [11], [12].

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ БЫТОВАНИЕ ТЕРМИНОВ *ALHO* И *ALANGO*

Апеллятив *alho* отмечен в узком ареале на собственно карельском-ливвиковском пограничье: в севернокарельском говоре Суйстамо и двух ливвиковских – салминском и видлицком, где имеет значение 'болотистое место, пригодное для покоса; отдаленный покос; луг; низина' [9]. Термин зафиксирован также в самом южном ливвиковском говоре Кондуши, причем в сформированном метатезой облике *ahlo*. Последний факт свидетельствует, видимо, о более широком ливвиковском ареале термина в прошлом, что, собственно, подтверждает и топонимия (см. ниже).

Из родственных прибалтийско-финских языков, судя по данным этимологического словаря финского языка *Suomen sanojen alkuperä* (далее SSA), термин *alho* 'низина (в том числе такая, в которой стоит вода)' известен финскому и под вопросом эстонскому [16]. При этом примечателен финский ареал слова – прежде всего западные говоры [15], в контексте которых оправдана и эстонская фиксация, однако требует пояснения карельская, отделенная ареально от западного финско-эстонского ареала. Как сформировался карельский ареал термина? Для ответа на этот вопрос полезно привлечь карельский топонимический материал, который обрисовывает несколько более широкую территорию, чем собственно лексический. Топонимная модель *Alho*- (рисунок) довольно продуктивна на юге Карелии, на ливвиковском Олонецком перешейке: угод. *Alho*

(Видл., Илляла), угод. *Alhonniityt* (Олон., Сепповара), *Alhonsuo* (Олон., Тенгусельга), угод. *Alhonniityt* (Олон., Сорочья гора), угод. *Alhonniityt* (Олон., Тулосозеро), угод. *Alhot* (Олон., Самбатукса), угод. *Alho* (Видл., Сорбола), кол. *Alhonkaivo* (Видл., Кавайно), угод. *Alho* (Олон., Унойла), руч., угод. *Alhot* (Олон., Левендукса), угод. *Ristanalho* (Салм., Каркку). На территории южнокарельских приладожских говоров можно отметить по крайней мере две топонимические фиксации: угод. *Alhoniitty* (Суояр., Хаутаваара), пос. *Alho* (Имп., Куркиёки). Термин используется в названиях угодий, болот, покосов, колодцев, ручьев.

Ареал ливвиковской топоосновы *Alho*-

В Сямозерье обнаружено четыре топонима с основой *Alho*-, притом что сам термин на Сямозерье неизвестен: руч. *Alhonoja* ~ *Alhond'ogi* и бол. *Alhonsuo* (Корза), пок. *Alhonniityt* (Ламбисельга), угод. *Alhot* (Пески), пок. *Algo* (Харитонов Гора). Топонимные фиксации позволяют вписать Сямозерье в единый ареал с более западными ливвиковскими говорами и одновременно констатировать, что термин не распространился за пределы Сямозерья на восток и север.

Итак, термин (в том числе с учетом топонимических фиксаций) характеризуется в карельском языке локальным ареалом, объединявшим в прошлом приладожские севернокарельские и – с учетом топонимических данных – подавляющее большинство традиционных ливвиковских говоров. Он не известен собственно карельским говорам Карелии и людиковскому наречию. Исходя из такого ареала следует полагать, что термин может быть относительно нововведением, инновационным словом,

распространившимся в ливвиковский ареал из Приладожья, куда, в свою очередь, пришел из более западных районов Финляндии вместе с выходцами оттуда.

Ареал указывает на плотные связи между собственно карельскими и ливвиковскими говорами в Приладожье. При этом отсутствие термина в собственно карельских южных говорах, тверских, тихвинских, а также представленных в средней Карелии и формировавшихся в ходе массового переселения карелов из Приладожья в XVI–XVII веках [1] позволяет полагать, что термин стал активно использоваться в Приладожье уже после XVII века. Его активности способствовало, очевидно, то, что места, характеризовавшиеся термином *alho*, были вовлечены в сельскохозяйственную деятельность. На них размещались сенокосы. Именно поэтому термин неоднократно воспроизведен и в топонимии.

В контексте приведенных рассуждений о термине *alho* и особенно его ареале обратим внимание еще на один сюжет. Вслед за Яло Калима этимологический словарь финского языка SSA указывает, что рус. диалектное *ольга* ‘болото’ появилось в результате заимствования в олонечские говоры прибалтийско-финского термина *alho*. Здесь важно иметь в виду, что речь идет о лексеме, зафиксированной в Заонежье в былинном контексте: “Первая застава великая, *ольги* топучія”¹. Уже по соображениям ареальным, изложенным выше, ливвиковско-севернокарельский термин *alho* вряд ли может выступать истоком заонежской лексемы. Как известно, говоры Заонежья ориентированы прежде всего на заимствования из смежных людиковских и собственно карельских говоров, но не более западных ливвиковских. С. А. Мызников, специально занимавшийся историей заонежской *ольги*, отвергает ее связь с прибалтийско-фин. *alho* в связи с различием в типах вокализма – прибалтийско-финское [a] – русское [o]. Он же предложил – и вполне обоснованно – другой прибалтийско-финский источник – прибалтийско-фин. ландшафтный термин *orko* ~ *orgo* ~ *org*, который широко усвоен в русских говорах Обонежья в виде *орга* ‘глухой, непроходимый участок леса, чащоба’, ‘густой ельник, еловая чаща’, ‘поросшая лесом низина’, ‘поросшая травой низина, используемая для покоса’, ‘лужа’; при этом в связи с широким распространением в русских говорах северо-запада мены [p] – [л] и [л] – [p] закономерно появляется фонетический вариант *ольга* [5: 264]. Иначе говоря, интерпретация русского заимствования в SSA неверна, прибалтийско-фин. термин *alho* не является истоком русского диалектного *ольга*, что, заметим, согласуется полностью и с ареальной характеристикой термина в пределах ливвиковского языкового ареала.

Ареальная специфика термина *alho* особенно рельефно высвечивается при сопоставлении с другим, семантически идентичным ландшафтным термином *alanko* ~ *alango*, имеющим общее прибалтийско-финское бытование: от эстонского и финского до карельского и вепсского. При этом в карельском языке слово представлено в равной степени во всех говорах, во всяком случае, на территории Карелии: ск. *alanko*, *alango*, *alinko*, ливв. *alandu*, *alango* ‘ложбина, лощина, долина; сырой отлогий естественный луг на берегу озера или реки; поле, оставленное под покос’, луд. *alang*, *alangišt* ‘низина’. Ср. фин. *alanko*, диал. *alanto*, *alanikko* ‘то же’. В некоторых финских диалектах имеется значение ‘огороженное пастбище, выгон’ [2].

Среди говоров, в которых зафиксирован термин, есть и сямозерские. Однако в топонимии Сямозера топооснова оказалась невостребованной. В материалах картотеки топонимов Карелии нет ни одного соответствующего топонимического примера. Почему? Ответ, видимо, следует искать в топонимной типологии, связанной, с одной стороны, с характеристикой термина, с другой – с востребованностью в хозяйственно-экономической деятельности населения тех мест, которые маркируются термином *alango*. Судя по той семантике, которая фиксируется словарями, термины *alho* и *alango* в принципе синонимичны, однако конкретно в Сямозерье в довольно широком семантическом поле термина *alango* смазан компонент значения ‘покос’, здесь это прежде всего ‘болотистое низинное место, которое весной затопляется водой’. Видимо, именно малым хозяйственным использованием и вызвана неактивность термина в топонимии.

ТОПООСНОВЫ *KURŽU*- И *KORZU*-

В топонимии Сямозерья представлены две фонетически близкие топоосновы, которые к тому же маркируют схожие в ландшафтном отношении местности: одна из них, *Kuržu*-, в названии сенокосного угодья и болота *Kuržu* или *Kuržunsuo* (Савиново), а вторая, *Korzu*-, в ряде топонимов, группирующихся в так называемой Корзинской низине – обширном мелиорированном болотном массиве на южном берегу оз. Сямозеро: дер. *Korzu* / рус. Корза, пок. *Korzančura*, *Korzanniitut*, возв. *Korzanmägi*. Для прояснения причин и истоков разницы в фонетическом облике топооснов следует вписать каждую в свой топонимический ряд. Для первой это не представляет сложности, поскольку она восходит к ландшафтному термину, бытующему в карельских говорах: ск. *kuržo*, *kurzo*, ливв. *kurzo* ‘сырая болотистая низина, заросшая кустарником или низкорослыми деревьями; бурелом; овраг’ [9]. Последний, в свою очередь, закрепился в целом

ряде топонимов как на севере, так и в южных районах Карелии: зал. *Kuršunlakši* (Ухт., Ювалакша; Ухт., Аконлахти), скала *Kuršunkallivo* (Ухт., Тихозеро), зал. *Kuršilakši* (Ухт., Катош-ламба), бор *Kuršmakangas* (Лоух., Вычетайбола), возв. *Kuršunvuara* (Ухт., Пиртигуба), оз. *Kuršamo* (Ухт., Лапукка), р. *Kuršumajoki* ~ *Kuršmajoki* (Ухт., Войницы), оз. *Kuršamojärvet* (Ухт., Юшкозеро), р. *Kuržund'ogi* (Святоз., Топорное Озеро), ур. *Kurzunbarakat* (Святоз., Кескозеро), оз. *Kuržulambi* (Святоз., Каскеснаволоок), р. *Kuržud'ogi* (Святоз., Пельдожи), р. Куржа (Петр., Линдозеро). В этом списке присутствуют разные фонетические разновидности топоосновы, что позволило Д. В. Кузьмину расширить список говорных вариантов термина и внести в него дополнительно к отмеченным в KKS ск. *kursi*, *kuršu*, ливв. *kuržu* [2]. Такая пестрота не является каким-то исключением, подобная фонетическая многоликость присуща термину и в финских диалектах, где зафиксированы варианты *kursa* 'низинное место, в которое весной собирается вода', *kurso* 'сырое место в низине, болото', *kursu* 'сырое, топкое место, болото'. При этом термин с этой семантикой последовательно фиксируется в восточных финских говорах. В северной Приботнии *kursu* имеет значение 'овраг, ложбина, в которой течет река' [15].

В поисках происхождения финско-карельского термина исследователи склоняются к его саамским истокам, предлагая в качестве истока саам. *gur'so* 'глубокое ущелье, овраг с крутыми склонами' [16] или прасаам. **korse* 'расщелина, ущелье, овраг', а возможность модификации значения саам. 'ущелье' → фин., кар. 'болотистая низина' протекает в русле универсальных семантических закономерностей [7: 108].

Вторая топооснова, *Korzu*-, с -о- во втором слоге и, очевидно, конечным -а- в основе (*Korzu* : Ген. *Korzan*-) не имеет такого убедительного апеллятивного соответствия в карельских говорах. С осторожностью, учитывая это обстоятельство, можно предположить, что топооснова не имела карельского апеллятивного истока, а досталась в наследство в качестве субстратного топонима от предшествующего населения с языком прасаамского типа. Косвенным доказательством может служить значимость самого объекта – обширной болотистой низины, протянувшейся на многие километры на водоразделе Сямозера и реки Шуи. С другой стороны, стоит обратить внимание на название дер. *Korzu*, возникшей в XVII веке практически в центре *Корзинской низины*. В соответствии с общей ойконимической типологией простые по структуре карельские топонимы содержат в основе либо географический термин, либо антропоним [3:

12]. В принципе, ойконим *Korzu* позволительно возводить к антропониму прозвищного характера, восходящему к основе *korsa*- и называющему капризного, вздорного человека [16]. Однако для окончательного ответа требуются дополнительные изыскания. В картотеке топонимов Карелии отразилось, по крайней мере, еще два топонима с аналогичной основой: бол. *Korzan-suo* (вар. *Korzat*-) (Олон., Гушкала) и дер. *Корза* (Шунг., Вырозеро).

Таким образом, на фоне локальной, но фреквентативной в топонимии ливвиковской основы *Alho*- основа *Kuržu*- характеризуется широким, но разреженным бытованием в карельском языковом ареале. Ее малая продуктивность в топонимии связана, очевидно, с ограниченной востребованностью угодий, характеризующихся термином *kurzu* / *kuržu* в хозяйственной деятельности населения.

ДВА ТЕРМИНА С СЕМАНТИКОЙ 'ЛУЖА'

В говорах Сямозерья бытует два термина, в семантическом поле которых центральное место принадлежит значению 'лужа'. Это исконное прибалтийско-финское слово *uitto* и древнерусское заимствование *lyōžu*. Термин *uitto* известен во всех наречиях карельского языка: ск., ливв. *uitto*, *uite*, *uitti(e)* 'крупная лужа; небольшой пруд или озерко; сырая ложбина или покос между возвышенностями; заливной покос на низком месте; легко заболачиваемое место; сырая долина', люд. *uitto* 'сырой узкий луг вытянутой формы между возвышенностями; промоины в обрывистом речном берегу' [9]. Слово заимствовано в русские говоры: белом. *у́йма* 'удаленное (лесистое) место', *у́ймо* 'низинное место', пуд. *у́йма* 'сенокос в лесистой низине', арх. *у́йма* 'безлесое моховое болото' [6: 47]. Термин продуктивен в топонимии, в том числе в ливвиковской: оз. *Uitonjärvi* (Видл., Ведлозеро), бол. *Uitto* (Видл., Тулокса), лужа *Šutinuitto* (Видл., Большие Горы), руч. *Lindu-uitto* (Видл., Погранкондуши), ложб. *Uitto* (Олон., Чимилицы).

В Сямозерье модель маркирует прежде всего низинные места, служившие сельхозугодьями: покосы на болоте *Garbalsellänuitto* и *Porohkaijanuitto* (Гарбалова Сельга), пок. *Omoinuitto* (Рубчейла), поле *Saviuitto* (Клещейла), угод. *Humalikonuitto* (Улялега), угод. *Kodiuitto* (Сямозеро).

В названии покоса *Lyōžu* или *Lyōžänniityt* (Ламбисельга) выступает утраченный современными сямозерскими говорами термин *lyōžu*, однако бытование его в прошлом на Сямозере подтверждается материалами KKS: *lyōžö* 'водянистое место, лужа' [9]. Отмечается, что термин зафиксирован кроме Сямозера также

в Иломанси и Видлице, а в виде производного *lyözeikkö*, *lyöžeikkö* ‘водянистое место, место в лужах’ в Суйстамо и Ругозере [9]. При этом в говорах Приграничной Карелии (Иломанси, Суоярви, Суйстамо) у термина есть заднерядный вариант *luozo* ~ *luožo*, он известен и в территориально смежных ливвиковских Салми и Сямозере. Тем самым выявляется ареал, привязанный к собственно карельско-ливвиковскому пограничью. Кроме того, зафиксирован и третий фонетический вариант термина – *ložo*, бытовавший главным образом в собственно карельских говорах северной и центральной Карелии, но известный и на Сямозере [9]. Ареал дополняют восточнофинские говоры, где термин в виде *lyösä*, *lyösö*, *lösö* фиксируется неоднократно: ср. *lyösä* ‘грязная лужа’ (Кякисалми), ‘маленькая грязная лужа у дороги, которая в сухое лето высыхает’, ‘водянистая низина или низинная глиняная местность’, а также ‘возделанный покос’ (Руоколахти), *lyösö* ‘водянистая низина, сырая местность’ (Пизлисъярви), *lyösö* ~ *luoso* ‘низина с водой’ (Куркиёки). На Карельском перешейке был широко представлен заднерядный вариант *luosa* ‘маленькое озерко, лужа, которая летом часто высыхает’, а также *lösö* ‘сырая скалистая местность’².

Этимологически термин является древнерусским заимствованием, восходящим к рус. *лужа*. На раннюю хронологию заимствования указывает дифтонг *uo* в карельском слове [8: 53]. По данным этимологического словаря финского языка, помимо карельского и восточных финских говоров термин засвидетельствован также в эстонском [16]. При этом ареал термина свидетельствует о карельском посредничестве в его усвоении в восточно-финские говоры или даже карельских истоках.

Обратимся теперь к топонимическому ареалу. Топонимические материалы, в том числе с территории Центральной Приботнии на западе Финляндии, расширяют ареал исторического бытования термина и также подтверждают карельские корни слова в восточной Финляндии, поскольку топонимический ареал убедительно накладывается на территорию бывшего карельского присутствия – Северо-Западное Приладожье, Карельский перешеек, район Сайменских озер, а также узкий так называемый саволакский клин на границе центральной и южной Приботнии (о карельском следе в восточнофинских диалектах см., например, [14]).

В свою очередь, на востоке топонимическое функционирование засвидетельствовано на Сегозере, а также Ведлозере: угод. *Luožo-*

oboda (Сегоз., Кармасельга), угод. *Luožopeldo* (Сегоз., Лосиная Гора), место *Doroganluožo* (Сегоз., Паданы), уроч. *Luožeikko* (Видл., Пертозеро), бол. *Luožijikko* (Видл., Видлица), угод. *Luožoiniitty* (Видл., Киннерма), родн. *Luodzoipouzemti* (Видл., Щукнаволок), бол. *Luodžoinsuo* (Видл., Ведлозеро) [2]. В этом же ряду и пок. *Lyöžy* или *Lyöžänniitty* на Сямозере (Ламбисельга). Он тяготеет к Ведлозерью, находясь, собственно, на водоразделе ведлозерского и сямозерского ареалов, и помечает юго-восточную границу ареала, тянущегося из Северного Приладожья. Тем самым доказывается, что забытое сейчас на Сямозере слово пришло сюда с карельским освоением, которое продвинулось на восток с территории Карельского перешейка. При этом подтверждается пограничность Сямозера: термин практически не вышел за его пределы на восток.

Термин явно не входит в число популярных в топонимии Сямозерья, что, очевидно, вновь связано с небольшой востребованностью характеризующих им ландшафтов в хозяйственно-экономической деятельности населения. В семантическом поле термина *lyöžy* преобладают сегменты ‘лужа (высыхающая летом или нет)’, ‘озеро, водянистая низина’, а семантика ‘сенокос’ находится на самой периферии.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные в статье топонимные модели, производные от географических терминов, характеризующих низинные формы ландшафта, различаются своей активностью, продуктивностью, ареалом, возрастом и этимологическими истоками. Среди них как свои исконные лексемы (*uitto*), так и заимствования разного времени (*kuržu*, *lyöžy*). Ареальная характеристика явно указывает на прочные связи Сямозерья с Северным Приладожьем. При этом термины *alho* и *lyöžy* могут иметь в Сямозерье и в целом на ливвиковской территории примерно один возраст, причем относительно молодой.

Анализ показал также, что наиболее востребованными в топонимии на территории Сямозерья оказались основы *Alho-* и *Uitto-*, поскольку восходят к ландшафтным терминам, характеризующим места, обычно используемые под сенокосы. В то же время для терминов, на которых базируются основы *Kuržu-*, *Lyöžy-*, *Alango-*, семантическая составляющая ‘место, пригодное для сенокосного угодья’ является маргинальной. Как следствие – перечисленные основы малопродуктивны в топонимии.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ № 19-012-00068А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Районы

Видл. – Видлицкий
 Лоух. – Лоухский
 Олон. – Олонецкий
 Петр. – Петровский
 Свят. – Святозерский
 Сегоз. – Сегозерский
 Ухт. – Ухтинский
 Шунг. – Шунгский

Географические термины

бол. – болото
 возв. – возвышенность
 дер. – деревня
 зал. – залив
 кол. – колодец
 ложб. – ложбина
 оз. – озеро
 пос. – поселок
 р. – река
 родн. – родник
 руч. – ручей
 угод. – угодье
 ур. – урочище

Языки, диалекты и говоры

арх. – архангельский
 белом. – беломорский
 диал. – диалектный
 кар. – карельский
 ливв. – ливвиковский
 люд. – людиковский
 прасаам. – прасаамский
 приб.-фин. – прибалтийско-финский
 пуд. – пудожский
 рус. – русский
 саам. – саамский
 ск. – собственно карельский
 фин. – финский

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е, испр. и знач. доп. изд. под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. М.; СПб.: Т-во М. О. Вольф, 1905. Т. 2.
² Suomen nimiarkisto / Топонимический архив Финляндии, хранится в Центре родных языков (Kotimaisten kielten keskus), Хельсинки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1947. 52 с.
- Кузьмин Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии (рукопись). Петрозаводск: ИЯЛИ РАН, 2019.
- Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 356 с.
- Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. 540 с.
- Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2001. Вып. 35. 360 с.
- Aikio A. The saami loanwords in Finnish and Karelian. Oulu, 2009. 386 p.
- Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme: Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisista lainasanoista. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1952. 234 s.
- Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: LSFU XVI, 1968–1997. Osat 1–6.
- Kiviniemi E. Perustietoa paikannimestä. Helsinki: SKST 516, 1990. 243 s.
- Kiviniemi E. Väärät vedet. Tutkimus mallien osuudesta nimenmuodostuksessa. Helsinki: SKST 337, 1977. 216 s.
- Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki: Unigrafia Oy, 2014. 346 s.
- Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu: Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiön julkaisuja, 1975. 382 s.
- Rapola M. Johdatus Suomen murteisiin. 4. painos. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1990. 148 s.
- Suomen murteiden sanakirja. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36, 1985–2003. Osat 1–7.
- Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1992–2000. Osat 1–3.

Afanaseva A. A., Petrozavodsk State University, Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

TOPONYMIC MODELS OF LAKE SYAMOZERO TERRITORY FOR LOWLAND NAMING*

Geographical terminology (including terms of lowland relief) is the most popular semantic group of vocabulary in the formation of toponyms. The article studies the toponymic stems of Lake Syamozero territory, that represent lowland relief (*Alho-*, *Alango-*, *Kurzu-*, *Uitto-*, *Lyöžy-*). It also deals with the problem of linguistic and ethno-cultural relations of Lake Syamozero territory at different times. For this purpose, the etymological origins of the terms are considered, including both original Baltic-Finnish lexemes and borrowings of different times. Areas and ethno-linguistic processes are also analyzed. All terms differ in their semantic shades and age, and their toponymic activity also varies. It has been demonstrated that this activity is related to the character of the use of the place described by the term. The topicality and novelty of the research is in the use of the areal-typological method of the toponymic material analysis for solving ethno-historical problems. It has been proved that Lake Syamozero territory was connected with Karelian Ladoga area, through which Finnish and early Russian borrowings penetrated. Data from the toponymic field research card catalogue of the Institute of Language, Literature and History (Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences), and Toponymic Archive of Finland served as the source for the research. Explanatory and etymological dictionaries of the Karelian and Finnish languages were also actively used.

Key words: Karelian toponymy, toponymic models, area, Karelia, Livvi-Karelians, geographical term

* The publication was prepared as part of the Russian Foundation for Basic Research project No 19-012-00068A "Oikonymic system of Karelia: at the crossroads of tradition and innovation".

REFERENCES

1. Bubrih D. V. The origin of the Karelian people: The story of an ally and a friend of the Russian people in the North. Petrozavodsk, 1947. 52 p. (In Russ.)
2. Kuz'min D. V. Dictionary of Karelian folk geographical terminology (manuscript). Petrozavodsk, 2019. (In Russ.)
3. Mullonen I. I. Essays on Veps toponymy. St. Petersburg, 1994. 156 p. (In Russ.)
4. Mullonen I. I. Toponymy of Prisvirye: problems of ethnolinguistic contacts. Petrozavodsk, 2002. 356 p. (In Russ.)
5. Myznikov S. A. Russian dialects of the Obonezhye region: areal and etymological study of the vocabulary of the Baltic-Finnish origin. St. Petersburg, 2003. 540 p. (In Russ.)
6. Dictionary of Russian folk dialects. St. Petersburg, 2001. Issue 35. 360 p. (In Russ.)
7. Aikio A. The saami loanwords in Finnish and Karelian. Oulu, 2009. 386 p.
8. Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme: Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisista lainasanoista. Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1952. 234 s.
9. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, LSFU XVI, 1968–1997. Osat 1–6.
10. Kiviniemi E. Perustietoa paikannimistä. Helsinki, SKST 516, 1990. 243 s.
11. Kiviniemi E. Väärät vedet. Tutkimus mallien osuudesta nimenmuodostuksessa Helsinki, SKST 337, 1977. 216 s.
12. Kuzmin D. Vienen Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki, Unigrafia Oy, 2014. 346 s.
13. Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiön julkaisuja, 1975. 382 s.
14. Rapola M. Johdatus Suomen murteisiin. 4. painos. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1990. 148 s.
15. Suomen murteiden sanakirja. Helsinki, Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36, 1985–2003. Osat 1–7.
16. Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1992–2000. Osat 1–3.

Поступила в редакцию 05.03.2019

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА МАДЖУГА

аспирант кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
mn91@bk.ruИНВЕКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКИХ ЗООНИМОВ
В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИИ

Целью статьи является анализ функционирования инвектив-зоонимов *борзый* и *крыса*. Новизна исследования заключается в том, что в основу лингвистического анализа инвектив-зоонимов положена концепция «фиксации и функционирования», предполагающая комплексный анализ словарей, фиксирующих исследуемое слово, и рассмотрение примеров его употреблений с сайтов юридической помощи, Национального корпуса русского языка, а также опубликованных текстов лингвистических экспертиз. Выделены следующие критерии, выполнение которых позволяет отнести слово в разряд инвективных единиц: критерий адресата, выявляемый из исследуемых контекстов с юридических сайтов, критерий наличия бранного характера, маркируемый пометами из словарей современного русского языка, и функциональный критерий, основанный на интенции адресанта высказывания, которое содержит инвективу, и предполагающий использование инвективной единицы в функции, подразумевающей намерение породить конфликт. С помощью метода количественных подсчетов было выявлено процентное соотношение употреблений слов *борзый* и *крыса*, для которых в сфере фиксации и сфере функционирования выполняются указанные критерии. Таким образом, слово *борзый* стоит отнести к разряду «потенциально инвективные слова» (для которых критерии инвективности выполняются менее чем в 50 % фиксаций), а слово *крыса* – к разряду «слова с инвективной коннотацией» (для которых более чем в 50 % фиксаций выполняются указанные критерии). К третьему разряду – «собственно инвективные единицы» – относятся слова, для которых более чем в 90 % случаев выполняются критерии инвективности. Это преимущественно обценная и бранная лексика. Предполагается, что предложенная концепция «фиксации и функционирования» инвективных единиц, а также метод комплексного лингвистического анализа инвектив и классификация инвективных единиц, предложенные автором, могут лечь в основу отбора слов для будущего юрислингвистического словаря инвективных единиц, предназначенного для лингвистов-экспертов. Инвективы-зоонимы должны войти в такой словарь отдельной тематической группой.

Ключевые слова: инвективы-зоонимы, *борзый*, *крыса*, инвектива, инвективная функция, концепция «фиксации и функционирования», критерии инвективности, классификация инвективных единиц, словарь инвективных единиц

Общеизвестно, что многие русские зоонимы относятся к древнейшему, общеиндоевропейскому пласту лексики. Слова, обозначающие названия животных, сумели не только закрепиться в языке человека, но и приобрести дополнительные функции (помимо номинативной), например оценочную или символическую, зачастую изменив при этом свою аксиологическую «тональность» с нейтральной на откровенно негативную (например, в русском языке – *козел*, *овца*, *медведь*, *крыса* и др.). Часто ученые различают термины «зооним» как наименование животного в прямом значении и «зооморфизм» как «метафорически мотивированное имя лица» [9]. Следует отметить, что терминология этой группы лексики в современной лингвистике весьма многообразна («зоометафора», «зоосемизм», «зооморфизм» и др.), однако в настоящей статье употребляется традиционный термин «зооним» как название животного с констатацией его возможного устойчивого лексико-семантического варианта как обозначения человека (*корова*, *свинья*, *кот* и под.).

В современной юридической практике достаточно актуальны запросы на лингвистическую экспертизу о «степени оскорбительности», бранности целого ряда русских слов-зоонимов (чаще всего это дела по ст. 152 ГКРФ «О защите чести, достоинства и деловой репутации»). Многочисленны подобные запросы и на сайтах юридической помощи¹. Возникают как минимум два вопроса, имеющих как теоретические, так и практические перспективы. 1) Почему названия некоторых животных применительно к человеку становятся столь популярной и устойчивой инвективой на протяжении многих лет? – На сей счет любопытно мнение Ф. Н. Гукетловой о том, что устойчивое отрицательно-оценочное значение зоонимов объясняется их способностью «фиксировать нарушаемую норму поведения» человека как существа, явно противопоставленного миру природы [6: 123]. Примерно о том же рассуждает и В. К. Харченко, поэтически сравнивая «театр зверей» с «зеркалом, в которое смотрит-ся социум, боясь оскорбляющих человеческое

достоинство аналогий» [11: 110]. 2) Почему некоторые инвективы-зоонимы функционируют в современном языке настолько активно, что вытесняют более новые «обидные» слова, такие, например, как инвективы-заимствования *идиот*, *дебил*, *дуст* и др.

Существует много исследований, посвященных инвективности зоонимов, и всякий раз авторы подчеркивают социокультурные и исторические характеристики зоонимов, их неслучайность и национальную маркированность. Так, Н. В. Венедиктова отмечает, что, например, слово «петух» приобретает «оскорбительный статус» благодаря своему жаргонному происхождению. Часто лексема, воспринимаемая нейтрально или даже положительно, в определенных социальных группах приобретает подчас неожиданные, обладающие оскорбительным характером значения (например, «петух» или «козел» – самые оскорбительные характеристики в уголовном жаргоне) [3]. Г. З. Гайнетдинова рассматривает тот же зооним в сопоставительно-лингвокультурном аспекте, приводя данные о его функционировании в английском языке:

Негативное отношение вызывается у англичан к людям, которые хвастаются, много говорят, не слушая своего собеседника, сплетничают, так как англичане консервативный и эмоционально сдержанный народ. Они нередко прибегают к следующему зоонимам-инвективам: *cock* хвастливый мужчина; *magpie* болтун <...> можно констатировать, что для унижения человека, указывая на его нравственно-моральные качества, употребляются такие зоонимы-инвективы <...> *cock* петух, *magpie* сойка, *donkey* осел [4].

Иными словами, исследователи чаще всего констатируют уже состоявшееся негативное соотношение как один из устойчивых лексико-семантических вариантов современного слова-зоонима.

Интересны запросы о лингвистической характеристике некоторых устаревших инвектив-зоонимов. В частности, на сайте юридической помощи встречаем вопрос: «Является ли слово борзый оскорблением?»² Краткий лексикографический экскурс дает следующую информацию о значении этого слова в интересующем нас аспекте. В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой отсутствует негативный оттенок значения этого слова: «устар. и народно-поэт. Быстрый, резвый (о коне)»³. Однако в Словаре синонимов В. Н. Тришина (2013) в зоне толкования слова «борзый» находим близкие по значению слова с отрицательной коннотацией: дерзкий, заносчивый, наглый, нахальный⁴. Интуитивно носители современного русского языка воспринимают это субстантивированное прилагательное как обладающее отрицательным оттенком значения, способное нанести речевое оскорбление адресату. Неудивительно, что в отношении слова «борзый» у эксперта возникают сомнения:

Хотя по своему буквальному смыслу оно означает «быстрый, скорый, внезапный», его можно рассматривать как грубое, унижающее личное достоинство.

Однако административного состава не будет. Доказывайте в гражданском порядке, требуйте возмещения морального вреда. Но если будет проводиться экспертиза, Вы столкнетесь с вышеуказанным значением. Следует согласиться с мнением этого специалиста о том, что современная лексикография не даст полноценного материала для лингвиста-эксперта в квалификации этого зоонима как явно оскорбительного.

У других же слов (*крыса*, *свинья* и под.) инвективность, как кажется, проявлена более отчетливо. Так, «крыса» имеет весьма частотную употребляемость в запросах на сайтах юридической помощи.

Являются ли оскорблением слова в смс – крыса проклятая и сдохни? Сейчас меня жена по телефону назвала последней крысой! Является ли это оскорблением? При этом она находилась у участкового и он это слышал! Ссылаясь на какую статью, я могу написать заявление?

Примечательно, что специалисты в обоих случаях дают положительный ответ на заданный вопрос (соответственно – «да, является таковым» и «Можете подать жалобу в прокуратуру по факту ст. 5.61 КоАП РФ (оскорбление)»). Отметим, что, в отличие от слова «борзый», «крыса» чаще употребляется в составе двухкомпонентного словосочетания. Переносное значение с отрицательным компонентом, фиксируемое большинством словарей (например: «2. с определением. Разг., пренебр. О человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное. Архивная крыса. Тыловая крыса»⁵), усиливается с помощью определений «архивная», «тыловая» и др. Возможно, специалисты в своих ответах категоричны еще и потому, что в запросах об инвективности зоонима «крыса» оба примера представляют собой словосочетания – «крыса проклятая» и «последняя крыса». Такая разница в комментариях специалистов (в сфере функционирования рассматриваемых слов «борзый» и «крыса»), а также наличие или отсутствие помет, указывающих на оскорбительный, бранный, пренебрежительный характер каждой из этих лексем в словарях русского языка (в сфере фиксации слов), позволяют говорить о различной степени инвективности у исследуемых единиц. Очевидно, что слово «крыса» в сочетании с определением обладает большей степенью инвективности, чем слово «борзый». Подтверждается это примерами из «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой и других словарей русского языка: в большинстве из них слово «крыса» сопровождается пометами «разг.», «пренебр.»⁶, «разг.», «презр.»⁷, «презр.», «устар.»⁸.

Осознание того факта, что инвективная функция по-разному проявляется в словах, в том числе и в такой тематической группе, как зоонимы, безусловно, поможет решению некоторых лингвоюридических и юридических задач, и прежде всего – проведению экспертами лингвистической экспертизы, способствующей вынесению судом справедливого решения по делам о защите чести,

достоинства и деловой репутации. В частности, Н. Д. Голев впервые отметил необходимость создания особой «шкалы для измерения лексики – степени инвективности» [5].

Интересны попытки некоторых лингвистов измерить степень инвективности зоонимов по результатам опросов современных носителей русского языка (например, у А. С. Маслова [10]). Однако зачастую объективность данных таких опросов вызывает многочисленные споры и справедливое недоверие. Поэтому обратимся к иному методу выявления «шкалы инвективности».

При проведении шкалирования необходимо учитывать, как нам кажется, наличие у слова основных критериев инвективности, выводимых из большинства определений инвективной лексики (например, «лексика, употребление которой содержит намерение оскорбить или унижить адресата речи или третье лицо» [7]), – обидный, оскорбительный, бранный, пренебрежительный, унижительный характер высказывания, а также критерий адресата, подразумевающий направленность высказывания на конкретное физическое лицо.

В юридической лингвистике произнесение инвективы предполагает особую форму речевого поведения, или речевой акт, который должен произойти, чтобы состоялось оскорбление: «Другими словами, когда мы используем речевой акт “оскорбление”, мы тем самым выполняем действие, то есть оскорбляем» [2: 95].

По словам К. И. Бринева,

акт оскорбления бывает двух видов – контактный и дистантный. При дистантном инвективном акте необходим третий участник, который и является каналом передачи информации об оскорблении лица [2: 96].

Таким образом, даже высказывание, произнесенное в отсутствие адресата, может содержать инвективу. Тем не менее наличие адресата, его контактное или дистантное присутствие обязательны, и представляется, что осуществление речевого акта оскорбления невозможно без выполнения указанных критериев, которое можно подтвердить или опровергнуть для каждого случая с помощью концепции «фиксации и функционирования», предполагающей комплексный анализ обеих сфер – фиксации и функционирования – исследуемого слова и позволяющей отнести его к определенному месту на шкале инвективных единиц.

О выполнении первого критерия, «бранный, оскорбительный характер», может свидетельствовать сфера функционирования слова – наличие у него соответствующего значения, зафиксированного в словарях современного русского языка, сопровождающегося пометами «бран.», «пренебр.», «презр.», «сниж.». Выполнение второго критерия, «критерия адресата», можно подтвердить с помощью анализа сферы фиксации слова, доказав, что оно употребляется в рассма-

триваемом контексте в инвективном значении, указанном в словаре, с помощью показаний или утвердительных комментариев с сайтов, оставленных юристами – носителями русского языка, а также примерами с функционированием слова в инвективном значении, встречающимися в Национальном корпусе русского языка⁹.

Исходя из процентного соотношения выявления у инвективных единиц указанных критериев предлагается разделить их на три группы: собственно инвективные (для которых более чем в 90 % случаев всех анализируемых фиксаций в современном русском языке выполняются указанные критерии – это чаще всего обценная, ненормативная лексика), содержащие инвективную коннотацию (для которых более чем в 50 % фиксаций выполняются указанные критерии) и потенциально инвективные (при менее чем 50 % фиксаций, соответствующих критериям).

Проанализировав источники сфер фиксации слов «борзый» и «крыса» в сочетании с определением, мы пришли к выводу о том, что первое слово стоит отнести к разряду «потенциально инвективные слова», а второе – к разряду «слова с инвективной коннотацией». Так, в отношении слова «борзый» выявлены следующие статистические данные: менее 50 процентов вхождений из НКРЯ отвечают указанным критериям, то есть выступают в инвективном значении. Анализ словарей современного русского языка подтверждает эти данные: только в двух из 10 рассматриваемых источников отражено инвективное значение: в словаре русского арго В. С. Елистратова «1. Наглый, нахальный, агрессивный. 2. В зн. сущ., БОРЗЫЙ, -ого, м. (или борзой конь). Нахал, наглец; человек, ведущий себя неуважительно по отношению к другим»¹⁰ и упомянутом ранее словаре синонимов В. Н. Тришина. Также нельзя не принять во внимание комментарий специалиста с юридического сайта, не дающий однозначного ответа на вопрос о наличии оскорбления.

Слово «крыса» гораздо чаще встречается в инвективном употреблении. Более чем в 50 % указанных словарей находим соответствующие пометы и сниженное значение. Примеры с инвективным употреблением из корпуса и с юридических сайтов, приведенные выше, подтверждают эти данные.

При таком анализе употреблений необходимо учитывать и третий, функциональный критерий, связанный с адресантом высказывания и предполагающий использование инвективной единицы в функции, подразумевающей интенцию адресанта к порождению конфликта. Так, рассматривая конфликтное функционирование антропонимов, Н. А. Бикейкина приводит несколько функций, справедливых, как нам кажется, для зоонимов-зооморфов: «присвоение имени, выбор имени, перемена имени, исправление имени, использование имени в качестве средства

манипуляции», из которых последнее – использование адресантом зоонима как средства манипуляции – может быть дополнительным критерием для присвоения слову статуса инвективы [1]. Поясним важность третьего критерия. Даже при условии выполнения первых двух часто происходит так: автор – адресант порождает высказывание, имеющее междометный характер, или оскорбляет адресата не с целью, скажем, унижить его, а с целью дружеского подтрунивания. В ином случае высказывание, содержащее инвективу, выполняет, например, «катартическую функцию», целью которой является получение с помощью инвективы психологического облегчения [8: 109]. Помимо тех функций инвективы, которые наиболее важны для решения юридических вопросов (инвектива как средство понижения социального статуса адресата, инвектива как дуэльное средство и др.), В. И. Жельвис выделяет ряд других функций инвективных единиц, которые остаются за рамками данной статьи в силу их нерелевантности для лингвоюридического аспекта сквернословия: эти функции не вызывают вопросов у лингвистов-экспертов (например, «инвектива как средство дружеского подтрунивания или подбадривания», «криптолическая» функция – использование жаргонных выражений в качестве пароля для коммуникации и др.). Рассуждая о той же функциональной проблеме оскорбления, К. И. Бринев отталкивается от понятия контекста, указывая на наличие или отсутствие так называемого инвективно жесткого контекста в качестве дополнительного условия для состоявшейся инвективы: «Инвективно жесткие контексты – это такие контексты, которые не реагируют на изменение пропозициональных установок» [2: 96], то есть при наличии «жесткого контекста» оскорбление остается речевым актом оскорбления даже в вопросительной форме, хотя вопросительность и может выступать в качестве смягчающей иллокутивной силы.

Введение третьего, функционального, критерия оправдано тем, что существует необходимость создания юрислингвистической классификации инвективных единиц, которая позволит

лингвистам-экспертам в каждом конкретном случае, при наличии определенного контекста и употребления инвективы в той или иной функции, с той или иной иллокутивной силой, дать ответ на вопрос о том, является ли то или иное словоупотребление оскорблением по статье 152 ГК РФ. В соответствии с этим из классификации для юрислингвистического словаря исключаются группы единиц, для которых не выполняются все три указанных критерия инвективности – наличие адресата, бранный характер и критерий адресанта, или функциональный критерий. Рассматривая функционирование инвективных единиц в юрислингвистическом аспекте, мы имеем дело с инвективной в узком смысле этого слова, адресант которой ставит целью унижить, оскорбить адресата речевого высказывания. Отбор таких слов, относящихся ко всем трем видам инвективных единиц – собственно инвективные, слова с инвективной коннотацией и потенциально инвективные единицы, сделанный на основе указанных источников сферы фиксации и сферы функционирования инвектив, и может стать основой будущего юрислингвистического словаря инвективных единиц, предназначенного для лингвистов-экспертов, а также студентов, обучающихся по направлению «юридическая лингвистика».

Очевидно, что инвективы-зоонимы должны войти в такой словарь специальной тематической группой с указанием вида по степени инвективности для каждой единицы, а также с указанием на тему, например, оценка внешнего вида (например, «кобыла»), оценка характера вообще (к примеру, «петух») или оценка единичного поступка (как в случаях со словом «крыса» или «борзый»), оценка слова / речи / манеры говорить и т. д. Каждую словарную статью необходимо снабдить примерами инвективного функционирования из Национального корпуса русского языка, юридических запросов с сайтов и опубликованных текстов лингвистических экспертиз. Такая концепция словаря, безусловно, будет способствовать решению практических задач, стоящих перед лингвистами-экспертами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вопросы лингвоэкспертного характера встречаются на сайтах юридической помощи онлайн, таких как <https://www.9111.ru/>, <https://pravoved.ru>.

² Юридическая Социальная Сеть 9111 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.9111.ru/> (дата обращения 12.04.2018).

³ Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–И. С. 108.

⁴ Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 21.07.2018).

⁵ Словарь русского языка... Т. 2. К–О. С. 141.

⁶ Там же.

⁷ Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп / Под ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs> (дата обращения 15.07.2018).

⁸ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения 17.07.2018).

⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 15.07.2018).

¹⁰ Елистратов В. С. Словарь русского арго. М.: ГРАМОТА.РУ, 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russian_argo.academic.ru/ (дата обращения 21.07.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикейкина Н. А. Лингвоконфликтологическое и юрислингвистическое исследование имени собственного: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com> (дата обращения 12.04.2018).
2. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
3. Венедиктова Н. В. Зоонимы как средство инвективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp> (дата обращения 12.04.2018).
4. Гайнетдинова Г. З. Функционирование зоонимов в инвективных высказываниях (на материале татарского и английского языков) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2010/Philologia/68569.doc.htm (дата обращения 12.04.2018).
5. Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v89.html> (дата обращения 12.04.2018).
6. Гукетлова Ф. Н. Образная основа внутренней формы зооморфизмов как смысловозначительный фактор мирозидения // Вестник Адыгейского университета. Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 2. С. 121–125.
7. Жельвис В. И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихоллингвистика. М.: Наука, 1988. С. 98–108.
8. Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд. М.: Ладомир, 2001. 352 с.
9. Лапшина М. Н. Семантическая эволюция английского слова: (Изучение лексики в когнитивном аспекте). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 159 с.
10. Маслов А. С. Использование индекса инвективности при характеристике зоометафор в современном русском языке // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 13. Вып. 18. С. 51–58.
11. Харченко В. К. Современная повседневная речь. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 184 с.

Madzhuga N. N., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

INVECTIVE FUNCTION OF RUSSIAN ZOONYMS IN THE ASPECT OF LINGUISTIC EXPERTOLOGY

The aim of the article is to analyze the functioning of the invective zoonyms *borzyj* and *krysa*. The novelty of the study lies in the fact that the conception of “fixation and functioning” is based on the linguistic analysis of invective zoonyms, which involves a comprehensive analysis of dictionaries that fix the word under study and the tokens of its usage from legal aid web-sites, the National Corpus of the Russian Language, and the published texts of linguistic expertise. The following criteria, the fulfillment of which allows to classify the word as an invective unit, are elicited: the criterion of the addressee, revealed from the investigated contexts taken from legal web-sites; the criterion of abusive character, marked with litters from dictionaries of the modern Russian language; and the functional criterion, based on the intention of the addressee of the utterance that contains an invective, and assuming the use of an invective unit in a function implying the intention to generate a conflict. The quantitative calculations method revealed the percentage ratio of using the words *borzyj* and *krysa*, which meet the specified criteria in the sphere of fixation and the sphere of functioning. Thus, the word *borzyj* is classified as a “potentially invective word” (for which the invectiveness criteria are met in less than 50 % of tokens), and the word *krysa* – as a “word with an invective connotation” (for which the specified criteria are met in more than 50 % of tokens). The third category – “actual invective units” – includes the words for which the invectiveness criteria are met in more than 90 % of tokens. These are mainly obscene and abusive vocabulary units. It is assumed that the proposed conception of “fixing and functioning” invective units, the method of complex linguistic analysis of invectives, and the invective units classification proposed by the author can form the basis for the selection of words for the future dictionary of invective units intended for linguistic experts. Invective zoonyms must be included into such dictionary as a separate thematic group.

Key words: invective zoonyms, *borzyj*, *krysa*, invective function, the concept of “fixation and functioning”, invectiveness criteria, invective units classification, dictionary of invective units

REFERENCES

1. Bickeykina N. A. Linguo-conflictological and forensic linguistic study of proper names: Diss. Cand. Sci. Abstr. (Philology). Novosibirsk, 2011. Available at: <http://www.dissercat.com> (accessed 12.04.2018). (In Russ.)
2. Brinev K. I. Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. Barnaul, 2009. 252 p. (In Russ.)
3. Venediktova N. V. Zoonyms as a means of invective. Available at: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp> (accessed 12.04.2018). (In Russ.)
4. Gaynetdinova G. Z. Functioning of zoonyms in invective statements (using the material of the Tatar and English languages). Available at: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2010/Philologia/68569.doc.htm (accessed 12.04.2018). (In Russ.)
5. Golev N. D. Legal linguistic dictionary of the invective vocabulary of the Russian language (the formulation of the problem). Available at: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v89.html> (accessed 12.04.2018). (In Russ.)
6. Guketlova F. N. The figurative basis of the internal form of zoomorphisms as a sense-discerning factor of the worldview. *Bulletin of the Adyg University. Philology and art history*. 2009. Issue 2. P. 121–125. (In Russ.)
7. Zhelvis V. I. Invective strategy as a nation-specific characteristic. *Ethnopsycholinguistics*. Moscow, 1988. P. 98–108. (In Russ.)
8. Zhelvis V. I. The battlefield: Foul language as a social problem in the languages and cultures of the world. Moscow, 2001. 352 p. (In Russ.)
9. Lapshina M. N. Semantic evolution of the English word: (The study of vocabulary in the cognitive aspect). St. Petersburg, 1998. 159 p. (In Russ.)
10. Maslov A. S. The use of the invectiveness index for characterizing the zoometaphors in modern Russian. *Scientific Bulletin. Humanities series*. 2013. No 13. Issue 18. P. 51–58. (In Russ.)
11. Kharchenko V. K. Modern everyday speech. Moscow, 2010. 184 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.04.2018

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии, Московский государственный областной университет (Мытищи, Российская Федерация)
olnikitin@yandex.ru

Рец. на кн.: Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. Т. 2: Ломоносов / [под ред. Н. В. Патроевой]; авт.-сост.: А. М. Дундукова, И. Н. Дьячкова, А. А. Лебедев, Е. А. Мухина, А. В. Пигин, А. В. Приображенный, А. В. Рожкова, О. В. Семенова, Н. С. Шубина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 608 с.

Изучение наследия русской поэтической культуры XVIII века – исключительно важная и актуальная проблема современной филологии, которая позволяет проанализировать, оценить и реконструировать антропологическую картину мира удивительной эпохи, вобравшей в себя все краски и оттенки зарождавшейся национальной традиции языкового творчества. В это время работали исключительные по своему таланту и энциклопедическим способностям личности: В. Н. Татищев, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов и другие ученые, постигавшие мир слова и прозревавшие его духовные тропы в век экспериментов и скитаний. Многое, сделанное ими и не только в филологии, до сих пор обсуждается и находится в центре внимания гуманитарной науки XXI века.

Создание словарей языка писателей того время – очень интересный проект, который реализуется под руководством известного лингвиста профессора Н. В. Патроевой. Замысел ее авторского коллектива уже получал поддержку РФФИ (в 2017 году был издан первый том «Синтаксического словаря»). Теперь выпущен второй, охватывающий творчество М. В. Ломоносова.

Мы разделяем концепцию ученых, которые представили тексты М. В. Ломоносова в виде таблиц, куда включили подробное описание синтаксических конструкций, начиная с отбора контекста, его паспортизации и размера, подсчета количества слов и числа строк и т. д. и завершая типами композиции и строфы, риторическими приемами и структурными схемами. Авторы также описали типы предложений с точки зрения полноты / неполноты состава, коммуникативной модели, влияния интонации и модального значения и т. д.

Книга сопровождается обширным предисловием, в котором дается развернутая аналитическая статья, утверждающая идею необ-

ходимости изучения фактов диахронической грамматики методами современной лингвистики – с помощью составления экспериментального синтаксического словаря (заметим, кстати, что это *новый* жанр для традиции отечественной лексикографии). Важно в этом отношении заявление ученых о том, что «синтаксический словарь русской поэзии по своему предназначению является сводным писательским словарем, демонстрирующим основные тенденции в эволюции синтаксических доминант русской поэтической речи, отдельных поэтических идиостилей, а также в развитии русского литературного языка ломоносовской и карамзинской поры в целом (поскольку преобладающими жанрами данного периода были именно поэтические жанры) и представляющим общую картину формирования синтаксических норм русской силлабической и силлабо-тонической поэзии в XVIII веке в аспекте их становления, изменчивости либо преемственности и в тесной связи с динамикой норм жанрово-стилистических и ритмо-метрических (с. 11 рецензируемого издания)».

Несомненно практическое значение второго тома «Синтаксического словаря», материалы которого найдут применение не только в академической, но и в вузовской практике. Особенно же он ценен для теории составления подобных «поэтических энциклопедий» и усовершенствования в целом аппарата лексикографирования. Безусловно, эта книга будет способствовать развитию новых областей филологии, таких как «грамматика поэзии», лингвистическая поэтика и корпусная лингвистика, типология текстов разных жанров. Данное исследование станет незаменимым источником и для изучения традиционного языкознания, прежде всего – в разработке проблем истории русского литературного языка и формирования его норм.

Поступила в редакцию 06.11.2018

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА БАБАЛЫК

кандидат филологических наук, научный сотрудник, Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский» (Петрозаводск, Российская Федерация)
mg-babalyk@ya.ru

Рец. на кн.: Шилова, Наталья Леонидовна. Остров Киж и русская литература [монография] [Электронный ресурс] : электронное издание / Н. Л. Шилова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Электрон. дан. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018.

В 2018 году была издана монография Натальи Леонидовны Шиловой, посвященная отражению образа острова Киж в литературе. К исследованию привлечены как собственно художественные произведения, так и публицистические. Это сочинения таких авторов, как В. Пулькин, Е. Евтушенко, Л. Озеров, А. Вознесенский, Л. Корнилова, Вс. Рождественский, Р. Рождественский, Ю. Линник, Е. Крохина, И. Мазурук, В. Соколов, А. Авдышев, И. Стрелкова, И. Буркова, Б. Гущин и многих других. Таким образом, перед нами первое систематическое описание корпуса разнородных текстов, объединенных кижской тематикой.

Издание адресуется широкому кругу читателей, не только специалистам-филологам, но и всем, кто интересуется литературой о Русском Севере. Оно будет полезно и для сотрудников музея «Кижский» в их экскурсионной и научной работе. Книга обращает на себя внимание новизной заявленной темы, ведь понятие кижского текста в литературоведении не использовалось ранее, поскольку литература о Кижских островах еще очень молода. Этот факт не стал препятствием для автора, а наоборот, позволил освоить новую почву, которая станет основой для будущих исследований. Необходимо отметить и доступность книги для читателя благодаря электронной публикации, что является важным средством взаимодействия с аудиторией в век интернет-технологий.

Структура исследования подчиняется хронологии этапов формирования кижского текста: от зарождения в эпоху активного собирания фольклора в XIX веке на территории Заонежья до настоящего времени. В Приложении представлен свод источников, насчитывающий более 180 произведений, многие из которых проанализированы в книге. Кропотливая работа позволила автору дополнить новыми текстами, изданными ранее, библиографические перечни

произведений об острове, основой которых является тематический указатель 1995 года «Кижский», подготовленный сотрудниками Национальной библиотеки Республики Карелия. Так, не были ранее учтены произведения Николая Клюева, Константина Паустовского, Юрия Казакова, Александра Житинского и других авторов. Обращается исследовательница и к архивным источникам.

Предметом научного интереса Натальи Леонидовны являются не только особенности литературной репрезентации острова, но и роль литературы в формировании современного образа острова Киж как одного из культурных символов России в мире. Под таким углом зрения еще никто ранее не рассматривал произведения об острове, ставшем брендом Республики Карелия в последние десятилетия. Действительно, как убедительно доказывает автор, благодаря литературе в XX веке совершился культурный переворот: об острове заговорили не только как о колыбели фольклорной традиции, но и как об уникальном природном и архитектурном памятнике, соединившем в себе нерукотворное начало с искусством заонежских мастеров. Именно литература стала началом на пути формирования символических значений этой территории, активировав процесс концептуализации и мифологизации островного пространства.

Не каждый исследователь возьмет на себя труд найти в столь разнородном с точки зрения стиля и жанра материале общую нить. Н. Л. Шилова выделяет сквозные темы, сюжеты и мотивы в анализируемых произведениях, выявляет новые художественные прочтения, связанные с островом, легендами и преданиями о нем, архитектурой Кижского ансамбля. В книге намечена научная перспектива данной темы, а это значит, что будет и продолжение исследования.

Поступила в редакцию 20.12.2018

ХРОНИКА

■ Научный журнал «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» 12 марта 2019 года включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS (EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES) (Берген, Норвегия)

ERIH PLUS был создан и разработан европейскими исследователями при координации Постоянного комитета по гуманитарным наукам (SCH) Европейского научного фонда (ESF). Списки ERIH, которые первоначально охватывали только гуманитарные дисциплины, были впервые опубликованы ESF в 2008 году. В 2014 году ответственность за поддержание и эксплуатацию ERIH была передана Норвежскому центру исследований данных. С 9 июля 2014 года ERIH PLUS открыт для подачи заявок на включение новых журналов. Чтобы быть включенными в ERIH PLUS, научные журналы по гуманитарным и социальным наукам должны соответствовать эталонным стандартам.

Мы рады, что удалось выполнить заявленные стандарты и быть включенными в единственную и самую влиятельную на сегодняшний день международную базу данных по гуманитарным журналам. Вхождение в ERIH PLUS – это, конечно, достижение наших авторов, главного редактора и его заместителей, членов редакционного совета и редколлегии, рецензентов, ответственно подходящих к оценке рукописей, а также всего коллектива, работающего в редакции журнала.

Поздравляем всех с очередным достижением и надеемся на плодотворное сотрудничество с учеными не только нашего университета, но и других вузов и научных центров России, а также зарубежных стран.

																					
About Criteria for inclusion Approval procedures Revision of ERIH journals Contact Advisory Group National Experts Search Download current list Help	About Search Log in Help Ученые записки Петрозаводского государственного университета <table> <tr> <td>International title:</td> <td>Proceedings of Petrozavodsk State University</td> </tr> <tr> <td>Print ISSN:</td> <td>2542-1077</td> </tr> <tr> <td>Electronic ISSN:</td> <td>1994-5973</td> </tr> <tr> <td>URL:</td> <td>http://uchzap.petsu.ru/ogn.php?lang=en</td> </tr> <tr> <td>Publisher:</td> <td>Petrozavodsk State University</td> </tr> <tr> <td>Country of publication:</td> <td>-</td> </tr> <tr> <td>Language:</td> <td>Russian</td> </tr> <tr> <td>Disciplines:</td> <td>Archaeology History Linguistics Literature</td> </tr> <tr> <td>Peer review:</td> <td>Peer reviewed</td> </tr> <tr> <td>Status:</td> <td>Active</td> </tr> </table> This journal was approved on 2019-03-11 according to ERIH PLUS criteria for inclusion. This is an open access journal according to: NSD - Norwegian Centre for Research Data	International title:	Proceedings of Petrozavodsk State University	Print ISSN:	2542-1077	Electronic ISSN:	1994-5973	URL:	http://uchzap.petsu.ru/ogn.php?lang=en	Publisher:	Petrozavodsk State University	Country of publication:	-	Language:	Russian	Disciplines:	Archaeology History Linguistics Literature	Peer review:	Peer reviewed	Status:	Active
International title:	Proceedings of Petrozavodsk State University																				
Print ISSN:	2542-1077																				
Electronic ISSN:	1994-5973																				
URL:	http://uchzap.petsu.ru/ogn.php?lang=en																				
Publisher:	Petrozavodsk State University																				
Country of publication:	-																				
Language:	Russian																				
Disciplines:	Archaeology History Linguistics Literature																				
Peer review:	Peer reviewed																				
Status:	Active																				
Registered user Register new user Login Submit new journal																					
NSD Indexes Norwegian Register ERIH PLUS																					

Международная научная конференция

XXIV СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

16–17 мая 2019 года

Даугавпилсский университет (Латвия)

Кафедра русистики и славистики гуманитарного факультета

Конференция предполагает выступления с научными докладами по актуальным проблемам русистики и славистики, функционирования русского языка, литературы и культуры в иноязычном пространстве. В соответствии с этим в рамках конференции планируется организовать работу секций по следующим направлениям:

1) Актуальные проблемы славистики и русистики (теоретический аспект):

Славянские языки: история и современность
Литература славян: история и современность
Славяно-балтийские языковые, литературные и культурные связи
Русская литература в контексте мировой литературы

2) Русский язык, литература и культура в иноязычном пространстве (прагматический аспект):

Изучение русской литературы и культуры в современном мире
Русский язык в мультикультурном пространстве
Инновационные методы преподавания русского языка как иностранного

Рабочие языки конференции – русский, латышский, английский.

Материалы конференции публикуются в сборнике «Славянские чтения». Оргкомитет оставляет за собой право отбора докладчиков и статей для публикации – в зависимости от научной привлекательности темы и ее соответствия задачам конференции.

Адрес Оргкомитета: Rusistikas un slāvistikas katedra, Daugavpils Universitāte Vienības 13,
Daugavpils, LV5401, Latvija / Latvia.

e-mail: annastankevica@inbox.lv, galina.vasilkova@du.lv

Всероссийская научная конференция (с международным участием)

РУССКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ:

к 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина (1799–1837)

и 210-летию со дня рождения А. В. Кольцова (1809–1842)

27–29 июня 2019 года

Петрозаводский государственный университет

Кафедра русского языка Института филологии

На конференции предполагается обсудить следующие вопросы:

1. Проблемы описания жанра и композиции лирического произведения. Жанровые традиции во-семнадцатого столетия в русской лирике пушкинской эпохи.
2. Лингвопоэтика и лингвостилистика русской поэзии. Семантика и грамматика поэтического текста.
3. Идиостили русских романтиков.
4. Стихование: метрика и строфика: традиции и новаторство, проблемы рифмообразования в русской романтической лирике.
5. Философия, историзм, мифопоэтика, фольклоризм, античные и христианские традиции русской романтической поэзии.
6. История русского литературного языка пушкинской поры.
7. Русская поэтическая лексикография.
8. Язык и стиль А. С. Пушкина.
9. Язык и стиль А. В. Кольцова.
10. Русская романтическая проза и драматургия в ее взаимосвязи с лирикой.
11. Текстология русской романтической лирики.

e-mail: kafrus@petrsu.ru

Международная научно-практическая конференция

**ЯЗЫК-КУЛЬТУРА, МЫШЛЕНИЕ-ПОЗНАНИЕ.
ИНТЕГРАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

28–30 июня 2018 года

Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ)

Институт филологии и массовых коммуникаций

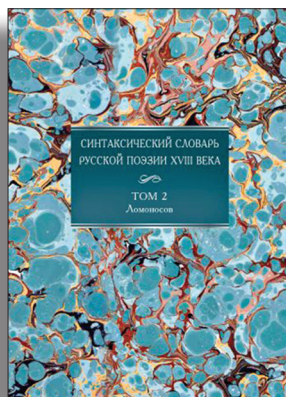
Направления, предлагаемые для обсуждения на конференции:

- Мультидисциплинарные методологии исследования
- Психолингвистический подход к изучению семиозиса
- Перевод как неоднозначное посредничество в межкультурной коммуникации
- Социальная идентичность и другие объекты дискурсивной лингвистики
- Философские обоснования онтологии объекта: критические и оптимистические взгляды
- Монгольский мир через призму современных методов исследования языка и культуры
- Тенденции в отечественном и зарубежном литературоведении
- Современные технологии обучения и методы преподавания в профессиональном образовании
- Имена собственные в современном дискурсивном пространстве

e-mail: konf.ifim@bsu.ru

CONTENTS

Editorial note	7	LINGUISTICS	
LITERARY STUDIES		<i>Lönnngren L.</i>	
<i>Drannikova N. V.</i>		THOUGHTS ON VALENCY.	61
“WE WERE CARRIED IN THE CATTLE-BOXES FOR A MONTH”: MEMORIES OF THE SPECIAL SETTLERS’ DESCENDANTS IN THE NAR- RATIVE TRADITION OF ARKHANGELSK CITIZENS	8	<i>Izmestjeva I. A.</i>	
<i>Poluyakhtova I. K., Demenyuk V. M.</i>		LANGUAGE MEANS OF DISPLAYING SPATIO- TEMPORAL RELATIONS IN THE CHRONICLE <i>ГО ОУБЪСНЬИ БОРИСОВЪ</i>	70
THE RECEPTION OF THE <i>RUMPELSTILTSKIN</i> FOLK TALE IN THE NOVEL <i>THE CRONING</i> BY LAIRD BARRON	17	<i>Borisova T. S.</i>	
<i>Kaneva T. S.</i>		DIACHRONIC ASPECT IN THE STUDY OF THE POETICS OF THE CHURCH SLAVONIC TRANSLATED HYMNOGRAPHIC TEXTS	75
GAME SONG “HORSE-RADISH” IN KOMI AND NORTH RUSSIAN TRADITIONS: VARIANTS AND TRANSFORMATIONS	22	<i>Voloshina O. A.</i>	
<i>Markelova O. A.</i>		THE ROLE OF SANSKRIT IN THE DEVELOP- MENT OF F. F. FORTUNATOV’S LINGUISTIC THEORY	81
RECEPTION OF SAGAS OF THE ICELAN- DERS IN MODERN ICELANDIC HISTORICAL NOVELS	28	<i>Guseva E. R., Marakhtanov A. G.</i>	
<i>Melnikova L. A.</i>		INFORMATION SYSTEM “DIALECT LEXIS AND ONOMASTICS OF KARELIA” AS A DY- NAMIC MEDIA RESOURCE FOR LOCAL STUDIES	89
ALLUSIONS AS A FORM OF THE RECEPTION OF F. M. DOSTOYEVSKY’S ARTISTIC EXPERI- ENCE IN HEINRICH BÖLL’S SHORT NOVEL <i>THE TRAIN WAS ON TIME</i>	35	<i>Iakoba I. A.</i>	
<i>Abrosimova D. D.</i>		OUTER AND INNER PARAMETRES OF MEDIA DISCOURSE SMART TUNING	94
OBONEZHYE FOLK CALENDAR IN THE <i>OLONETSKIYE GUBERNSKIYE VEDOMO- STI</i> NEWSPAPER AND THE EXPEDITION RE- CORDS	41	<i>Afanaseva A. A.</i>	
<i>Wang Jiao</i>		TOPONYMIC MODELS OF LAKE SYAMOZE- RO TERRITORY FOR LOWLAND NAMING	101
AUTOBIOGRAPHY AS A LITERARY GENRE: ESSENCES, VARIETIES AND MODERN MODI- FICATIONS	49	<i>Madzhuga N. N.</i>	
<i>Otlivanchik A. V.</i>		INVECTIVE FUNCTION OF RUSSIAN ZOO- NYMS IN THE ASPECT OF LINGUISTIC EX- PERTOLOGY	108
MATERIALS FROM THE EDITORIAL AR- CHIVE OF <i>THE CITIZEN JOURNAL</i> OF V. F. PUTSYKOVICH IN STAATSBIBLIOTHEK ZU BERLIN	54	Reviews	
		<i>Nikitin O. V.</i>	
		The book review: Syntactic Dictionary of the Rus- sian Poetry in the XVIII Century: in 4 vols. Vol. 2: Lomonosov	113
		<i>Babalyk M. G.</i>	
		The book review: Shilova N. L. Kizhi Island and Russian Literature	114
		Scientific information	115

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА. ТОМ 2: Ломоносов

Цель словаря – представить типологию синтаксических конструкций, используемых в русской поэзии XVIII века, выявить взаимосвязи между грамматической, метрической и жанрово-стилистической подсистемами стихотворного текста. Словарь демонстрирует богатство и разнообразие синтаксического репертуара русской поэзии на материале стихотворного творчества девяти выдающихся писателей XVIII века – А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, А. П. Радищева, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева. Второй том словаря посвящен поэтическому синтаксису М. В. Ломоносова. Аналогов словарь не имеет.

Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. / [под ред. Н. В. Патроевой]. – Т. 2 : Ломоносов. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. – 608 с.

Отзыв о данном томе читайте в рубрике «Рецензии»

Н. Л. Шилова

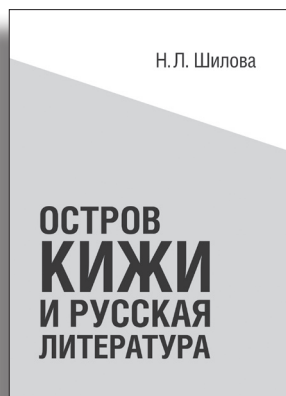
ОСТРОВ КИЖИ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Монография представляет собой первое систематическое описание круга литературно-художественных и очерковых текстов русской литературы, связанных с островом Киж. В книге показаны этапы формирования кижского текста русской литературы в XX веке в произведениях Н. Клюева, К. Паустовского, А. Вознесенского, Р. и В.с. Рождественских, Ю. Казакова, В. Бетаки, А. Житинского, В. Пулькина, А. Авдышева и других авторов. Предмет интереса автора – особенности литературной репрезентации острова, роль литературы в формировании современного образа острова Киж как одного из культурных символов России в мире. В исследовании использован широкий спектр материалов, включая архивные документы.

Издание может быть полезно филологам, историкам, музеоведам, работникам туристической отрасли, студентам и всем, интересующимся северным текстом русской литературы.

Шилова, Наталья Леонидовна. Остров Киж и русская литература [монография] [Электронный ресурс] : электронное издание / Н. Л. Шилова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Электрон. дан. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018.

Отзыв о монографии читайте в рубрике «Рецензии»

ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ

В сборнике представлены материалы докладов международной научной конференции «Фортунатовские чтения в Карелии», состоявшейся 10–12 сентября 2018 года в ПетрГУ. Участники конференции обсуждали проблемы лингвистической типологии, сравнительного языковедения, морфологии и синтаксиса, словообразования, лексикологии и лексикографии, теории письма и фонологии, исторической стилистики, методики преподавания русского языка. Материалы представлены академическими учеными и вузовскими преподавателями России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Италии, Киргизии, Молдавии, Сербии, Словакии, Узбекистана, Украины, Финляндии.

Статьи окажутся полезными языковедам, преподавателям высшей школы, учителям-словесникам, аспирантам и студентам-филологам.

Фортунатовские чтения в Карелии : сборник докладов международной научной конференции (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск) : в 2 ч. / науч. ред. Н. В. Патроева ; предисл. Н. В. Патроевой и О. В. Никитина. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. – Ч. 1. – 320 с. ; Ч. 2. – 108 с.

Н. В. Патроева

СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

В учебном пособии рассматриваются основные понятия стилистики художественной речи как одного из направлений современной лингвистической стилистики, своеобразие, закономерности и проблемы изучения экспрессивного функционирования языковых единиц и категорий в сфере художественной литературы, специфика поэтической речи как эстетического феномена.

Издание адресовано студентам, аспирантам, преподавателям филологических факультетов (институтов), а также исследователям художественного слова.

Патроева, Наталья Викторовна. Стилистика художественной речи : учебное пособие / Н. В. Патроева ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. – 215 с.

